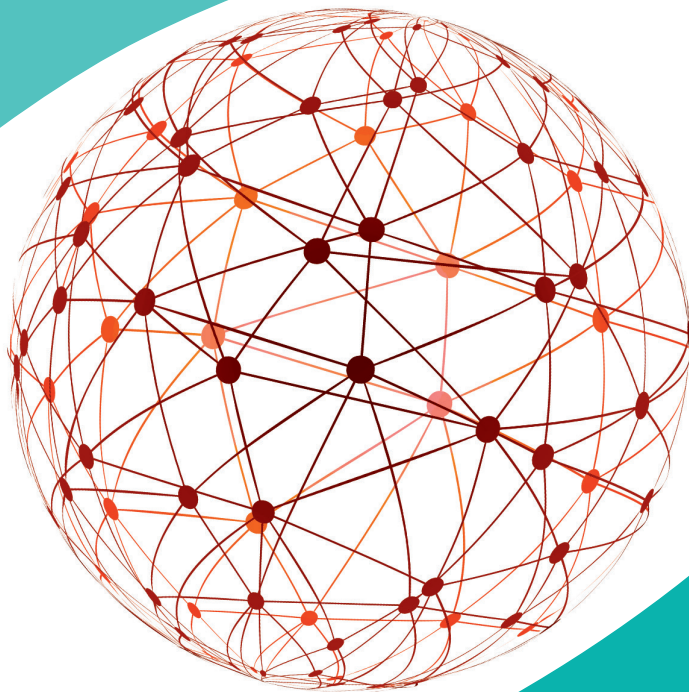

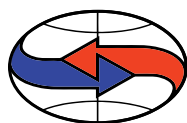
№ 4 (16) / 2021

ISSN: 2687-0703

ГЕОЭКОНОМИКА ЭНЕРГЕТИКИ

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Институт стран СНГ

Научно-аналитический журнал

ГЕОЭКОНОМИКА ЭНЕРГЕТИКИ

№ 4 (16)

Москва

2021

СОВЕТ УЧРЕДИТЕЛЕЙ

Затулин К. Ф., специальный представитель Государственной думы РФ по вопросам миграции и гражданства, первый заместитель председателя Комитета Государственной думы РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, депутат Госдумы I, IV, V, VII созывов;

Никифоров К. В., доктор исторических наук, историк-славист, директор Института славяноведения РАН;

Тишков В. А., доктор исторических наук, профессор, историк, этнолог, социальный антрополог, действительный член РАН;

Торкунов А. В., действительный член РАН, доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор, ректор МГИМО МИД России, председатель совета директоров АО «Первый канал».

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Глазьев С. Ю., академик РАН, доктор экономических наук, профессор, советник Президента Российской Федерации, представитель Президента Российской Федерации в Национальном банковском совете;

Егоров В. Г., доктор исторических наук, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Международные отношения и геополитика транспорта» РУТ (МИИТ);

Кожокин Е. М., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России;

Кузнецов А. В., член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, директор Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН;

Ли Юнцюань, директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук;

Симонов К. В., кандидат политических наук, доцент Финансового университета при Правительстве РФ, основатель и генеральный директор ФНЭБ;

Суварян Ю. М., академик Национальной академии наук Республики Армения, доктор экономических наук, профессор, академик-секретарь Отделения арменоведения и общественных наук;

Хасбулатов Р. И., член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой мировой экономики РЭУ им. Г. В. Плеханова.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Белогорьев А. М., заместитель главного директора по энергетическому направлению, директор Центра стратегического анализа и прогнозирования развития топливно-энергетического комплекса;

Вардомский Л. Б., доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра постсоветских исследований Института экономики РАН;

Волошин В. И., доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором энергетической политики Института экономики РАН;

Дзарасов Р. С., доктор экономических наук, заведующий кафедрой политической экономики и истории экономической науки Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова;

Жильцов С. С., доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России;

Конотопов М. В., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории ИЭ РАН;

Кузнецова О. Д., доктор экономических наук, профессор кафедры истории экономических наук Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова;

Лавренов С. Я., доктор политических наук, профессор Военного университета Министерства обороны России;

Медведев Д. А., кандидат политических наук, доцент кафедры национальной безопасности РГУ нефти и газа (НИУ) им. И. М. Губкина;

Олимов М. А., доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения Таджикского национального университета;

Панова Г. С., доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой «Банки, денежное обращение и кредит» Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России;

Рахимов М. А., доктор исторических наук, профессор, Координационно-методический центр новейшей истории Узбекистана;

Тавадян А. А., доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра экономических исследований Армении;

Устюжанина Е. В., доктор экономических наук, заведующая кафедрой экономической теории Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова;

Хейфец Б. А., доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН, профессор Финансового университета при Правительстве РФ;

Чуфрин Г. И., доктор экономических наук, профессор, академик РАН, руководитель научного направления, Центр постсоветских исследований ИМЭМО РАН;

Штоль В. В., доктор политических наук, профессор, член научного совета при Совете безопасности России, член центрального правления Российской ассоциации содействия ООН, член Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Московской области.

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор – А. А. Мигранян, доктор экономических наук, профессор

Редактор – О. А. Борисова, научный сотрудник Института стран СНГ

Корректор – Т. С. Митрофаненко

Вёрстка – А. А. Горбунов

**Учредитель и издатель –
Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ)**

**Журнал «Геоэкономика энергетики»
рекомендован Высшей аттестационной комиссией (ВАК)
в Перечне ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации
на соискание учёной степени кандидата и доктора наук.**

СЛОВО РЕДАКТОРА

Ситуация на мировых рынках энергоносителей к концу 2021 г. характеризуется волатильностью цен, сохраняя тенденцию роста цен и высокого уровня спроса. Сложности реализации экологической повестки и стратегий ускоренного энергетического перехода ЕС обусловили пересмотр энергетической политики в странах ЕАЭС, СНГ, стран юго-восточной Азии, Ирана, Турции и Китая. Поиск альтернатив традиционной энергетике в большей степени в странах вне европейской повестки направлен на максимизацию использования имеющегося потенциала атомной, и гидро- генерации электроэнергии, на мобилизацию интеграционного потенциала и оптимизацию национальных энергосистем.

В качестве меры противодействия новым угрозам и рискам, вызванными политикой энергетического перехода и давления новой углеродной политики, актуализировалась необходимость формирования коллективной энергетической политики страна ЕАЭС и в перспективе СНГ.

Формирование новых концептуальных подходов энергетической политики России как основного актора мирового энергетического рынка среди стран ЕАЭС требует тщательного изучения позиций ЕС (Германии), США по реализации энергетических проектов в ЕС с учетом геополитической конфронтации, административных барьеров III энергетический пакет Европейского союза и новой низкоуглеродной стратегии. Это позволит сбалансировать интересы стран ЕАЭС, экономика которых восстанавливается медленнее по сравнению с мировыми темпами роста из-за санкций, растущих цен и дефицита инвестиционных ресурсов. Рост конкуренции на мировых рынках стимулирует процессы региональной интеграции в евразийском пространстве, которые отличаются разным уровнем интенсивности и охвата стран и секторов экономики.

В сегменте энергетических ресурсов, выработки электроэнергии и переходе к низкоуглеродной политике в евразийском регионе наблюдается активизация сотрудничества не только торговли, но и обмена технологиями, что становится частью национальных стратегий.

При этом научные исследования новых подходов к формированию инновационных видов деятельности, обуславливающих успех в конкурентоспособных технологиях, и оценка потенциала стран в мировой системе хозяйственных отношений, позволит успешнее позиционировать отдельным странам и регионам в условиях новой реальности энергетического перехода и геополитической конкуренции на мировых рынках.

*С уважением,
главный редактор Мигранян А. А.*

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО РЕДАКТОРА	4
ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА	
Е. КУЗЬМИНА. <i>Атомная энергетика в Центральной Азии</i>	6
ГЕОПОЛИТИКА И ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ	
Т. МАНАСЕРЯН. <i>Перспективы сокращения общих угроз путём экономической дипломатии: на примере постсоветских стран</i>	22
О. БОРИСОВА, Д. ВЫШЕГОРОДЦЕВ. <i>«Северный поток – 2»: концептуальные подходы исследований, риски и национальные интересы стран проекта</i>	44
МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО	
В. ВСЕЕВ, А. ПИВОВАРЕНКО, А. ГАДЖИЕВ. <i>Влияние политики Турции на страны Балканского региона</i>	70
ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И ОБЩИЕ РЫНКИ	
С. ЖИЛЬЦОВ. <i>Развитие ЕАЭС на современном этапе: итоги и новые вызовы</i>	95
К. РАХИМОВ, А. АЗИЗОВА. <i>Перспективы разноскоростной интеграции в ЕАЭС</i>	109
МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СВЯЗИ И НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
Р. ДЗАРАСОВ. <i>Положение на глобальном рынке как фактор экономического развития России</i>	120
С. МУДРОВА. <i>Инновационная активность в современной российской экономике</i>	132
ОСОБОЕ МНЕНИЕ	
Г. НИГМАТУЛЛАЕВА. <i>Концептуальные подходы развития электроэнергетического комплекса Республики Узбекистан</i>	148
МОЛОДОЙ УЧЕНЫЙ	
С. САЛУН, А. УЖАКИНА. <i>Экономические отношения Ирана и Италии на современном этапе</i>	159
СОДЕРЖАНИЕ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	183

Елена КУЗЬМИНА

АТОМНАЯ ЭНЕРГЕТИКА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Дата поступления в редакцию: 15.12.2021.

Для цитирования: Кузьмина Е. М., 2021. Атомная энергетика в Центральной Азии. – Геоэкономика энергетики. № 4 (16). С. 6-21. DOI: 10.48137/2687-0703_2021_16_4_6

В статье даётся обзор современного состояния атомной энергетики в странах Центральной Азии. Дан анализ собственных ресурсных и производственных возможностей стран для развития атомной промышленности. Основной акцент при этом сделан на Казахстане и Узбекистане. Это страны, обладающие крупнейшими запасами урана и видящие экономическую целесообразность в развитии отрасли и строительстве атомных электростанций на своей территории. Отдельно рассмотрен вопрос хвостохранилищ.

Одним из актуальных трендов мировой экономики является новый энергетический переход^{*}. Его ключевая особенность – увеличение использования низко- и безуглеродных источников энергии, в частности возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Сегодня одной из основных причин такого перехода стало стремление развитых стран к декарбонизации мировой экономики с целью снижения зависимости от поставок энергоресурсов из-за рубежа.

КУЗЬМИНА Елена Михайловна, кандидат политических наук, заведующая сектором Белоруссии, Молдавии и Украины федерального государственного бюджетного научного учреждения «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова» Российской академии наук. **Адрес:** Российская Федерация, г. Москва, 117997, ул. Профсоюзная, д. 23. **E-mail:** e_kuzmina07@mail.ru. **SPIN-код:** 1307-5256

Ключевые слова: атомная энергетика, запасы урана, АЭС, хвостохранилище, МАГАТЭ, углеродная нейтральность, энергодефицит.

^{*}«Энергетический переход» означает структурное преобразование глобального энергетического баланса с сокращением доли определённого вида топлива на 10 % за 10 лет.

Согласно докладу Международного энергетического агентства (МЭА) *Net Zero by 2050* [*Net Zero by 2050*, 2021], выпущенному в мае 2021 г., к 2030 г. для достижения целей углеродной нейтральности суммарный ввод ветряных и солнечных электростанций должен составить около 1000 ГВт. Добывающие страны Центральной Азии также принимают национальные стратегии по достижению углеродной нейтральности. Так, власти Казахстана в октябре 2021 г. подготовили доктрину углеродной нейтральности, которая поможет достичь почти нулевых выбросов парниковых газов к 2060 г. за 666 млрд долл. При этом наибольших инвестиций потребует именно сектор производства электроэнергии и тепла — 305 млрд долл., или 46 % от общего объёма инвестиций [*Абылгазина*, 2021].

Узбекистан предполагает достигнуть углеродной нейтральности к 2050 г. В стране действует программа развития возобновляемой энергетики на 2020–2030 гг. Дорожная карта нейтральности для электроэнергетического сектора республики, разработанная Министерством энергетики, расширила эту программу до 2050 г. [*Дорожная карта...*, 2021]. Переход к углеродно-нейтральному состоянию будет происходить в основном за счёт развития солнечной и ветровой энергетики, а также в стране должна будет действовать атомная электростанция мощностью 2,4 ГВт, что предусмотрено вышеупомянутой программой [*Программа...*, 2021].

Жёсткие ограничения на выбросы CO₂ в атмосферу, предусмотренные Киотским протоколом [*Киотский протокол...*, 2003], также будут способствовать движению к углеродной нейтральности и использованию возможностей как ВИЭ, так и атомной энергетики. Все страны Центральной Азии ратифицировали этот протокол.

Но не стоит забывать, что сегодня ещё не преодолена энергетическая бедность в ряде развивающихся стран Африки и Азии. По подсчётам ООН, в 2019 г. порядка 759 млн человек по всему миру не имеют доступа к электроэнергии. Ситуация стала ещё более сложной с началом пандемии COVID-19. Её последствия в перспективе могут замедлить электрификацию. Ожидается, что к 2030 г. без электричества в мире может остаться ещё 660 млн человек [*Кулагин*, 2021]. Поэтому одним из важных видов ВИЭ может стать атомная энергетика.

Специалисты МАГАТЭ считают, что атомная энергетика продолжит играть серьёзную роль в производстве низкоуглеродной энергии. В отличие от традиционных углеводородных источников энергии атомные станции не выделяют углекислый газ, что жизненно необходимо для усилий по достижению нулевых выбросов. Так, при сжигании 1 т угля или 1 тыс. куб. м газа в атмосферу выбрасывается около 2 т диоксида углерода (углекислого газа) и различных примесей, в том числе и радиоактивных, не го-

вора уже о сжигании кислорода. А при сжигании 1 кг уранового топлива выбросов нет¹. В МАГАТЭ предполагают, что доля атомной энергии в мировом производстве электроэнергии повысится в два раза, до 12 %, к 2050 г.² Однако уже сегодня мировая атомная энергетика зависит от растущего дефицита урана.

Ресурсная база региона для развития атомной промышленности

В странах Центральной Азии, как и во многих развивающихся странах, постоянно растёт спрос на электроэнергию. При этом регион располагает огромными запасами урана, хотя и расположены они неравномерно.

Казахстан, по данным Всемирной ядерной ассоциации (*WNA*) [*World Uranium Mining Production, 2021*], занимает второе место в мире по разведанным запасам природного урана. 15 % от всех разведанных мировых запасов сосредоточено в его недрах. Общие разведанные запасы страны оцениваются более чем в 906 8700 т.

С 2009 г. республика занимает первое место по добыче урана в мире, производя около 41 % мировой добычи урана. В 2019 г. объём добычи урана составил 22 808 т, в 2020 г. — 19 477 т. Четыре казахстанских месторождения входят в топ-10 крупнейших месторождений урана мира: Инкай, площадки 1–3 (6 % от мировых запасов); Каратау (Буденовское-2) (5 %); Южный Инкай, площадка 4 (3 %); Хорасан-1 (3 %).

Независимый Казахстан изначально разрешил допуск иностранных компаний в добычу урана. Шесть иностранных компаний сегодня владеют долями в 11 из 13 добывающих проектов «Казатомпрома». Согласно Кодексу о недрах и недропользовании Республики Казахстан [Кодекс о недрах, 2003–2021] осуществлять добычу урановой руды такие компании могут только в рамках СП с национальным оператором — НАК «Казатомпром». Именно он обладает приоритетным правом доступа к урановым месторождениям в республике. Его доля в новых проектах должна составлять не менее 50 %.

Россия в 2020 г. имела доли в шести совместных предприятиях в республике, что составляло 39,1 % от общей добычи урана в Казахстане. Ещё одна компания, в структуре которой присутствует российский капитал, СП «Буденовское», находится в стадии разведки. Япония участвовала в

¹ АЭС в Узбекистане: Как не повторить ошибок Фукусимы и Чернобыля? // <https://ia-centr.ru/experts/evgeniya-kim/aes-v-uzbekistane-kak-ne-povtorit-oshibok-fukusimy-i-chernobylya/>, дата обращения 15.11.2021.

² МАГАТЭ опубликовало прогноз по использованию атомной энергии до 2050 года // <https://ria.ru/20210916/magate-1750427201.html>, дата обращения 15.11.2021.

трёх проектах с общей долей добычи 17,3 %. По одному проекту развивали Франция (14,2 %), Канада (14,0 %) и Китай (4,2 %). Киргизия имеет менее 1 % в компании, которая добывает и перерабатывает уран на месторождении Заречное³.

При этом одним из главных условий доступа к добыче урана в республике стал его обмен на технологии. При нарушении этого условия компании могут потерять часть своей доли в добыче или у них может быть отозвана лицензия. Так, в 2018 г. из-за невыполнения своих обязательств по передаче технологий для развития топливного цикла японский консорциум *Energy Asia Limited* вынужден был передать НАК «Казатомпром» часть своих акций в предприятиях «Байкен-У» и «Хорасан-У». В результате доля «Казатомпрома» в ТОО «Байкен-У» выросла с 5 до 52,5 %, а в ТОО «Хорасан-У» — с 33,98 до 50 % и компания имела в 2020 г. уже 22 % мировой добычи урана [World Uranium Mining Production, 2021].

«Казатомпром» продаёт урановую продукцию напрямую и через швейцарскую торговую дочернюю компанию *Trade House KazakAtom AG (ТНК)* двадцати клиентам в 10 странах. Казахстанский уран экспортируется в Китай, Францию, Россию, Индию, США и Канаду.

Консолидированные продажи Казахстаном урановой продукции по регионам, %

Регионы	Годы		
	2018	2019	2020
Северная Америка	15,6	17,1	24,2
Азия	52,6	52,5	43,0
Европа	31,8	30,4	32,9

Источник: Отчёт НАК «Казатомпром» за 2020 г.

В 2018–2020 гг. компания взяла на себя обязательство перед правительством Казахстана по сокращению добычи урана на 20 % по сравнению с запланированными в рамках контрактов на недропользование объёмами. Выполнив обязательство в 2018 и 2019 гг., в 2020 г. из-за влияния пандемии *COVID-19* на производственные процессы (приостановка работы на четыре месяца) она снизила добычу урана ещё на 20 % от контрактных объёмов. «Казатомпром» объявил о намерении сохранять в 2021–2022 гг. уровень добычи, сниженный на 20 % от контрактных объёмов [Отчёт НАК «Казатомпром», 2020].

³ Какие иностранные компании добывают уран в Казахстане // <https://kursiv.kz/news/otraslevye-temy/2021-02/kakie-inostrannye-kompanii-dobyvayut-uran-v-kazakhstane>, дата обращения 15.11.2021.

Узбекистан занимает 11-е место в мире по запасам урана, разведанные запасы составляют 132 300 т, или 2 % от мировых. В стране разведано на данный момент около 40 месторождений с запасами урана, основу которых составляют 27. Они сосредоточены в Центрально-Кызылкумском регионе. Прогнозные запасы урана, по данным МАГАТЭ, оцениваются на уровне 230 тыс. т [Лузянин, 2011]. По уровню добычи республика занимает 5-е место в мире, в 2019–2020 гг. добыча составляла 3500 т [World Uranium Mining Production, 2021].

Единственным в стране предприятием, осуществляющим добычу урана и экспорт готовой продукции в виде закиси-оксида урана, является Навоийский горно-металлургический комбинат (ГМК). В Узбекистане не осуществляется переработка урана. До 2007 г. природный уран, производимый ГМК, реализовывался компании *Nukem Inc.* (США). С 2007 г. он стал реализовываться также японской корпорации *Itochu* и с 2008 г. – китайской компании *CGNPC*.

Другие страны региона не имеют столь значительных урановых месторождений.

В Киргизии развитие урановой промышленности связано с освоением разведанных рудных месторождений бассейна реки Сарыджаз (запасы и ресурсы месторождения – 9,5 тыс. т) и Кызыл-Омпульских урано-торионитовых россыпей (12,8 тыс. т урана) [Природные ресурсы..., 2016]. Хотя в республике разведано 45 месторождений радиоактивных металлов, их перспективы мало изучены или ограничены из-за труднодоступности районов, обработано 38 % месторождений.

Важной причиной также является постоянно изменяемое законодательство в этой сфере в угоду нестабильной политической конъюнктуре в стране. Так, в 2019 г. разразился скандал, который был связан с началом разработки уранового месторождения Кызыл-Омпол в Иссык-Кульской области. Ряд местных жителей, гражданские активисты провели несколько протестных акций, выступая за запрет добычи. В результате правительство страны приостановило действие лицензии компании «ЮрАзия в Кыргызстане», которая получила право пользования месторождением Кызыл-Омпол. А жогорку кенеш (парламент) принял закон «О запрещении деятельности, связанной с геологическим изучением недр с целью разведки и разработки урановых, ториевых месторождений в КР» [Закон..., 2019], позже подписанный президентом.

Кабинет министров страны в сентябре 2021 г. вынес на общественное обсуждение законопроект, которым предлагается разрешить добычу в стране урана и тория. Согласно законопроекту «О вопросах недропользования в Кыргызской Республике», который был разработан Министерством энергетики и промышленности, такое право предлагается предоставить хозяйствующим субъектам и госпредприятиям со 100-процентной государственной

долей. Также такие компании смогут получить такое право, создав совместное предприятие с инвестором⁴.

В Таджикистане, по оценкам международных экспертов, запасы урана составляют примерно 20 000 т, и республика может обеспечить 1 % объёмов мирового производства урана⁵. В советский период в стране осуществлялась его добыча. С 2008 г. власти Таджикистана не раз заявляли о возможности её возобновления, но пока промышленная разработка урановых карьеров в стране не начата.

Национальные особенности развития атомной промышленности

Страны Центральной Азии различаются в вопросах развития атомной энергетики.

Казахстан благодаря использованию принципа «уран в обмен на технологии и инвестиции» создал начальный ядерный топливный цикл и производство двуокиси урана, керамических порошков, топливных гранул для производства ядерного топлива (конверсию).

Изначально было налажено сотрудничество с «Росатомом». В 2006 г. была подписана Комплексная программа казахско-российского сотрудничества в области использования атомной энергии в мирных целях. В 2009 г. подписана дорожная карта дополнительных мер по реализации этой программы, которая определила ряд совместных проектов по производству природного урана, его обогащению, проектированию и сооружению АЭС на территории Казахстана.

Сегодня, помимо совместной добычи урана, осуществляются поставки топлива для российских исследовательских реакторов. В октябре 2013 г. АО «НАК “Казатомпром”» через казахстанско-российское совместное предприятие АО «Международный центр по обогащению урана» (МЦОУ) вошло в состав акционеров АО «Уральский электрохимический комбинат» в российском Ангарске, что позволило компании получить доступ к услугам по обогащению урана [Продукция ЯТЦ..., 2021]. Она владела 50 % в МЦОУ, а в марте 2020 г. продала дочерней структуре «Росатома» 49 %, сохранив в нём одну акцию, чтобы иметь возможность пользоваться услугами уральского комбината при необходимости. Своё решение о причине продажи доли национальный оператор объяснил началом действия «стратегии создания долгосрочной рыночной стоимости, а также... пересмотром текущих условий на рынке обогащения урана».

⁴ В Киргизии предлагают возобновить разработку урановых месторождений // <https://www.akchabar.kg/ru/news/v-kyrgyzstane-predlagayut-vozobnovit-razrabotku-uranovyh-mestorozhdenij/>, дата обращения 15.11.2021.

⁵ Интерес французской компании к запасам урана Таджикистана // <https://rus.ozodi.org/a/25040904.html>, дата обращения 15.11.2021.

Казахстан имеет доступ к услугам по изотопному обогащению урана в объёме до 2,5 млн единиц разделительной работы в год, производит порошки оксидов урана и топливных таблеток диоксида урана [Урановая промышленность, 2020].

Сотрудничество России и Казахстана идёт не только в сфере обогащения урана, но и в вопросах обращения с отработавшим ядерным топливом (ОЯТ) и радиоактивными отходами (РАО). Важным направлением стали исследовательские ядерные технологии, газонефтехимия, вывод из эксплуатации ядерно и радиационно опасных объектов на территории Казахстана. Одним из перспективных направлений возможного сотрудничества является строительство АЭС.

В то же время в целях создания конверсионного производства АО «НАК “Казатомпром”» работает над передачей инновационных технологий в Казахстан. Компания расширила свою деятельность по цепочке дореакторного ЯТЦ, включая обогащение, производство порошков UO_2 /топливных таблеток. Она получила у Китая технологии производства топливных таблеток (по технологии *Areva*) и в 2012 г. начала их экспортировать для атомных станций *CGNPC*, работающих по этой технологии. Для этих целей работает дочернее предприятие АО «НАК “Казатомпром”» – АО «Ульбинский металлургический завод».

На его базе НАК совместно с *CGNPC* построил завод по производству тепловыделяющих сборок. Они будут использоваться на атомных станциях КНР в качестве ядерного топлива. Завод «Ульба-ТВС» введён в эксплуатацию в ноябре 2021 г.⁶, а национальный оператор превратится в компанию дореакторного полного цикла. *CGNPC* будет покупать 200 т ТВС в год в течение 20 лет, первые поставки начнутся в 2022 г.

Казахстанско-китайские договорённости в этой сфере предполагают, что китайские партнёры гарантированно покупают ТВС с Ульбинского завода, а взамен получают долю в урановых месторождениях в Казахстане. В результате в 2021 г. «Казатомпром» передал *CGNPC* по 49 % акций в двух месторождениях в Туркестанской области⁷.

Перспективы строительства атомных станций

Ещё одним важным направлением в развитии энергетики является строительство атомных электростанций. Сегодня о необходимости АЭС говорят как в Узбекистане, так и в Казахстане. В республиках есть и сто-

⁶ Казахстан сможет поставлять ядерное топливо для АЭС // <https://neftegaz.ru/news/nuclear/707668-kazakhstan-smozhet-postavlyat-yadernoe-toplivo-dlya-aes/>, дата обращения 15.11.2021.

⁷ Казатомпром продал долю в двух урановых месторождениях китайцам // <https://kursiv.kz/news/kompanii/2021-08/kazatomprom-prodal-dolyu-v-dvukh-uranovykh-mestorozhdeniyakh-kitaycam>, дата обращения 15.11.2021.

ронники, и противники развития АЭС. Однако необходимость увеличения электроэнергетических мощностей не отрицается ни в одной из стран. Ведь в Центральной Азии стабильных источников генерации электроэнергии нет, некоторые страны не могут обеспечить собственные потребности и закупают электричество у соседей.

В Узбекистане в последние годы идёт активный рост экономики, которому не помешала даже пандемия. Для развития промышленности и сельского хозяйства необходимо наращивание энергетического потенциала. Согласно принятой программе развития электроэнергетического рынка, в республике намерены нарастить производство электроэнергии почти вдвое в предстоящие десять лет. В 2020 г. в стране было выработано 12,9 ГВт электроэнергии, а к 2030 г. ожидается диверсификация вырабатываемых мощностей, суммарная выработка будет составлять 29,3 ГВт, то есть рост составит 2,2 раза. Из них доля выработки атомной энергетики будет составлять 8,3 %, или 2,4 ГВт⁸.

Для такого увеличения доли атомной энергии в энергобалансе страны власти намерены построить АЭС. 30 декабря 2017 г. генеральный директор «Росатома» А. Лихачёв и вице-премьер Узбекистана Н. Атажонов подписали рамочное соглашение о сотрудничестве двух стран в области использования атомной энергии в мирных целях. В результате в 2019 г. срок эксплуатации модернизированного атомного реактора в Институте ядерной физики Узбекистана (основан в 1956 г.) был продлён до 2030 г. Этому способствовала разработка специально для этого реактора Новосибирским заводом химических концентратов (предприятие топливного дивизиона ТВЭЛ) новой модификации топлива ИРТ4М, соответствующих новым требованиям МАГАТЭ по соблюдению Договора о нераспространении ядерного оружия⁹.

Другим результатом нового этапа сотрудничества России и Узбекистана в атомном проекте стало открытие филиала МИФИ в Ташкентской области в сентябре 2019 г.

Во время упомянутого выше визита «Росатом» официально предложил узбекским партнёрам рассмотреть проект строительства АЭС на территории страны. После проведённых консультаций с международным экспертным сообществом и общественного обсуждения в стране в сентябре 2018 г. подписано межправительственное соглашение о сотрудничестве в строительстве АЭС на территории Узбекистана. «Росатом» планирует построить комплекс из двух энергоблоков поколения «3+» с реакторными установка-

⁸ Каковы планы Узбекистана по энергетическим проектам // <https://cronos.asia/prognoz/kakovy-planu-uzbekistan-po-energeticheskim-proektam-ekspert>, дата обращения 15.11.2021.

⁹ АЭС в Узбекистане: «Росатом» поможет поднять энергетику Центральной Азии // <https://www.ritmeurasia.org/news--2021-06-26--aes-v-uzbekistane-rosatom-pomozhet-podnjat-energetiku-centralnoj-azii-55267>, дата обращения 15.11.2021.

ми ВВЭР-1200. Он должен быть введён в эксплуатацию к 2030 г. Определена приоритетная площадка для строительства АЭС, расположенная вблизи озера Тузкан в Джизакской области.

В феврале 2019 г. в республике была утверждена концепция развития атомной энергетики в стране на 2019–2029 гг. [Постановление президента РУ..., 2021]. Документ предусматривает, что строительство АЭС планируется начать в 2022 г. с привлечением кредита правительства РФ.

В июне 2021 г. эксперты МАГАТЭ провели оценку процесса развития инфраструктуры для ядерно-энергетической программы Узбекистана. В отчёте они отметили, что страна добилась значительного прогресса в разработке проекта АЭС: усовершенствована нормативно-правовая база и укреплен потенциал регулирующего органа. Специалисты МАГАТЭ констатировали, что республике осталось присоединиться ещё к трём международно-правовым документам – конвенциям о ядерной безопасности, об оперативном оповещении о ядерных авариях и Венской конвенции о гражданской ответственности за ядерный ущерб¹⁰.

Узбекистан продолжает подготовительную работу для строительства АЭС, в том числе и в законодательной сфере. По её окончании будут подписаны окончательные документы с Росатомом и другими российскими структурами по строительству АЭС и финансово-кредитной стороне вопроса.

Казахские власти в последние пять лет несколько раз заявляли о необходимости строительства АЭС. Это связано с ожидаемым к 2030 г. дефицитом электроэнергии до 2–2,4 ГВт, особенно на юге страны¹¹. В сентябре 2021 г. на Восточном экономическом форуме президент страны К.-Ж. Токаев заявил, что пришло время предметно рассмотреть вопрос о строительстве атомной станции. Более того, он поручил правительству и казахстанскому госфонду «Самрук-Казына» в течение года изучить возможность развития в республике атомной энергетики¹². В стране идёт достаточно активное обсуждение этого вопроса. У значительного числа общественных деятелей, особенно блогеров, негативное отношение к возрождению использования атомной энергии в стране. Это сказывается на решимости властей при принятии окончательного решения.

Другим обсуждаемым вопросом является выбор компании, которая может возводить подобные станции. В 2019 г. президент РФ В. Путин пред-

¹⁰ Узбекистан готов к строительству своей первой АЭС // <https://news.un.org/ru/story/2021/07/1405622>, дата обращения 15.11.2021.

¹¹ Российская АЭС позволит Казахстану избежать дефицита электричества // <https://eurasia.expert/rossiyskaya-aes-pozvolit-kazahstanu-izbezhat-defitsita-elektrichestva/>, дата обращения 15.11.2021.

¹² Токаев заявил о необходимости строительства АЭС в Казахстане // <https://www.interfax.ru/world/788378>, дата обращения 15.11.2021.

ложил построить в Казахстане атомную электростанцию по российским технологиям. Казахстанская сторона рассматривает также китайский, американский и французский варианты. Все они имеют самый современный стандарт «3+». Но Россия предлагает помимо строительства под ключ также помощь с подготовкой персонала для атомной станции, с развитием нормативной базы в стране, которая должна немного измениться после появления АЭС, с научно-исследовательскими работами, решение проблем с топливом (мы, в принципе, можем поставлять топливо весь срок службы – это 60 лет), помощь с решением проблемы отработавшего ядерного топлива.

Проблема хвостохранилищ

В государствах Центральной Азии со второй половины XX в. осуществлялась разработка урановых рудников. Как упоминалось, в ряде государств они были закрыты с обретением независимости в силу разных причин. Однако сохранились урановые хвостохранилища. Многие из них сосредоточены вдоль притоков реки Сырдарья, протекающей через густонаселённую Ферганскую долину, которую делят Киргизия, Таджикистан и Узбекистан.

Одна из серьёзнейших проблем, которые создают хвостохранилища, – риск попадания радиоактивных загрязняющих веществ и тяжёлых металлов в трансграничную речную систему, что неизбежно приведёт к возникновению экологической катастрофы.

Для недопущения этого и решения проблемы наследия добычи урана в регионе в XX в. в 2015 г. был учреждён Фонд экологической реабилитации для Центральной Азии (*ERA*). Управляемый ЕБРР, фонд *ERA* принёс значительный прогресс: работы на двух важнейших объектах в Киргизии завершаются с опережением графика и в рамках бюджета.

Однако ещё 5 объектов в регионе нуждаются в срочной реабилитации. Хотя работы на новом объекте в Кыргызской Республике и впервые в Узбекистане запланированы на 2022 г., необходимо дополнительное финансирование в размере 40 млн евро (оценка МАГАТЭ).

21 сентября 2021 г. на 65-й Генеральной конференции МАГАТЭ все стороны, непосредственно вовлечённые в процесс, подтвердили свои обязательства подписанием пересмотренного Стратегического мастер-плана (СМП). Актуализированный СМП обеспечивает обновлённую основу для окончательного решения проблемы уранового наследия в Центральной Азии. План одобрили Кыргызская Республика, Таджикистан и Узбекистан, а также МАГАТЭ, Евросоюз, ЕБРР и госкорпорация «Росатом».

Таким образом, развитие атомной промышленности в государствах Центральной Азии является многоаспектным процессом. Несмотря на наличие значительных запасов урана и других радиоактивных металлов в четырёх странах региона, добыча ведётся только в двух из них. Причиной этого яв-

ляются как экономические проблемы малых экономик ЦА, так и внутри-политические разногласия.

Наиболее активно развивающиеся отрасли атомной промышленности Казахстана и Узбекистан имеют значимо различающиеся стратегии их развития. Это связано как с разницей правил доступа иностранного капитала в отрасль, так и с различными моделями развития национальных экономик.

Вместе с тем у них есть одинаковые задачи, предопределяющие дальнейшее развитие атомной сферы, в том числе атомной энергетики. К ним можно отнести движение стран к углеродной нейтральности и необходимость замены угля и нефти другими, экологически более безопасными видами топлива, нарастание нехватки электроэнергии при интенсификации развития национальных экономик. Это побуждает страны заниматься не только добычей урана, но и развитием атомной энергетики. И согласно национальным программам развития этот процесс будет только усиливаться. Более того, в этом заинтересованы и сопредельные страны – Россия, Китай, – и соседние малые экономики.

Важнейшим вопросом остаётся преодоление экологических проблем, создаваемых хвостохранилищами прежних урановых разработок. Государства региона решают эти вопросы совместно с соседними странами и международными профильными и финансовыми структурами.

Совокупность решаемых сегодня государствами Центральной Азии задач в атомной энергетике позволяет говорить о долгосрочности и целенаправленности их политики в этой сфере.

Список литературы

Закон Кыргызской Республики от 14 декабря 2019 года № 139 «О запрещении деятельности, связанной с геологическим изучением недр с целью поиска, разведки и разработкой урановых, ториевых месторождений в Кыргызской Республике» // <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111985>, дата обращения 02.11.2021.

Постановление Президента Республики Узбекистан «Об утверждении концепции развития атомной энергетики в Республике Узбекистан на период 2019–2029 гг.» // <https://lex.uz/docs/4194042>, дата обращения 10.11.2021.

«Дорожная карта» перехода к низкоуглеродной энергетике для сектора электроэнергетики Узбекистана, 2021 // <https://minenergy.uz/ru/lists/view/131>, дата обращения 10.11.2021.

Киотский протокол к Рамочной конвенции ООН «Об изменении климата» // <https://unfccc.int/resource/docs/convkp/kprus.pdf>, дата обращения 10.11.2021.

Кодекс о недрах и недропользовании Республики Казахстан // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31764592, дата обращения 10.11.2021.

Министерство энергетики Республики Казахстан. Урановая промышленность, 2020 // <https://www.gov.kz/memleket/entities/energo/press/article/details/15644?lang=ru>, дата обращения 15.11.2021.

Министерство иностранных дел Республики Кыргызстан. Природные ресурсы и полезные ископаемые, 2016 // <http://mfa.gov.kg/contents/view/id/90>, дата обращения 15.11.2021.

Отчёт НАК «Казатомпром» за 2020 г. // https://kazatomprom.kz/storage/84/nac_kazatomprom_annual_report_2020_30_04_rus_final.pdf, дата обращения 05.12.2021.

Абылгазина К., 2021. Как Казахстан будет достигать углеродной нейтральности // <https://kursiv.kz/news/otraslevye-temu/2021-10/kak-kazakhstan-budet-dostigat-uglerodnoy-neytralnosti>, дата обращения 15.11.2021.

Кулагин А., 2021. Энергетический переход: Россия в глобальной повестке // <https://energypolicy.ru/energeticheskij-perehod-rossiya-v-globalnoj-povestke/energorerehod/2021/11/12/>, дата обращения 20.11.2021.

Лузянин С. Г., 2021. Евразийский проект В. Путина и страны «дальнего круга» в Центральной Азии (Япония, Южная Корея) // <http://journal-neo.com/?q=ru/node/10845>, дата обращения 30.11.2020.

Net Zero by 2050. A Roadmap for the Global Energy Sector, 2021 // https://iea.blob.core.windows.net/assets/deebef5d-0c34-4539-9d0c-10b13d840027/NetZeroby2050-ARoadmapfortheGlobalEnergySector_CORR.pdf, дата обращения 08.12.2021.

World Uranium Mining Production, 2021 // <https://www.world-nuclear.org/information-library/nuclear-fuel-cycle/mining-of-uranium/world-uranium-mining-production.aspx>, дата обращения 08.12.2021.

АЭС в Узбекистане: «Росатом» поможет поднять энергетику Центральной Азии // <https://www.ritmeurasia.org/news--2021-06-26--aes-v-uzbekistane-rosatom-pomozhet-podnjat-energetiku-centralnoj-azii-55267>, дата обращения 15.11.2021.

АЭС в Узбекистане: Как не повторить ошибок Фукусимы и Чернобыля? // <https://ia-centr.ru/experts/evgeniya-kim/aes-v-uzbekistane-kak-ne-povtorit-oshibok-fukusimy-i-chernobylya/>, дата обращения 15.11.2021.

В Киргизии предлагают возобновить разработку урановых месторождений // <https://www.akchabar.kg/ru/news/v-kyrgyzstane-predlagayut-vozobnovit-razrabotku-uranovykh-mestorozhdenij/>, дата обращения 15.11.2021.

Интерес французской компании к запасам урана Таджикистана // <https://rus.ozodi.org/a/25040904.html>, дата обращения 15.11.2021.

Казатомпром продал долю в двух урановых месторождениях китайцам // <https://kursiv.kz/news/kompanii/2021-08/kazatomprom-prodal-dolyu-v-dvukh-uranovykh-mestorozhdeniyakh-kitaycam>, дата обращения 15.11.2021.

Казахстан сможет поставлять ядерное топливо для АЭС // <https://neftegaz.ru/news/nuclear/707668-kazakhstan-smozhet-postavlyat-yadernoe-toplivo-dlya-aes/>, дата обращения 15.11.2021.

Какие иностранные компании добывают уран в Казахстане // <https://kursiv.kz/news/otraslevye-temy/2021-02/kakie-inostrannye-kompanii-dobyvayut-uran-v-kazakhstan>, дата обращения 15.11.2021.

Каковы планы Узбекистана по энергетическим проектам // <https://cronos.asia/prognoz/kakovy-plany-uzbekistan-po-energeticheskim-proektam-ekspert>, дата обращения 15.11.2021.

МАГАТЭ опубликовало прогноз по использованию атомной энергии до 2050 года // <https://ria.ru/20210916/magate-1750427201.html>, дата обращения 15.11.2021.

Продукция ЯТЦ // https://www.kazatomprom.kz/ru/page/produktsiya_yatts, дата обращения 10.11.2021.

Российская АЭС позволит Казахстану избежать дефицита электричества // <https://eurasia.expert/rossiyskaya-aes-pozvolit-kazakhstanu-izbezhat-defitsita-elektrichestva/>, дата обращения 15.11.2021.

Токаев заявил о необходимости строительства АЭС в Казахстане // <https://www.interfax.ru/world/788378>, дата обращения 15.11.2021.

Узбекистан готов к строительству своей первой АЭС // <https://news.un.org/ru/story/2021/07/1405622>, дата обращения 15.11.2021.

KUZMINA Elena M.,

candidate of political science, head of the sector of Belarus, Moldova and Ukraine Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences.

Address: 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation

E-mail: e_kuzmina07@mail.ru

SPIN-code: 1307-5256

NUCLEAR POWER IN CENTRAL ASIA

DOI: 10.48137/2687-0703_2021_16_4_6

Received: 15.12.2021.

For citation: *Kuzmina E. M.*, 2021. Nuclear Power in Central Asia. – *Geoeconomics of Energetics*. № 4 (16). P. 6-21. DOI: 10.48137/2687-0703_2021_16_4_6

Keywords: nuclear power, uranium reserves, nuclear power plants, tailings, IAEA, carbon neutrality, energy shortages, Central Asia.

Abstract

The article provides an overview of the nuclear energy state in the countries of Central Asia. An analysis is given of the countries' resource and production capabilities for the nuclear industry development. The main focus is on Kazakhstan and Uzbekistan, the countries with the largest uranium reserves. They understand the economic feasibility of industry developing and nuclear power plants building on their territory. The issue of uranium waste storage facilities was considered separately.

References

The Law of the Kyrgyz Republic dated December 14, 2019 No. 139 “On the prohibition of activities related to the geological study of the subsoil for the purpose of prospecting, exploration and development of uranium, thorium deposits in the Kyrgyz Republic” // <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111985>, accessed 02.11.2021. (In Russ.)

Resolution of the President of the Republic of Uzbekistan “On approval of the concept of development of nuclear energy in the Republic of Uzbekistan for the period 2019–2029” // <https://lex.uz/docs/4194042>, accessed 10.11.2021. (In Russ.)

A roadmap for the transition to low-carbon energy for the electricity sector of Uzbekistan, 2021 // <https://minenergy.uz/ru/lists/view/131>, accessed 10.11.2021. (In Russ.)

Kyoto Protocol to the UN Framework Convention on Climate Change // <https://unfccc.int/resource/docs/convkp/kprus.pdf>, accessed 10.11.2021. (In Russ.)

The Code on Subsoil and Subsoil Use of the Republic of Kazakhstan // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31764592, accessed 10.11.2021. (In Russ.)

Ministry of Energy of the Republic of Kazakhstan. The uranium industry, 2020 // <https://www.gov.kz/memleket/entities/energo/press/article/details/15644?lang=ru>, accessed 15.11.2021. (In Russ.)

Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic. Natural resources and minerals, 2016 // Official website, 15.11.2021. URL: <http://mfa.gov.kg/contents/view/id/90>, accessed 15.11.2021. (In Russ.)

Report of NAC “Kazatomprom” for 2020 // https://kazatomprom.kz/storage/84/nac_kazatomprom_annual_report_2020_30_04_rus_final.pdf, accessed 05.12.2021. (In Russ.)

Abylgazina K., 2021. How Kazakhstan will achieve carbon neutrality // <https://kursiv.kz/news/otraslevye-temy/2021-10/kak-kazakhstan-budet-dostigat-uglerodnoy-neytralnosti>, accessed 15.11.2021. (In Russ.)

Kulagin A., 2021. Energy transition: Russia on the global agenda // <https://energypolicy.ru/energeticheskij-perehod-rossiya-v-globalnoj-povestke/energoperehod/2021/11/12/>, accessed 20.11.2021. (In Russ.)

Luzyanin S. G., 2021. V. Putin’s Eurasian project and the countries of the “far circle” in Central Asia (Japan, South Korea) // <http://journal-neo.com/?q=ru/node/10845>, accessed 30.11.2020. (In Russ.)

Net Zero by 2050. A Roadmap for the Global Energy Sector. // https://iea.blobcore.windows.net/assets/deebef5d-0c34-4539-9d0c-10b13d840027/NetZeroby2050-ARoadmapfortheGlobalEnergySector_CORR.pdf, accessed 08.12.2021. (In Eng.)

World Uranium Mining Production, 2021 // <https://www.world-nuclear.org/information-library/nuclear-fuel-cycle/mining-of-uranium/world-uranium-mining-production.aspx>, accessed 08.12.2021. (In Eng.)

Nuclear power plants in Uzbekistan: Rosatom will help raise the energy sector of Central Asia // <https://www.ritmeurasia.org/news--2021-06-26--aes-v-uzbekistane-rosatom-pomozhet-podnjat-energetiku-centralnoj-azii-55267>, accessed 15.11.2021. (In Russ.)

NPP in Uzbekistan: How not to repeat the mistakes of Fukushima and Chernobyl? // <https://ia-centr.ru/experts/evgeniya-kim/aes-v-uzbekistane-kak-ne-povtorit-oshibok-fukusimy-i-chernobylya/>, accessed 15.11.2021. (In Russ.)

Kyrgyzstan proposes to resume the development of uranium deposits // <https://www.akchabar.kg/ru/news/v-kyrgyzstane-predlagayut-vozobnovit-razrabotku-uranovyh-mestorozhdenij/>, accessed 15.11.2021. (In Russ.)

French company’s interest in Tajikistan’s uranium reserves // <https://rus.ozodi.org/a/25040904.html>, accessed 15.11.2021. (In Russ.)

Kazatomprom sold a stake in two uranium deposits to the Chinese // <https://kursiv.kz/news/kompanii/2021-08/kazatomprom-prodal-dolyu-v-dvukh-uranovykh-mestorozhdeniyakh-kitaycam>, accessed 15.11.2021. (In Russ.)

Kazakhstan will be able to supply nuclear fuel for nuclear power plants // <https://neftegaz.ru/news/nuclear/707668-kazakhstan-smozhet-postavlyat-yadernoe-toplivo-dlya-aes/>, accessed 15.11.2021. (In Russ.)

Which foreign companies mine uranium in Kazakhstan // <https://kursiv.kz/news/otraslevye-temy/2021-02/kakie-inostrannye-kompanii-dobyvayut-uran-v-kazakhstane>, accessed 15.11.2021. (In Russ.)

What are Uzbekistan's plans for energy projects // <https://cronos.asia/prognoz/kakovy-plany-uzbekistan-po-energeticheskim-proektam-ekspert>, accessed 15.11.2021. (In Russ.)

The IAEA has published a forecast for the use of atomic energy until 2050 // <https://ria.ru/20210916/magate-1750427201.html>, accessed 15.11.2021. (In Russ.)

NFC products // https://www.kazatomprom.kz/ru/page/produktsiya_yatts, accessed 10.11.2021. (In Russ.)

Russian NPP will allow Kazakhstan to avoid electricity shortage // <https://eurasia.expert/rossiyskaya-aes-pozvolit-kazakhstanu-izbezhat-defitsita-elektrichestva/>, accessed 15.11.2021. (In Russ.)

Tokayev stated the need to build a nuclear power plant in Kazakhstan // <https://www.interfax.ru/world/788378>, accessed 15.11.2021. (In Russ.)

Uzbekistan is ready to build its first nuclear power plant // <https://news.un.org/ru/story/2021/07/1405622>, accessed 15.11.2021. (In Russ.)

Татул МАНАСЕРЯН

ПЕРСПЕКТИВЫ СОКРАЩЕНИЯ ОБЩИХ УГРОЗ ПУТЁМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ: НА ПРИМЕРЕ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН

Дата поступления в редакцию: 18.11.2021.

Для цитирования: Манасерян Т. Н., 2021. Перспективы сокращения общих угроз путём экономической дипломатии: на примере постсоветских стран. – Геоэкономика энергетики. № 4 (16). С. 22-43. DOI: 10.48137/2687-0703_2021_16_4_22

Статья нацелена на обоснование необходимости выработки и реализации целевой политики экономической дипломатии, направленной на сокращение и устранение угроз экономической безопасности. Объектом исследования является состояние и оценка внутренних, региональных и глобальных угроз и их воздействие на экономический рост новых независимых государств. Исходя из основной цели нами ставятся задачи выявления различных целей во внешне-экономических связях, разработанных постсоветскими странами, а также различных подходов и целей в их региональной интеграции. В связи с этим в статье анализируются глобальная неопределённость и другие риски, глобальные тенденции и события, воздействующие на экономическую безопасность. Особый акцент делается на анализе перспектив перехода от однополярного к многополярному миру, при котором возможно сочетать национальные и глобальные интересы. В связи с этим воздействие местных, региональных и глобальных угроз рассматривается с точки зрения общих препятствий к экономическому росту постсоветских стран. В попытке нахождения путей преодоления указанных угроз выделяются современные методы экономической дипломатии, создание новой региональной группировки – ЕАЭС – оценивается как новый формат борьбы с экономическими угрозами, а концепция

МАНАСЕРЯН Татул Норайрович, доктор экономических наук, профессор, Ереванский государственный университет. Адрес: Республика Армения, г. Ереван, 0025, ул. Алека Манукяна, д. 1. E-mail: tatoulim@gmail.com. ORCID: 0000-0002-6073-8088.

Ключевые слова: экономическая безопасность, экономическая угроза, экономическая дипломатия, постсоветские страны, гармонизация политики.

Большого евразийского партнёрства – как важный инструмент экономической дипломатии. В качестве практических рекомендаций представлены конкретные приоритеты экономических угроз для их устранения и поддержания экономической безопасности с помощью экономической дипломатии.

Введение

Целью нашего исследования является обоснование необходимости выработки и реализации целевой политики экономической дипломатии, направленной на сокращение и устранение угроз экономической безопасности. Объектом исследования является состояние и оценка внутренних, региональных и глобальных угроз и их воздействие на экономический рост новых независимых государств.

Исходя из основной цели нами ставятся задачи выявления различных целей во внешнеэкономических связях, разработанные постсоветскими странами, а также различных подходов и целей в их региональной интеграции.

В связи с этим в статье анализируются глобальная неопределённость и другие риски, глобальные тенденции и события, воздействующие на экономическую безопасность. Особый акцент делается на анализе перспектив перехода от однополярного к многополярному миру, при котором возможно сочетать национальные и глобальные интересы. В связи с этим воздействие местных, региональных и глобальных угроз рассматривается с точки зрения общих препятствий к экономическому росту постсоветских стран. В попытке нахождения путей преодоления указанных угроз выделяются современные методы экономической дипломатии, создание новой региональной группировки – ЕАЭС – оценивается как новый формат борьбы с экономическими угрозами, а концепция Большого евразийского партнёрства – как важный инструмент экономической дипломатии. В качестве практических рекомендаций представлены конкретные приоритеты экономических угроз для их устранения и поддержания экономической безопасности с помощью экономической дипломатии.

Методология

В ходе исследования нами использованы статистические ряды, проанализированы количественные и качественные показатели, с помощью которых определяется вероятность превращения рисков и угроз по методу определения пороговых значений С. Ю. Глазьева. Также выработан метод классификации воздействия местных, региональных и глобальных угроз на экономический рост. В нашем исследовании широко применяется метод сравнительного анализа, в частности, экономических показателей отдельных стран постсоветского пространства. В свою очередь, метод сравнительного анализа позволяет выявить некоторые экономические за-

кономерности, которые приводят к ухудшению качественных показателей и их превращению в угрозы экономической безопасности.

Обзор литературы

Наш анализ основывается на опыте стран, которые с определённой долей концептуальных положений боролись против экономических угроз. На наш взгляд, ныне существует две школы экономической безопасности: американская (доктрина Ф. Рузвельта) [*Leuchtenburg*, 1963: 393] и постсоветская (концепция определения пороговых значений С. Глазьева) [*Глазьев*, 1997: 3–19]. События последних трёх десятилетий послужили основой для развития и обогащения указанных школ.

Согласно анализу исследований некоторых учёных [*Simasius, Vilpisauskas*, 2005: 249–266], экономическая безопасность – определение неоднозначное. Экономическая безопасность государства рассматривается как аспекты, которые касаются экономической безопасности большинства граждан государства, а не отдельные люди или их относительно небольшие группы.

Существует более широкое определение экономической безопасности, согласно которому экономическая безопасность является приоритетным элементом современной национальной безопасности, которая может возникнуть в любом современном обществе из-за безопасности энергетики, транспорта, связи, армии, продовольствия и т. д., которые не могут существовать вне национальной экономики [*Tamošiūnienė, Munteanu*, 2015: 55–58, 596–610]. Таким образом, экономическая безопасность должна разделяться на индивидуальную и макроэкономическую [*Kremer-Matyškevič, Černius*, 2019: 78–93].

Подход индивидуальной экономической безопасности определяет экономическую безопасность человека как стабильную, если обеспечивается доход и другие источники для поддержания уровня жизни в настоящем и ближайшем будущем, то есть постоянная платёжеспособность, предсказуемый денежный поток, эффективное использование человеческого капитала [*Burns, Somaiya*, 2012].

Подход к макроэкономической безопасности имеет сложную историю, потому что период подъёма этого подхода совпадает с временами мировых войн. В частности, его формирование было поддержано российской экономической школой, которая, используя критические значения, попыталась количественно оценить экономическую безопасность, а также модель, которая оценивает экономические угрозы безопасности с учётом экономической уязвимости и уровня сопротивления страны [*Šimašius, Vilpišauskas*, 2005: 249–266].

Экономическая безопасность не может быть единой, поскольку исследования её как отдельного направления экономической науки всё ещё развиваются. Поскольку экономическая безопасность понимается на двух уровнях (микро- и макро-), трудно дать определение без анализа взглядов учёных на эту тему.

Анализируя результаты различных исследований, можно констатировать, что микроуровень исследует индивидуальный подход структуры экономической безопасности [Glaser, 1997: 171–201].

Итак, экономическая безопасность домохозяйства или индивидуума является объектом исследования на микроуровне с особым вниманием к важности сбережений и угроз качеству жизни взрослых и пожилых людей. Составная часть определения экономической безопасности ряда учёных — это личное финансовое обеспечение, социальная интеграция, здоровье, стратегии безопасности, гарантирующие достоинство и качество жизни. Анализируя домашнее хозяйство, учёные также подчёркивают, что долгосрочная экономическая безопасность и развитие семьи во многом зависят от сбережений и накопления богатства [Muller, 2015: 108–159]. Эти учёные описывают экономическую безопасность как меру индивидуального или семейного потенциала. Чем лучше индикаторы экономической безопасности, тем больше личность или домохозяйство защищены от негативных факторов окружающей среды (труд, здоровье, потеря выживших, проблемы с платёжеспособностью), тем больше то, на что они могут рассчитывать (качественный отдых, комфортные условия проживания, страхование здоровья, увеличение пенсионного фонда).

Примечательно, что некоторые эксперты [Morris, Deprez, 2013: 11] анализируют источники финансирования, качество жизни и конкурентоспособность женщин трудоспособного возраста в США на рынке труда, поэтому понимание их экономической безопасности значительно упрощено и сосредоточено на способности человека заботиться о себе. Их мнение сводится к тому, что экономическая безопасность — это финансовая ситуация, при которой человек может жить так, как хочет.

Проанализировано также влияние различных мер экономической уязвимости на общую экономическую безопасность личности [Quinn, Cahill, 2016: 321–333]. Таким образом, определение их экономической безопасности аналогично определению того, что уже упоминалось, то есть финансовые возможности, платёжеспособность, социальное благополучие и устойчивость к внешним угрозам.

Также необходимо отметить, что рядом авторов экономическая безопасность предприятий анализируется на микроуровне. Экономическая безопасность бизнес-структур изучается как условие, при котором ресурсы используются эффективно для предотвращения угроз и тем самым обеспечивают функционирование и стабильность развития компании, характеризуя экономическую безопасность как сочетание качественных и количественных показателей. Для того чтобы поддержать соответствующий уровень экономической безопасности, важно, чтобы предприятия обеспечили максимальную сохранность основных функциональных компонентов. Исследователи, анализируя экономическую безопасность компаний,

выделяют следующие элементы экономической безопасности: финансы, человеческие ресурсы, технологии и инновации, политическую и правовую среду, экологию, окружающую среду и информационную безопасность.

Различные цели во внешнеэкономических связях, разработанные постсоветскими странами

От одной крайности бывшие союзные республики перешли к другой – к почти полной разобщённости. Важно заметить, что изменились также цели и задачи развития, реальные и желаемые партнёры для политического и экономического развития, а также региональной интеграции.

Латвия, Литва, Эстония. Прибалтийские страны не только отказались от политической системы, идеологии и системы управления, но и сразу забыли о том, что объединяло народы. При этом за все эти годы, уже будучи членами Европейского союза, ничего осязаемого так и не получили и, потеряв традиционные рынки сбыта, потеряли также важную часть своих промышленных мощностей, а новые так и не появились. Для сравнения отметим, что другие восточноевропейские страны, например, до сих пор развивают торгово-экономические отношения с бывшими союзниками по СЭВ и постсоветскими странами.

Белоруссия является практически единственной страной, которая осталась в союзе с Россией, разумеется, в формате, указанном в новом договоре, подписанном в мае 1997 г. Лояльность к России не мешает развивать торгово-экономические связи с европейскими странами, участвовать в Восточном партнёрстве с ЕС, реализовывать проекты по части информационных и высоких технологий с Китаем, Японией и другими странами. Активно участвует в евразийской интеграции.

Практически все страны Средней Азии сохранили свою лояльность по отношению к России. В то же время диверсифицируются партнёрские связи со странами Азии, в первую очередь с Китаем, а также дальним зарубежьем.

Киргизия стала членом ВТО одной из первых постсоветских стран, одновременно углубляя отношения с другими постсоветскими странами – Россией, Беларуссией, Арменией и Казахстаном – в рамках Евразийского экономического союза. К указанному союзу примыкает также Узбекистан.

Армения сочетает политические и экономические отношения со всеми странами мира, сохраняя стратегические интересы с Россией в рамках стратегического союза, а также многостороннего сотрудничества в СНГ, ЕАЭС и других форматах региональной интеграции. Армения тесно сотрудничает со странами Европейского союза на основе подписанного соглашения* (но-

* Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнёрстве между Республикой Армения и Европейским союзом (СВРП).

ябрь 2017 г.). Другим форматом европейской интеграции является Восточное партнёрство, инициированное ЕС с 2009 г., которое предоставляет дополнительные возможности для диверсификации интеграционных связей страны. Соглашения о всеобъемлющем и расширенном партнёрстве с ЕС затрагивает все направления общественной жизни. Кроме того, Армения поддерживает добрососедские отношения с Ираном и Грузией. С обеими странами действует режим свободной торговли, в том числе с элементами зоны приграничной свободной торговли. Свободная экономическая зона с Ираном сегодня расширена для всех стран – членов ЕАЭС.

Грузия имеет чётко выраженную прозападную ориентацию во внешней политике и в сфере внешнеэкономических связей. После 2003 г. комплементарная политика государства уступила место политике развития политического вектора, направленного на Европейский союз и США. Более того, была разработана программа, направленная на членство Грузии в НАТО. Однако после событий 2008 г. и последующих перемен становится очевидным, что в обозримом будущем эти планы трудно реализуемы также с учётом динамичных тенденций в регионе и в мире. Примечательно, что недавно проводимый социологический опрос в разных регионах Грузии подтвердил прогнозы о существенном изменении общественного мнения по поводу внешней политики государства: более 60 % анонимно опрошенных высказались за укрепление политических, торговых и экономических связей с Россией.

Азербайджан активно развивает политические и торгово-экономические связи одновременно с Россией и Турцией, пытаясь извлекать возможные результаты сотрудничества с другими странами региона, в частности с тюркоязычными странами Средней Азии, с Израилем и другими государствами региона.

Молдавия после подписания соглашения с ЕС об ассоциации в июне 2014 г. переживает непростой период политических и экономических вызовов и перемен. Геополитические и геоэкономические условия не вполне способствуют реализации стратегических планов по евроинтеграции. Параллельно не прекращаются попытки отдельных слоёв общества улучшить отношения с Россией и другими бывшими союзниками.

Украина отказалась от председательства и членства в СНГ взамен на обещания, сходные с ситуацией в Грузии не только по сценарию, но даже по срокам реализации и многим другим признакам. Незадолго до наступления глобального финансово-экономического кризиса политические катаклизмы в стране практически не влияли на экономику страны, которая развивалась солидными темпами по сравнению со многими странами региона. Однако в последние годы всё изменилось и новые перемены стали носить уже политэкономический характер. Немаловажным является и тот факт, что в стабилизации или дестабилизации обстановки на Украине задействованы

не только разнородные местные, но и неоднозначно оцениваемые внешние политические силы.

Для более реального понимания разных подходов и задач региональной интеграции постсоветских стран не следует упускать из виду то обстоятельство, что ярко выраженная антироссийская организация ГУАМ^{*}, которая сейчас приняла вид Организации за демократию и экономическое развитие, объединяет именно те страны, которые за редкими исключениями разделяют те же интересы и судьбы: Грузию, Украину, Азербайджан, Молдавию.

Различные подходы и цели региональной интеграции

Важно учитывать то обстоятельство, что после распада Советского Союза у новых независимых государств не только появились самые разные подходы к региональной интеграции, но и наметились тенденции динамичной эволюции и трансформации этих подходов и задач во внешнеэкономических и внешнеполитических направлениях. В течение первых лет практически у всех стран сформировалась так называемая комплементарная политика, выраженная в стремлении создавать и развивать взаимовыгодные отношения со всеми соседними государствами и странами региона, а также участвовать во всевозможных форматах двустороннего и многостороннего сотрудничества, инициированных в разных уголках планеты. Более того, с первых лет независимости постсоветские страны подали заявки на членство во многих международных организациях, стратегических альянсах и региональных образованиях.

Вопросы региональной интеграции также были на национальной повестке постсоветских государств. Примечательно, что крупные глобальные игроки не могли не считаться с этими тенденциями, в первую очередь для построения своих стратегических планов. Со временем некоторые страны с учётом географического положения предпочли интеграционную ориентацию на Запад. И поскольку данный период совпал с новыми тенденциями в Западной Европе, в частности с подписанием и началом реализации Маастрихтского соглашения, независимые постсоветские страны также не обошли стороной возможности европейской интеграции. А Молдавия, Грузия, Украина сделали особый акцент на формировании соответствующих предпосылок будущего сотрудничества.

В последующие годы, с формированием в 1995 г. Всемирной торговой организации на базе действующего с 1948 г. Генерального соглашения по тарифам и торговле, новые независимые страны одна за другой стали обращаться за членством в указанную международную организацию вслед за членством в Международном валютном фонде и Всемирном банке.

^{*} Создана в 1997 г., как и Союзное государство России и Белоруссии, штаб-квартира – Киев, Украина.

Существует также одна важная особенность участия постсоветских стран в региональной интеграции. Это в первую очередь характер и содержание реформ после обретения независимости. Существенный отпечаток на политэкономические преобразования наложила модель шоковой терапии. Через некоторое время стало ясно, что был шок, но не было ожидаемой «терапии», в то время как китайский градуализм, например, позволил более взвешенно подходить к инструментам и методам реформ, а также к возможным партнёрам в региональной интеграции.

Именно этими особенностями можно объяснить стремление новых государств присутствовать сразу в разных группировках и форматах региональной интеграции. После выхода стран Прибалтики из состава СССР (1990 г.) по инициативе России в 1991 г. в Белоруссии руководителями оставшихся стран было принято решение об образовании Содружества Независимых Государств (СНГ).

В том же году был создан региональный блок Черноморское экономическое сообщество (ЧЭС) по инициативе Турции. Общим является стремление обеих стран сформировать региональные организации и оказывать влияние на новые независимые государства. Однако особенностей и различий было значительно больше.

В СНГ вошли страны, которые имеют определённый опыт совместной работы, знакомы с товарами и услугами других стран, вышли из единого рынка, сопоставимы по уровням социально-экономического развития и т. д. Что касается ЧЭС, то в него входят не только постсоветские страны, но и страны Европейского союза с абсолютно несопоставимыми уровнями социально-экономического развития, в том числе бедности и других показателей угроз экономической безопасности. Более того, «формальный» характер ЧЭС также выражен в том, что некоторые страны не имеют связи с Чёрным морем. Наконец, в составе общества есть немало стран, которые вовсе не имеют дипломатических отношений.

Немаловажную роль в региональной дезинтеграции играет ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан и Молдавия), имеющая, как говорилось ранее, ярко выраженную антироссийскую позицию.

В описанных условиях был сформирован ЕАЭС, в рамках которого не утихают попытки согласования и синхронизации национальных интересов стран-участниц с поставленными целями и задачами союза. Однако на региональные тенденции оказывают существенное негативное воздействие не только глобальная неопределённость в целом, но и самые разные угрозы экономической безопасности.

Опыт интеграционных инициатив и процессов на постсоветском пространстве подтверждает мысль о том, что в годы независимости указанные страны имеют и обрели больше особенностей, чем общности и гармонии для координации усилий в рамках региональной интеграции. Таким об-

разом, эффективная, всесторонняя и глубокая региональная интеграция подразумевает такие структурные компоненты, как интеграция политических, экономических и экспертных элит стран, участвующих в процессах интеграции, а также структурные факторы, производство товаров и услуг, имеющих региональный спрос, интеграцию структурных факторов, рынков национальных хозяйств, первичных и вторичных институтов, инвестиционную интеграцию и проч.¹

Мировой опыт измерения экономической неопределённости на примере США. Глобальная неопределённость и другие риски

Для измерения экономической неопределённости обычно составляют индекс из трёх основных компонентов. Один компонент позволяет количественно оценить освещение в газетах экономической неопределённости, связанной с политикой. Второй компонент отражает количество положений налогового кодекса, срок действия которых истекает в будущем. Третий компонент использует разногласия между экономическими прогнозистами как показатель неопределённости.

Первый компонент – это индекс результатов поиска по 10 крупным газетам. В индекс включены газеты *USA Today*, *Miami Herald*, *Chicago Tribune*, *The Washington Post*, *Los Angeles Times*, *Boston Globe*, *San Francisco Chronicle*, *Dallas Morning News*, *The New York Times* и *Wall Street Journal*. На основе этих документов строится нормализованный индекс объёма новостных статей, в которых обсуждается неопределённость экономической политики.

Второй компонент индекса основан на отчётах бюджетного управления конгресса (*CBO*), которое составляет списки временных положений федерального Налогового кодекса. Ежегодно составляется взвешенное в долларах количество положений Налогового кодекса, срок действия которых истекает в течение следующих 10 лет, что позволяет оценить уровень неопределённости в отношении того, какой путь Налоговый кодекс пройдёт в будущем.

Третий компонент индекса неопределённости, связанный с политикой, основан на исследовании профессиональных прогнозистов Федерального резервного банка Филадельфии. Здесь используется разброс между прогнозами отдельных прогнозистов относительно будущих уровней индекса потребительских цен, расходов, государственных и местных расходов для построения индексов неопределённости макроэкономических переменных, связанных с политикой.²

¹ Political economy of regional integration // <https://selimraihan.wordpress.com/2016/04/02/political-economy-of-regional-integration-where-do-we-stand-in-south-asia/>, дата обращения 05.10.2021.

² Economic policy uncertainty index, Methodology // <https://www.policyuncertainty.com/methodology.html/>, дата обращения 05.10.2021.

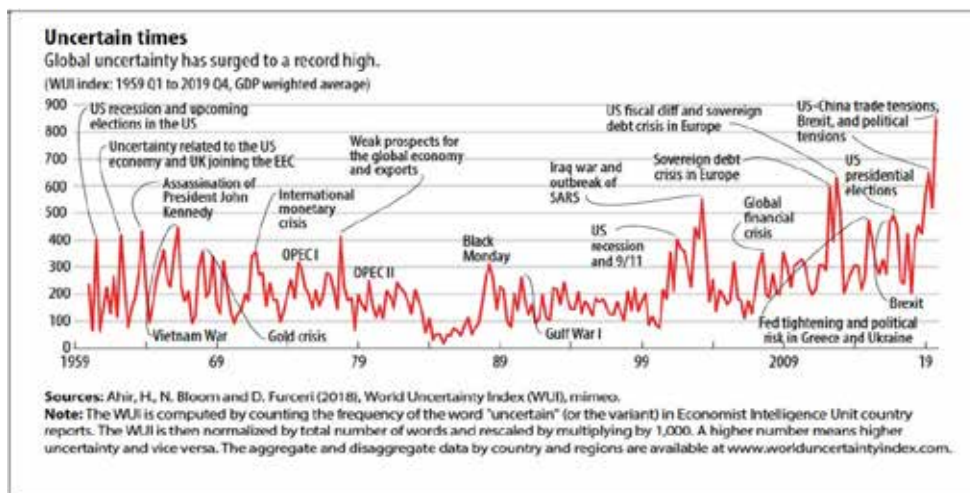

Рис. 2. Индекс глобальной неопределённости

Источник: *The World Uncertainty Index*

Среди других рисков следует упомянуть структурные трещины, усугублённые кризисом, которые грозят сделать восстановление крайне неравномерным [Bremmer, Kupchan, 2021: 3–27]. Экспертное мнение сходится в том, что большой ущерб наносят разные стандарты в международных экономических отношениях, а иногда и их несоответствия. Существенным риском является экономическая ударная волна пандемии, не говоря уже о беспрецедентных последствиях для здоровья. В мире обострились угрозы информационной безопасности, защиты информационных технологий, а также социальные проблемы.

Тенденции и события в мире, воздействующие на экономическую безопасность

Вспышка коронавируса (*COVID-19*) теперь влияет на личную и профессиональную жизнь каждого человека. Многие пытаются справиться со сложностями своего бизнеса, связанными с людьми, цепочкой поставок, финансовым здоровьем, взаимодействием с клиентами и управлением рисками. В настоящее время человечество переживает одно из самых значительных исторических изменений, которые происходили за последние 100 лет. Старые предприятия изменятся, и появятся новые. Наблюдается сдвиг в услугах, которые клиенты принимают в ответ на эту пандемию. Основные услуги в области здравоохранения, энергетики и природных ресурсов, водоснабжения и экстренных служб будут по-прежнему востребованы, хотя бизнес-модели для этих отраслей могут измениться. Необходима бдительность

и осторожность в отношении дальнейшего воздействия распространения вируса. Важно понять, как две из самых густонаселённых стран мира, Индия и Китай, управляют ситуацией. Коллективное богатство западных стран поможет переориентировать расходы и улучшить здравоохранение. Каковы же способы переосмысления жизни, организаций и общества в целом?

Имеющая место глобализация трансформируется с усилением социального капитализма. Нерегулируемая и свободная рыночная глобализация может постепенно прекратиться из-за *COVID-19*, который подвергает серьёзным рискам независимые и несогласованные действия стран в отношении мировой экономики и благосостояния людей. Пандемия доказала, что проблемы, возникающие в одной стране, имеют эффект домино и могут в конечном итоге оказать серьёзное влияние на весь экономический мир.

Постсоветские страны в этом отношении наиболее уязвимы. Начинает появляться новая форма глобализации, которая признает взаимозависимость на благо человечества, основанную на коллективных действиях стран, предприятий и людей. В результате компании изменяют свои модели корпоративного управления и управления бизнесом, уделяя больше внимания корпоративной социальной ответственности и благополучию людей. Многие страны примут новые законы для защиты сотрудников в таких ситуациях, как пандемия. С появлением социального капитализма новый вид капитализма будет двигать компании. Не только рынки и регулирование рынка, но и то, что хорошо для сообществ и общества, будет определять бизнес-стратегию.

Возникает необходимость в защите информационных технологий, и значимость информационной безопасности возрастёт с ускорением цифровой трансформации. Понятие цифровой трансформации сейчас довольно продвинуто, и многие организации работают над преобразованием бизнеса в течение последних двух лет, если не больше. *COVID-19* заставит компании предпринять радикальные шаги по внедрению технологических достижений и модернизации культуры, организационных структур, систем измерения и операционных архитектур. Среди ведущих бизнес-лидеров есть общее согласие в том, что, даже если организация на данный момент занимает лидирующую позицию, руководство должно быть постоянно готово к изменениям с учетом рисков.

Таким образом, ускорение процесса цифровой трансформации станет для многих компаний главным приоритетом в обеспечении непрерывности бизнеса, повышении производительности и запуске новых бизнес-моделей, чтобы оставаться конкурентоспособными.

В странах ЕАЭС появились новые электронные площадки, содействующие быстрому реагированию на возникновение очагов болезней, однако эффективность всей системы здравоохранения остаётся низкой.

Быстро распространяющиеся болезни заставят отрасль здравоохранения трансформироваться и предоставлять более эффективную помощь. Помимо отраслевой реформы, медицинским организациям ЕАЭС необходимо будет приложить усилия, чтобы сосредоточиться на предоставлении медицинских услуг на индивидуальном уровне.

Многие работодатели понимают, что определение рабочего места в последующие годы заметно изменится. Существующие схемы удалённой работы, если они будут продолжаться более трёх месяцев, могут навсегда изменить режим работы. Для этих условий труда будут установлены новые нормы, пересматривающие границы трудовой и личной жизни. Рабочее место больше не будет просто офисом, куда люди приходят каждый день и откуда уходят домой каждую ночь. В связи с приближением серьёзных изменений возникнет необходимость переосмыслить назначение рабочего места. Рабочие места всё чаще становятся центрами сотрудничества для достижения общих целей, а не просто местом для работы людей. Ненужные накладные расходы, такие как командировки, будут сокращены, и у вас не останется другого выбора, кроме как обеспечить виртуальное взаимодействие, заменяющее физические личные встречи.

Системы образования и обучения должны будут пройти серьёзную встряску, чтобы помочь персоналу быстро переподготовить и повысить квалификацию с помощью виртуальных решений. Внедрение технологий, ориентированных на человека, станет важным для обеспечения существования потоков коммуникации и знаний [*Impact of COVID-19...*, 2020].

Таким образом, пандемия бросает вызов существующему положению вещей и традиционному мышлению во всех отраслях, но признание некоторых из упомянутых выше тенденций и своевременное принятие мер помогут отдельным лицам и предприятиям получить преимущество в трансформирующемся постсоветском пространстве. Немаловажную роль в этом сыграет также сформированный ныне единый фармацевтический рынок ЕАЭС, а также растущие связи со странами-партнёрами в преобразующемся мире, который имеет постепенную тенденцию к многополярности.

Воздействие местных, региональных и глобальных угроз на экономический рост

Исследуемые нами процессы в силу глобальной взаимозависимости прямо или косвенно влияют на тенденции развития постсоветских стран независимо от того, какой вектор ими выбран для внешнеэкономической и внешнеполитической интеграции. Нами выделены следующие основные угрозы местного, регионального и глобального характеров, которые существенно влияют на экономический рост постсоветских стран:

- внутривнутриполитическая нестабильность;
- обострение социальной напряжённости;
- недоразвитая инфраструктура;
- зависимость от энергоресурсов извне;
- нехватка местного продовольствия;
- неспособность обеспечить финансовую, информационную, интеллектуальную, инвестиционную безопасность;
- растущая технологическая зависимость от Запада;
- слаборазвитые транспортные коммуникации;
- неэффективная региональная интеграция;
- растущий дефицит платёжного баланса;
- неэффективное использование внешних займов;
- глобальный энергетический кризис;
- глобальный продовольственный кризис;
- нелегальная миграция и миграционный кризис;
- торговые войны;
- экономические и политические санкции;
- пандемия;
- другие угрозы экономической безопасности.

Общие угрозы экономическому росту постсоветских стран

Несмотря на некую изолированность и отсутствие координации экономической политики отдельных стран, особенно в рамках ЕАЭС, многие факторы превращаются в общие угрозы экономической безопасности. Это, в первую очередь, такие явления, как:

- увеличение объёмов внешнего долга;
- рост неравенства между внешним долгом и доступными валютными резервами;
- неожиданные высокие колебания обменных курсов, которые могут повлиять отрицательно на экономический рост;
- низкий уровень конкурентоспособности национальных хозяйств;
- слабая защищённость информационных систем, низкий уровень информационной безопасности;
- зависимость от ограниченного числа товаров в экспорте;
- относительно низкие объёмы товарооборота внешней торговли и отрицательного баланса в торговле;
- зависимость от краткосрочного внешнего заимствования — «горячие деньги»;
- кризис платёжного баланса;
- слаборазвитая инфраструктура и средства для транспортировки внешней торговли;

- незаконный импорт, контрабанда, торговля ограниченными товарами и услугами;
- рост дефицита государственного бюджета;
- недостаточные или неразнообразные источники ПИИ;
- массовый отток капиталов из-за отсутствия уверенности для инвестиций;
- зависимость от импорта;
- «утечка мозгов»;
- старение населения;
- слишком много открытости местного рынка против субсидированного импорта товаров и услуг, несправедливой иностранной конкуренции, включая демпинг, экономический шпионаж и т. д.;
- другие экономические угрозы.

Очевидно, что даже чёткое обозначение общих угроз недостаточно для их устранения. Нужна координация стратегий и политики постсоветских стран, а также выработка концептуальных положений, выбора подходов, эффективных инструментов и обмена опытом. В этом процессе трудно переоценить роль экономической дипломатии и её более передовых методов.

Роль экономической дипломатии в сокращении и устранении экономических угроз

Экономическая дипломатия, на наш взгляд, призвана служить прогрессу страны, обеспечивая её экономическую безопасность и конкурентоспособность. Можно проанализировать процессы обеспечения как экономической безопасности, так и повышения конкурентоспособности, чтобы прояснить роль и миссию экономической дипломатии в них.

В самом общем смысле это уровень или способность государства уменьшать или устранять существующие угрозы. Вместе с тем в данном случае существует определённое недопонимание как среди широкой общественности, так и среди некоторых экспертов. Некоторые явления без профессионального подхода и оценки классифицируются как угрозы. Например, когда дело доходит до государственного долга, многие люди спешат описать его как угрозу. Прежде всего, важен не только размер долга, но и эффективность его управления и обслуживания, что, в свою очередь, становится целью экономической дипломатии. На наш взгляд, управление государственным долгом нельзя рассматривать изолированно от других экономических явлений. Они находятся в тесном контакте друг с другом, даже в согласии. Поэтому целесообразно рассмотреть все основные экономические показатели, более или менее связанные с поставленными вопросами. В частности, необходимо обсудить проблемы институционального управления государственным долгом, обратиться к индикаторам, характеризующим государственный долг, проана-

лизировать динамично меняющийся рынок государственного долга, а также эффективность механизмов консолидации и погашения долга.

Экономическая дипломатия может рассматривать государственный долг с точки зрения его институционального управления. В целом в международной практике существует ряд ограничений на использование возможностей кредитного финансирования государственными органами. Большинство из них носит законодательный характер. Прежде всего, положения о контроле и управлении государственным долгом чётко закреплены в специальных законах, даже в Конституции страны. Кроме того, отдельные положения закона о государственном бюджете каждый год содержат положения о сумме совокупного долга, накопленного за эти годы, а также о размере вновь образованной задолженности, способах получения новых займов, их технических характеристиках (например, условия обмена, меры по его выпуску в качестве ценных бумаг и т. д.), меры по продлению срока погашения долга, его конвертации или даже его частичного или полного прощения. Также важны положения закона о центральном банке или банковской системе относительно того, какие ограничения могут быть наложены на доступ правительства к заёмным средствам от центрального банка или других небанковских кредитных организаций. Сфера законодательного регулирования также относится к законодательным положениям, которые регулируют возможности заимствования средств для исполнения государственного или местного бюджетов. При этом используются подзаконные акты, регулирующие ситуацию на рынке капитала и развивающие деятельность органов, которые несут ответственность за своевременное выполнение государственного бюджета (министерство финансов, государственное казначейство, центральный банк) вплоть до выпуска денег, процессы управления государственным долгом.

Наблюдаемая последовательность сроков предполагает соответствующее вмешательство внутренних «внешнеэкономических дипломатических структур» и их представителей. Это вмешательство необходимо на местном, региональном, мезо- (секторальном), макро-, региональном и глобальном уровнях.

ЕАЭС как новый формат борьбы с экономическими угрозами

Все попытки создать новые стратегические союзы с развитыми странами дальнего зарубежья или войти в состав уже созданных союзов (например, ЕС) обречены, поскольку до сих пор ни одна из развитых стран (в том числе стран ЕС) не сумела эффективно интегрироваться в мировую экономику, не будучи интегрированной в региональную экономику.

Для долгожданного устойчивого развития необходимо обеспечить реальную военно-политическую безопасность, учитывая опыт Европы после Второй мировой войны, когда враждующие стороны — Германия и Фран-

ция – создали стратегический Союз угля и стали, что, по сути, предотвратило третью мировую войну, а также заложило надёжную основу для интеграции в Европе, а позже – и для создания ЕС.

ЕАЭС полностью созвучен тенденциям в мировой экономике: наряду с глобализацией по всему миру углубляется процесс регионализации – НАФТА, АСЕАН, ЕС, другие региональные экономические союзы в Азии, Африке, Латинской Америке и пр.

ЕАЭС может и должен стать новым центром силы в мировой экономике, притягивая к себе многие страны, которые до сих пор не полностью интегрированы в своих регионах.

Будущее ЕАЭС – Большое евразийское партнёрство.

Концепция Большого евразийского партнёрства как инструмент экономической дипломатии

Предложенный В. Путиным в 2015 г. формат образования Большого евразийского партнёрства обсуждается как в государственных структурах, так и экспертами и аналитиками разных стран. В целом Большое евразийское партнёрство следует принимать как некую сеть контактов и переговоров, которые сложились или возникнут между как делающими погоду хозяйствами государств на территории Евразии, так и интеграционными группировками региона, которые используют принципиальные положения международного права, а также разные формы стратегических инфраструктур (транспорт, энергетика, ИТ, банки и пр.). Важно заметить, что именно такое видение способствует гармонизации интересов ЕАЭС с инициативой «Один пояс – один путь», что, в свою очередь, послужило основой для выработки проекта Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. [*Глазьев*, 2019: 18–20].

Вопросы позиционирования Евразийского экономического союза как одного из центров Большого евразийского партнёрства, сопряжения с китайской инициативой «Один пояс – один путь», а также укрепления взаимодействия с объединениями и государствами Азии и Европы рассмотрели на совещании в штаб-квартире Евразийской экономической комиссии 25 сентября. Обсуждение прошло в рамках подготовки плана реализации проекта Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года. Ранее проект Стратегии-2025 в целом одобрили главы государств. В настоящее время ЕЭК разрабатывает план реализации согласованных положений документа. ЕЭК уже на системной основе взаимодействует с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и обсуждает возможности заключения меморандума с секретариатом Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), идёт плодотворное сотрудничество с Содружеством Независимых Государств (СНГ). «Сегодня в мире прогнози-

руют распад экономического пространства на отдельные регионы. Назрел вопрос перехода к новому мирохозяйственному укладу. В этих условиях при отработке концепции Большого евразийского партнёрства необходимо выступить с содержательными долгосрочными инициативами, — отметил Сергей Глазьев. — Концепция Большого евразийского партнёрства должна быть основана на уважении национальных суверенитетов, взаимовыгодном партнёрстве, концентрации совместных усилий на расширении инвестиционного и торгово-экономического сотрудничества с кумулятивным эффектом». В контексте формирования гармоничного «пространства доверия» С. Глазьев предложил подумать над идеей создания евразийской системы арбитража.

По мнению экспертного сообщества, Большое евразийское партнёрство не должно подразумевать создания организационной надстройки, а должно представлять собой сеть диалогов (диалоговых партнёрств) между ключевыми игроками Евразии — крупнейшими национальными экономиками и экономиками региональных объединений, связанных между собой инфраструктурой и гибкой системой международных правовых норм.

Комфортная для государств Евразии организация Большого евразийского партнёрства на взаимовыгодной основе позволяет выстраивать долгосрочные планы по институционализации различных форматов сотрудничества. Как отметили на совещании некоторые эксперты, универсальные форматы многостороннего сотрудничества государств Большого евразийского партнёрства при необходимости и наличии запроса со стороны партнёров в Евразии могут быть формализованы в соответствующих рамочных документах, но пока об этом говорить преждевременно. Ключевыми направлениями сотрудничества являются сферы торговли, транспорта и инфраструктуры, производственной кооперации, а также цифровая сфера³.

Заключение.

Определение приоритетов экономических угроз и поддержание экономической безопасности с помощью экономической дипломатии

В современных условиях экономическая дипломатия постсоветских стран должна быть нацелена на обеспечение не только политической, но и экономической безопасности в регионе, в частности с учётом общих угроз и возможностей обеспечения совместными усилиями энергетической, продовольственной, экологической и других форм региональной безопасности.

³ Сергей Глазьев: «В рамках Большого Евразийского партнёрства нужны содержательные долгосрочные инициативы», Евразийская экономическая комиссия, Москва, 28.09.2020 // <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/28-09-2020-2.aspx>, дата обращения 05.10.2021.

Лучше будет использовать геополитическое положение региона, в частности для укрепления стратегических позиций постсоветских стран, особенно со странами Запада, а также для получения внешнеполитических дивидендов в условиях динамичного развития мирохозяйственных связей.

Образование единого экономического пространства и общего, более ёмкого рынка сделает ЕАЭС более привлекательным не только для иностранных инвестиций, но и для Восточноевропейского партнёрства и других форматов международной экономической интеграции [Глазьев, 2019: 18–20].

Однако всё вышперечисленное требует сильной внешнеполитической воли всех указанных стран, их стратегических партнёров, международных организаций, полного учёта специфики экономических и политических тенденций в регионе, а также архитекторов безопасности высокого класса.

Список литературы

Глазьев С. Ю., 1997. Основа обеспечения экономической безопасности страны: альтернативный реформационный курс // Российский журнал. № 1. С. 3–19.

Глазьев С. Ю., 2019. Большое евразийское партнёрство: созидая новый мир // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. № 1. С. 18–20.

Ahir H., Bloom N., Furceri D., 2018. World Uncertainty Index // Social Science Research Network. October 29 // https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3275033, дата обращения 05.10.2021.

Bremmer I., Kupchan C., 2021. Top Risks 2021. Eurasia Group. P. 27 // <https://www.eurasiagroup.net/issues/top-risks-2021>, дата обращения 05.10.2021.

Glaser C., 1997. The Security Dilemma Revisited // World Politics. Vol. 50. No. 1. P. 171–201.

Burns J. F., Somaiya R., 2012. Murdoch Resigns From His British Papers' Boards // <https://www.nytimes.com/2012/07/22/world/europe/murdoch-resigns-from-british-newspaper-boards.html>, дата обращения 05.10.2021.

Kremer-Matyškevič I., Černius G., 2019. Country's Economic Security Concept: Theoretical Insights // https://repository.mruni.eu/bitstream/handle/007/16031/WOE_Kremer-Maty%C5%A1kevi%C4%8D.pdf?sequence=1&isAllowed=y, дата обращения 05.10.2021.

Leuchtenburg W. E., 1963. Franklin D. Roosevelt and the New Deal, 1932–1940 / New York: Harper and Row. 393 p.

Morris L., Deprez L., 2013. The Faltering Safety Net in A Reluctant Nation: Women's Economic Security at Risk in America // Women's Studies International Forum. Vol. 47. DOI:10.1016/j.wsif.2013.11.002.

Muller C., 2015. California State University Catastrophic (Cat) Leave Donation Program: Demographics, Economic Security, and Social Equity // Journal of Health and Human Services Administration. Vol. 38. No. 1. Pp. 108–159.

Quinn J., Cahill K., 2016. The New World of Retirement Income Security in America. // American Psychologist. Vol. 71. No. 4. P. 321–333.

Šimašius R., Vilpišauskas R., 2005. The Concept of Economic Security and the Principles of Economic Security Policy in Lithuania // Lithuanian Annual Strategic Review. Pp. 249–266.

Tamošiūnienė R., Munteanu C., 2015. Current Research Approaches to Economic Security. New Challenges in Business Research // 1st International Conference on Business Management. Valencia (Spain) Pp. 55–58. DOI:10.4995/ICBM.2015.1537 // https://www.researchgate.net/publication/314707212_Current_research_approaches_to_economic_security, дата обращения 05.10.2021.

Economic Policy Uncertainty Index. Methodology // <https://www.policyuncertainty.com/methodology.html/>, дата обращения 05.10.2021.

Impact of COVID-19 on Lives, Livelihoods and MSMEs. Assessment Report, 2020. Pp. 15–36 // https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/Impact_of_COVID_19_on_lives_Report.pdf, дата обращения 05.10.2021.

Сергей Глазьев: «В рамках Большого Евразийского партнёрства нужны содержательные долгосрочные инициативы» // <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/28-09-2020-2.aspx>, дата обращения 05.10.2021.

MANASERYAN Tatul N.,

D. Sc. (Economics), Professor, Yerevan State University.

Address: 1, Alek Manukyan str., Yerevan, 0025, Republic of Armenia

E-mail: tatoulm@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6073-8088

PROSPECTS FOR REDUCING COMMON THREATS TO ECONOMIC SECURITY IN POST-SOVIET COUNTRIES THROUGH HARMONIZED ECONOMIC DIPLOMACY

DOI: 10.48137/2687-0703_2021_16_4_22

Received: 18.11.2021.

For citation: *Manaseryan T. N.*, 2021. Prospects for Reducing Common Threats to Economic Security in Post-Soviet Countries Through Harmonized Economic Diplomacy. – *Geoeconomics of Energetics*. № 4 (16). P. 22-43. DOI: 10.48137/2687-0703_2021_16_4_22

Keywords: economic security, economic threat, economic diplomacy, post-Soviet countries, policy harmonization.

Abstract

The article is aimed at substantiating the need to develop and implement a targeted policy of economic diplomacy aimed at reducing and eliminating threats to economic security. The object of the research is the state and assessment of internal, regional and global threats and their impact on the economic growth of the newly independent states. Based on the main goal, we set the task of identifying various goals in foreign economic relations developed by the post-Soviet countries, as well as various approaches and goals in their regional integration. In this regard, the article analyzes global uncertainty and other risks, global trends and events affecting economic security. Particular emphasis is placed on analyzing the prospects for the transition from a unipolar to a multipolar world, in which it is possible to combine national and global interests. In this regard, the impact of local, regional and global threats is considered from the point of view of common obstacles to the economic growth of post-Soviet countries. In an attempt to find ways to overcome these threats, modern methods of economic diplomacy are highlighted, and the creation of a new regional grouping the EAEU is assessed as a new format for combating economic threats, in particular, evaluating the concept of the Greater Eurasian Partnership as an important tool of economic diplomacy. As practical recommendations, specific priorities of economic threats for their elimination and maintenance of economic security with the help of economic diplomacy are presented.

References

- Glazyev S. Yu.*, 1997. The basis for ensuring the economic security of the country: an alternative reformation course // Russian Journal. No. 1. Pp. 3–19. (In Russ.)
- Glazyev S. Yu.*, 2019. The Great Eurasian Partnership: creating a new world // Eurasian integration: Economics, law, politics. No. 1. Pp. 18–20. (In Russ.)
- Ahir H., Bloom N., Furceri D.*, 2018. World Uncertainty Index // Social Science Research Network. October 29 // https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3275033, accessed 05.10.2021. (In Eng.)
- Bremmer I., Kupchan C.*, 2021. Top Risks 2021. Eurasia Group. Pp. 27 // <https://www.eurasiagroup.net/issues/top-risks-2021>, accessed 05.10.2021. (In Eng.)
- Glaser C.*, 1997. The Security Dilemma Revisited // World Politics. Vol. 50. No. 1. Pp. 171–201. (In Eng.)
- Burns J. F., Somaiya R.*, 2012. Murdoch Resigns From His British Papers' Boards // <https://www.nytimes.com/2012/07/22/world/europe/murdoch-resigns-from-british-newspaper-boards.html>, accessed 05.10.2021. (In Eng.)
- Kremer-Matyškevič I., Černius G.*, 2019. Country's Economic Security Concept: Theoretical Insights // https://repository.mruni.eu/bitstream/handle/007/16031/WOE_Kremer-Maty%C5%A1kevi%C4%8D.pdf?sequence=1&isAllowed=y, accessed 05.10.2021. (In Eng.)
- Leuchtenburg W. E.*, 1963. Franklin D. Roosevelt and the New Deal, 1932–1940 / New York: Harper and Row. 393 p. (In Eng.)
- Morris L., Deprez L.*, 2013. The Faltering Safety Net in A Reluctant Nation: Women's Economic Security at Risk in America // Women's Studies International Forum. Vol. 47. DOI:10.1016/j.wsif.2013.11.002. (In Eng.)
- Muller C.*, 2015. California State University Catastrophic (Cat) Leave Donation Program: Demographics, Economic Security, And Social Equity // Journal of Health and Human Services Administration. Vol. 38. No. 1. Pp. 108–159. (In Eng.)
- Quinn J., Cahill K.*, 2016. The New World of Retirement Income Security in America. // American Psychologist. Vol. 71. No. 4. P. 321–333. (In Eng.)
- Šimašius R., Vilpišauskas R.*, 2005. The Concept of Economic Security and the Principles of Economic Security Policy in Lithuania // Lithuanian Annual Strategic Review. Pp. 249–266. (In Eng.)
- Tamošiūnienė R., Munteanu C.*, 2015. Current Research Approaches to Economic Security. New Challenges in Business Research // 1st International Conference on Business Management. Valencia (Spain) Pp. 55–58. DOI:10.4995/ICBM.2015.1537 // https://www.researchgate.net/publication/314707212_Current_research_approaches_to_economic_security, accessed 05.10.2021. (In Eng.)
- Economic Policy Uncertainty Index. Methodology // <https://www.policyuncertainty.com/methodology.html/>, accessed 05.10.2021.

Impact of COVID-19 on Lives, Livelihoods and MSMEs. Assessment Report, 2020. Pp. 15–36 // https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/Impact_of_COVID_19_on_lives_Report.pdf, accessed 05.10.2021. (In Eng.)

Sergey Glazyev: «Meaningful long-term initiatives are needed within the framework of the Great Eurasian Partnership» // <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/28-09-2020-2.aspx>, accessed 05.10.2021. (In Russ.)

Ольга БОРИСОВА

Даниил ВЫШЕГОРОДЦЕВ

«СЕВЕРНЫЙ ПОТОК – 2»: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ, РИСКИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ СТРАН ПРОЕКТА

Дата поступления в редакцию: 20.09.2021.

Для цитирования: *Борисова О. А., Вышегородцев Д. Д.*, 2021. «Северный поток – 2»: концептуальные подходы исследований, риски и национальные интересы стран проекта. – *Геоэкономика энергетики*. № 4 (16). С. 44-69. DOI: 10.48137/2687-0703_2021_16_4_44

В статье рассматривается вопрос газопровода «Северный поток – 2» с экономической точки зрения и с позиций соответствия интересам основных акторов: России, ФРГ и США. Авторы рассматривают хронологию создания газопровода на этапе согласования и на этапе строительства. Подробно изучены препятствия на пути реализации проекта, как существующие на общеевропейском уровне (Третий энергетический пакет Европейского союза) и непосредственно в Германии (партия «Зелёные») и отдельных странах ЕС (Дании, Польше, Украине, государствах Прибалтики), так и создаваемые США (закон *СИАТСА*, законопроект «О европейской энергетической безопасности»). В статье проводится анализ мнений российских, немецких и американских экспертных сообществ и СМИ касательно газопровода «Северный поток – 2» до и после достижения немецко-американской договорённости в июле 2021 г. Кроме того, проект газопровода был рассмотрен с точки зрения геополитических интересов РФ, ФРГ и США.

БОРИСОВА Ольга Александровна, научный сотрудник отдела экономических исследований Института стран СНГ. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 119180, ул. Большая Полянка, 7/10, стр. 3. E-mail: borisova.olga94@yandex.ru. SPIN-код: 2514-7730

ВЫШЕГОРОДЦЕВ Даниил Денисович, научный сотрудник отдела экономических исследований Института стран СНГ. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 119180, ул. Большая Полянка, 7/10, стр. 3. E-mail: hightownhochstadt@mail.ru. SPIN-код: 2257-4189

Ключевые слова: газопровод, «Северный поток – 2», Россия, США, Германия, энергобезопасность, договорённость, геополитика, энергетические рынки, интересы, постсоветское пространство.

Основной целью данной статьи является характеристика проекта газопровода «Северный поток – 2» в контексте соответствия связанным с ним ожиданиям заинтересованных акторов. В работе дана оценка позиции Российской Федерации в рассматриваемом вопросе и выдвинуты авторские предложения по трансформации внешнеполитической деятельности РФ по отношению к странам постсоветского пространства.

Сделан вывод о том, что в своём нынешнем виде газопровод «Северный поток – 2» в наибольшей степени удовлетворяет интересам ФРГ, в то время как российская сторона, хотя и извлечёт из него экономические выгоды, будет более стеснена по инструментарию своей политики по отношению к государствам «старого транзита» в частности и всему постсоветскому пространству в целом.

В современных условиях рынок энергоресурсов всё больше зависит не только от экономических факторов, но и от факторов геополитики. Именно геополитика оказывает наибольшее влияние на основные процессы в сфере энергетики в целом и в энергетическом сотрудничестве в частности.

Проблема реализации газопровода «Северный поток – 2» (СП-2) на своём примере отражает необходимость комплексно рассматривать проблемы мировых энергорынков. Проект затрагивает интересы сразу трёх значительных игроков на мировой арене: Российской Федерации (РФ), ЕС (в частности Германии) и США. Вопросы, касающиеся проекта СП-2, в научной, экспертной среде и СМИ каждой из стран-участниц освещаются зачастую противоречиво, что является отражением имеющегося конфликта интересов по проекту и служит основой различного восприятия самого проекта. В большей степени различия подходов к оценке значимости проекта СП-2 между странами-участницами проявляются в контенте информационного сопровождения проекта, который содержит конфронтационные оценки не только в определении экономических эффектов, роли в политической повестке, но и в геополитической конкуренции.

В официальной риторике Германии «Северный поток – 2» ранее всегда выступал исключительно как экономический проект. В ходе Мюнхенской конференции по безопасности (15 февраля 2019 г.) канцлер Германии А. Меркель заявляла, что газопровод «СП-2» соответствует интересам ФРГ и других стран ЕС и будет построен, несмотря на все политические трудности.

Однако со временем позиция Германии сменилась на более нейтральную и осторожную: так, в заключённой между ФРГ и США договорённости (21 июля 2021 г.) уже употребляется понятие «энергетическое оружие». Что свидетельствует об изменении акцентов в официальной риторике Германии, точнее используемых инструментов, которыми пытаются отстоять заявленные ранее экономические потребности в реализации данного проекта.

В странах младоевропейцев, наоборот, преобладает негативное отношение к проекту СП-2. Страны Балтии, которые традиционно выступают с антироссийскими заявлениями, утверждают, что проект СП-2 угрожает энергетической безопасности всего региона и приведёт к полной зависимости от России. Дания выражает озабоченность в связи с рисками для окружающей среды, которые могут возникнуть в ходе строительства и эксплуатации газопровода.

Особое место в противостоянии проекту «Северный поток – 2» занимают США. Если Германия отстаивала строительство газопровода СП-2 с учётом своих экономических интересов, то США не оставляют попыток торпедирования этого проекта на всех этапах его строительства, особенно активизировав своё противостояние на завершающих этапах, что привело к отсрочке его реализации на год. Причиной столь негативного отношения к российскому проекту являются не только давние политические разногласия, но и стремление США расширить своё экономическое влияние на европейские рынки за счёт поставок СПГ.

В США начался значительный рост добычи сланцевого газа с начала 2000-х гг. благодаря так называемой «сланцевой революции». В период с 2005 по 2017 г. добыча выросла почти в два раза: 489,4 млрд куб. м в 2005 г., 734 млрд куб. м в 2017 г. Благодаря этому в стране возник переизбыток газа на внутреннем рынке, что позволило в 2016 г. начать экспорт СПГ [«Сланцевая революция»..., 2019].

Для американских властей расширение экспорта на рынки ЕС является выгодным с различных точек зрения. С одной стороны, это будет способствовать росту количества рабочих сил и обеспечит приток средств в госбюджет, а с другой – позволит ещё больше расширить своё влияние на европейский регион. В связи с желанием США стать главным энергетическим лидером, заняв не только азиатские и южноамериканские, но и европейские рынки, значительный вес РФ, обусловленный экономической конкурентоспособностью российских поставок, в данном вопросе является препятствием для достижения установленных целей на свободноконкурентном рынке.

Для США критически важно максимально уменьшить роль РФ и «Газпрома» как поставщика ресурсов в ЕС. Однако, несмотря на неоднократные высказывания американского руководства о готовности обеспечить ЕС необходимым объёмом газа, такие заявления не получают достаточного фактического подтверждения. На данный момент доля американского СПГ на рынках Европы составляет около 15 %. Отдельно необходимо отметить, что, по заявлению американской администрации, для компаний выгоднее поставлять топливо на азиатские рынки ввиду более выгодного ценообразования.

Общая характеристика газопровода «Северный поток – 2»

Для лучшего понимания проблематики «Северного потока – 2» необходимо описать его экономическую составляющую.

Динамика потребления газа в ЕС показывает, что, несмотря на сокращение потребления в 2020 г. (406 млрд куб. м в 2019 г. – 394 млрд куб. м в 2020 г.), значительного снижения в ближайшее время не ожидается. Несмотря на заявленные успехи, попытки полностью перейти на ВИЭ на данный момент не реализовались в той мере, чтобы обеспечить необходимое количество ресурсов. Кроме того, даже страны ЕС не отрицают факт устаревания ГТС как в моральном, так и в практическом плане. Исходя из этого в ЕС в целом и в Германии в частности возникла потребность в расширении поставок газа.

Для удовлетворения спроса европейских потребителей ещё в начале 2000-х гг. Еврокомиссией было одобрено строительство газопровода «Северный поток – 1» (пропускная способность – 55 млрд куб. м в год), в 2011 г. была введена в эксплуатацию первая ветка, в 2012 г. – вторая. Успешность проекта «Северный поток – 1» способствовала идее создания дополнительно третьей и четвертой веток, которые в дальнейшем получили название «Северный поток – 2».

На данный момент Россия является ведущим поставщиком углеводородов в ЕС (42 %), на втором месте – Норвегия (34 %) и Алжир (10 %). Реализованный в 2012 г. проект СП-2 обеспечил лидирующие позиции России по поставкам газа в ЕС, что фактически стало основным раздражителем в последующем противостоянии усилению присутствия «Газпрома» на европейских рынках.

По данным немецкой статистики, в 2020 г. по ГТС было доставлено 168 млрд куб. м российского газа, из которых непосредственно в Германию – 56,3 млрд куб. м (55,2% всего импорта газа в страну) [*Verteilung der Erdgasbezugsquellen...*, 2020]¹.

«Северный поток – 2» является совместным проектом дочерней компании ПАО «Газпром» *Nord Stream 2 AG (NS 2 AG)* и ряда европейских компаний: *Engie* (Франция), *OMV* (Австрия), *Royal Dutch Shell* (Нидерланды), *Uniper* (Германия), *Wintershall* (Германия).

Пропускная способность «Северного потока – 2» составляет 55 млрд куб. м в год в течение минимум 50 лет. Совместная пропускная способность двух ниток газопровода «Северный поток» составит 110 млрд куб. м в год. Маршрут СП-2, по которому будет экспортироваться газ от места добычи

¹ *Verteilung der Erdgasbezugsquellen Deutschlands im Jahr 2020* // <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/151871/umfrage/erdgasbezug-deutschlands-aus-verschiedenen-laendern/>, дата обращения 02.09.2021.

(Ямал) до потребителя (северо-запад Европы), будет на 2000 км короче, чем аналогичный маршрут через Украину и другие транзитные страны. «Газпром» определил транспортный тариф в 2,1 долл. за 1 тыс. куб. м, тогда как осуществляемый через Украину составляет 2,5 долл. за 1 тыс. куб. м. Эксплуатационные затраты по транзиту в страны ЕС будут в 1,6 раза ниже, чем на маршруте через Украину. Кроме того, благодаря СП-2 будет развиваться газотранспортная инфраструктура между РФ и ЕС.

Препятствия на пути реализации проекта

Проект газопровода «Северный поток – 2» сталкивался с различными препятствиями на всех этапах его реализации (табл.), основывающимися на негативном отношении к возможному росту влияния РФ на энергорынках ЕС.

Хронология строительства газопровода «Северный поток – 2»

Год	Этап согласования
2017	Подписание соглашения о финансировании проекта «СП-2» между компаниями <i>Nord Stream 2 AG</i> и <i>ENGIE, OMV, Royal Dutch Shell, Uniper</i> и <i>Wintershall</i>
2018	Согласование со странами ЕС: ФРГ – выдача разрешения на использование побережья (30.01.2018) и территориальных вод (27.03.2018); Финляндия – выдача разрешения на строительство в исключительной экономической зоне (5.04.2018); Швеция – выдача разрешения на строительство в исключительной экономической зоне (7.06.2018); Дания – проведение экологической экспертизы. 2020 г. – выдача разрешения на работу газопровода (1.10.2020)
Ход строительства	
2016	Доставка труб большого диаметра для строительства газопровода
2017	Заключение соглашения между <i>Nord Stream 2 AG</i> и компанией <i>Allseas</i> об укладке труб обоих ниток газопровода. Июль – принятие конгрессом США ряда законодательных актов, касающихся введения санкций по отношению к странам и компаниям, сотрудничающим с РФ по реализации совместных проектов (закон <i>CAATSA</i>)
2018	Начало строительства газопровода на территории Германии. К 30 ноября 2018 г. было проложено более 300 км. 23 декабря – начало укладки труб в исключительной экономической зоне Швеции, окончание прокладки труб на германском участке

Продолжение таблицы на следующей странице

Продолжение таблицы

Год	Этап согласования
2019	В период с 1 января по 24 октября было проложено более 2100 км труб. 30 октября – выдача разрешения на строительство СП-2 на датском континентальном шельфе. 28 ноября – начало укладки труб в акватории Дании. 31 июля – принятие законопроекта «О европейской энергетической безопасности» (комитет сената США). 23 декабря – введение санкций США против российских газопроводов, что привело к выводу судов компании <i>Allseas</i> из Балтийского моря. По состоянию на 23 декабря строительство было завершено на 93,5% (2300 км). Приостановка строительства
2020	1 января пущен газ по первой нитке газопровода <i>EUGAL</i> (часть СП-1). 9 февраля из порта Находка вышло трубоукладочное судно «Академик Черский» для продолжения строительства подводной части. 6 июля – выдача энергетическим агентством Дании разрешения на строительство с использованием новых судов. 22 декабря завершено строительство сухопутного участка в Германии. 29 декабря завершено строительство газопровода в германской акватории на маршруте Б
2021	К 31 марта проложено 2339 км труб (из 2460 км). 4 июня – завершение строительства первой нитки газопровода «СП-2». 10 июня – завершение строительства с технической точки зрения ветки по маршруту Б, 11 июня – заполнение газом и начало пусконаладочных работ. 23 июня – получение заявки от <i>Nord Stream 2 AG</i> о сертификации в качестве <i>ИТО</i>. 6 сентября завершена укладка последней трубы второй нитки газопровода, начата подготовка к стыковке к германской и датской секциям, подготовка пусконаладочных работ

Источник: Составлено автором на материале открытых источников

Один из ключевых факторов, создающих препятствия для «Северного потока – 2», – газовые директивы ЕС (Третий энергопакет). Требования европейского законодательства предписывают «Газпрому» обеспечить доступ третьим лицам к его газопроводам для того, чтобы иные поставщики могли транспортировать газ. В случае отказа российская сторона не сможет использовать газопровод на полную мощность, что повлечёт за собой значительные убытки. Однако РФ не стремится допускать иные компании к пользованию своими газоматриалами. Для того чтобы избежать лишения единоличного владения СП-2, «Газпром» и компания-оператор *NS2 AG* неоднократно подавали апелляции в европейские инстанции с целью вывода газопровода из-под указанной директивы. Однако, несмотря на все

действия госкорпорации, апелляции были отклонены, а в конце августа 2021 г. Высший земельный суд Дюссельдорфа отклонил последнее обжалование *NS2 AG* [Пятин, 2021].

В соответствии с решением суда компанию могут оштрафовать за несоблюдение европейского законодательства или вовсе не допустить сертификацию СП-2 для полноценного ввода в эксплуатацию.

Другим значительным фактором является деятельность США, направленная против «Северного потока – 2» в частности и роли России на энергорынках ЕС в целом. С этой целью администрацией США неоднократно принимались законодательные акты, так или иначе направленные на сокращение доли российского сегмента на газовых рынках ЕС. Так, в 2018 г. был принят так называемый закон *CAATSA (Countering America's Adversaries Through Sanctions Act)*. Документ узаконил ограничительные меры по отношению к России, Ирану и КНДР, которые были приняты ранее, а также ввёл дополнительные санкции. Кроме того, закон предписывает в некоторых случаях наложение вторичных санкций по отношению к компаниям, не связанным с США. Согласно документу, в случае сотрудничества в рамках «значительной финансовой транзакции» европейской компании с российской корпорацией, находящейся под санкциями США, под санкции попадает и компания из Европы [Countering America's..., 2018].

Принятие данного закона привело к разрыву договорённостей с компанией *Allseas*, занимающейся трубоукладочными работами на проекте СП-2. Ввиду того что компания полностью вывела суда из акватории Балтийского моря в декабре 2019 г., строительство газопровода было фактически остановлено на весь 2020 г.

31 июля 2019 г. комитет по международным делам сената США принял законопроект «О европейской энергетической безопасности и диверсификации 2019» [European Energy Security..., 2019]². Суть данного акта заключается в «оказании помощи европейским и евразийским государствам в уменьшении их зависимости от энергетических ресурсов». Защита предполагается от таких стран, как РФ, которая «использует природный газ для влияния на другие правительства»³. По мнению американской стороны, спасение должно заключаться в увеличении поставок ресурсов из США и росте государственных и частных инвестиций на европейских энергорынках.

Несмотря на громкие заявления о российской угрозе, газопровод «СП-2» является совместным проектом РФ и стран ЕС, в частности Германии.

² European Energy Security and Diversification Act of 2019 // <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/1616/text>, дата обращения 02.09.2021.

³ Палата представителей США приняла акт об энергетической безопасности Европы от России // <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2019/03/26/797358-energeticheskoi-bezopasnosti-evropi-ot-rossii>, дата обращения 02.09.2021.

Соответственно, решение о прекращении строительства или эксплуатации должно приниматься действующими в нём сторонами, а не внешними акторами, которым и являются США.

Но в то же время существуют противники «Северного потока – 2» и непосредственно в Германии. Одним из наиболее активных является партия «Зелёные»⁴. Одним из аргументов является вопрос экологической безопасности. В целом партия озвучивает известную характерную для проамериканских движений антироссийскую риторику и позицию об использовании СП-2 как потенциального геополитического оружия. Несмотря на достаточно высокий рейтинг у зелёных и шансы на победу на выборах в Германии, их шансы оказать достаточное влияние на строительство и введение в эксплуатацию СП-2 достаточно небольшие. Стоит отметить, что проект реализуется в соответствии с общеевропейскими законами, а не опираясь исключительно на позицию правящей партии.

В ЕС также заявляют о нерентабельности проекта «Северный поток – 2» ввиду плана перехода на ВИЭ. Есть мнение, что окупаемость газопровода составит всего 50 лет, тогда как уже через 30 лет Европа планирует полностью отказаться от сжигаемого топлива. На наш взгляд, подобные заявления существуют только ради дополнительных отговорок от использования российского топлива, поскольку зелёная энергетика ещё не развита в регионе до необходимого для покрытия потребностей всего населения уровня.

Позицию против газопровода привычно высказывают Украина, Польша и страны Прибалтики. Руководство этих стран увидело возможность помешать введению в эксплуатацию СП-2 в ходе получения им необходимой сертификации. Так, украинская компания «Нафтогаз» [Гордеев, 2021] и польская *PGNiG*⁵ получили допуск к процессу сертификации газопровода, однако украинская компания – без права вето, а польская компания – с совещательным голосом.

Несмотря на несерьёзное отношение к польским претензиям на определяющую роль в вопросах газовых поставок в ЕС, их действия могут сыграть негативную роль в полноценной реализации проекта. Процесс сертификации СП-2 может затянуться на неопределённый срок, что не позволит РФ обеспечить европейских потребителей необходимыми объёмами и получать соответствующий доход.

16 ноября 2021 г. Федеральное сетевое агентство Германии (*Bundesnetzagentur, BNetzA*) приостановило процесс сертификации газопровода «Северный поток – 2» в связи с процессом переоформления организационной

⁴ Nord Stream 2 stoppen! // <https://www.gruene.de/aktionen/nord-stream-2-stoppen>, дата обращения 02.09.2021.

⁵ Польская компания будет участвовать в сертификации «Северного потока – 2» // <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/614b63969a794785f6b4a78d>, дата обращения 16.11.2021.

структуры проекта. По заявлению агентства, сертификация оператора возможна только при соответствии организационно-правовой формы законам Германии. С этой целью оператором газопровода *Nord Stream 2 AG* будет создана дочерняя компания, которая станет владельцем и оператором участка газопровода по территории Германии. После выполнения требований *BNetzA* сможет продолжить в установленный законом четырёхмесячный срок процедуру сертификации и подготовить проект решения для дальнейшей передачи в Европейскую комиссию⁶.

Кроме того, нельзя отрицать значительную роль США в вопросе распределения европейских энергорынков. СП-2 для Соединённых Штатов – проблемный проект, поскольку он является препятствием для расширения собственных поставок. Но вместе с тем газопровод представляет собой дополнительный повод для введения новых антироссийских мер, причину для которых США всегда могут найти.

Однако в российском экспертном сообществе и СМИ зачастую главенствуют чрезмерно позитивные прогнозы, игнорирующие возможные негативные исходы по реализации проекта СП-2.

Исходя из этого представляется необходимым глубже рассмотреть процессы, связанные с самим проектом газопровода и его возможными последствиями для основных акторов в лице РФ, ФРГ и США. Проанализировав транслирующиеся энергетическим сообществом взгляды, мнения, а также осуществляемую деятельность, мы сможем не только взглянуть на деятельность этих игроков по отношению к проекту как элементу более глобальной политики, но и обозначить при этом мотивацию предпринимаемых ими шагов.

Анализ российских, немецких и американских экспертных оценок по отношению к «Северному потоку – 2»

Осмысление «Северного потока – 2» ключевыми акторами, связанными с этим проектом, видится наиболее правильным представить следующим образом. Будут рассмотрены аналитические материалы из РФ, ФРГ и США, подготовленные до и после заключения американо-немецкой договорённости в конце июля 2021 г. На основе данной аналитики будет сделан промежуточный вывод о нынешнем видении ситуации с точек зрения всех заинтересованных сторон.

Из экспертной аналитики всех трёх стран по «Северному потоку – 2» материалы из России в большей степени отличались положительными

⁶ Verfahren zur Zertifizierung der Nord Stream 2 vorläufig ausgesetzt // https://www.bundesnetzagentur.de/SharedDocs/Pressemitteilungen/DE/2021/20211116_NOS2.html?jsessionid=5071F8A2A783B94380E9529C7CDB6ECA, дата обращения 16.11.2021.

оценками данного проекта в плане его перспектив и потенциального воздействия. Последнее касается как чисто экономической (рост спроса на энергоресурсы в европейских странах), так и геополитической составляющей (укрепление российских позиций в Восточной Европе). Также стоит отметить, что отечественные исследователи крайне осторожно подходили (и продолжают подходить) к прогнозированию будущей обстановки и выстраиванию возможных сценариев, в основном концентрируясь на уже сложившейся ситуации.

Российские эксперты до июля 2021 г., говоря о «Северном потоке – 2», прежде всего обращали внимание на значительные различия позиций Соединённых Штатов (а также их союзников) и Германии по данному вопросу. Соответственно делался вывод о маловероятности достижения ими компромисса [«Северный поток – 2» держит паузу, 2021]. Также стоит отметить общее положительное восприятие СП-2 с точки зрения выгоды для Российской Федерации (критика носит крайне редкий характер) и оптимизм по отношению к срокам завершения строительства газопровода – 2020–2021 гг. [Королёва, 2020].

На достижение американо-немецкой договорённости в конце июля аналитики из РФ отреагировали положительно. Отмечалось своеобразное «двухступенчатое влияние»: сначала немецкие бизнес-круги лоббировали завершение «Северного потока – 2» в ФРГ, после чего уже сама Германия смогла убедить США в необходимости более гибкого подхода по отношению к газопроводу. Последнее, по мнению российских экспертов, стало возможным ещё и потому, что американское руководство не столь уверено в том, что последующее давление на проект сможет обеспечить реализацию своих интересов [Кортунов, 2021]. Стоит также отметить отсутствие критических или хотя бы скептических оценок перспектив «Северного потока – 2» и его влияния на российские интересы, присутствовавших ранее.

Немецкая экспертно-аналитическая среда, напротив, более скептически смотрела на проект газопровода. Одним из ключевых аспектов в этом отношении выступало восприятие «Северного потока – 2» преимущественно как фактора усиления влияния РФ в Европе. Кроме того, нельзя не отметить роль, которая в материалах из Германии отводилась США.

Соединённые Штаты воспринимались как важный элемент системы общеевропейской энергетической безопасности. Следовательно, красной линией проходила мысль о необходимости формирования общей американо-немецкой (и американо-европейской) позиции по СП-2. Ещё одним отличием немецкой позиции от российской являлась большая распространённость прогнозов, в т. ч. с точек зрения основных игроков, что придавало данным материалам более нейтральный характер.

Переходя к характеристике немецкой аналитики до договорённости между США и Германией, следует отметить, что в немецкой аналитиче-

ской среде преобладало негативное восприятие «Северного потока – 2», которое отличалось только разной степенью критики. Озвучивалась необходимость выработки общей позиции между ФРГ, США и другими европейскими странами, которая учитывала бы интересы общеевропейской энергетической безопасности [Meister, 2019]. Сами же материалы нередко содержали в себе предполагаемые сценарии развития событий в будущем. Интересно также отметить, что Украина в основном затрагивалась в рамках оказания ей общей поддержки и/или помощи конкретно в рамках реформ энергетического сектора [Wie weiter mit Nord Stream 2..., 2019].

Касательно присутствующих в немецкой аналитической среде мнений после американо-немецкой договорённости стоит в первую очередь указать на крайне малое число материалов, появившихся с того момента. Подобное «игнорирование» выглядит странным не в последнюю очередь по причине того, что сам факт предварительного соглашения удовлетворяет выразившийся ранее запрос на взаимодействие с Соединёнными Штатами. Тем не менее немецкие оценки носили достаточно сдержанный характер, что обусловливалось, *во-первых*, сохранением серьёзных противоречий по «Северному потоку – 2» в США, ФРГ и на Украине, а *во-вторых*, неокончательным характером достигнутой двумя сторонами договорённости [Fischer, 2021]. Среди характерных черт немецкого анализа сложившейся ситуации также можно выделить акцент на экономической составляющей и затрагивание РФ как «внешнего фактора», т. е. смещение внимания на другие страны [Shagina, Westphal, 2021].

Одной из самых явных черт американской аналитики по «Северному потоку – 2» являлось разделение материалов (а точнее, их авторов) на более «агрессивных» и более «сдержанных». Первые озвучивают необходимость борьбы с любым проявлением гипотетического российского влияния, даже если с этим не согласны европейские страны. Вторые же, также признавая угрозу со стороны газопровода, скорее призывают к достижению договорённостей с Европой о путях противодействия негативным для них последствиям российского проекта. В остальном же материалы из США сходны с таковыми из ФРГ: антагонизм (в той или иной степени) по отношению к РФ, позиционирование Соединённых Штатов как одного из главных акторов в сфере общеевропейской безопасности в целом и энергетической безопасности в частности, достаточно частое прогнозирование и т. д.

Оценки американских экспертов до договорённости отличались значительной неоднородностью. С одной стороны, имеются материалы, критикующие «Северный поток – 2» [Schmitt, 2021]. С другой стороны, присутствуют и более сдержанные комментарии, в основном в тех случаях, когда речь шла о возможных путях компромисса или же рассмотрении позиций всех сторон [Tsafos, 2021]. Также делался акцент на противоречиях между

администрацией президента Дж. Байдена и членами конгресса [O'Donnell, 2020]. Украина же рассматривалась лишь в контексте общеевропейской безопасности.

Среди всех рассматриваемых стран экспертно-аналитическая среда Соединённых Штатов претерпела наименьшие изменения. В ней всё ещё можно было наблюдать разделение мнений на негативные и сдержанные с той разницей, что у последних также стала обозначаться надежда на будущее восстановление американо-немецкого сотрудничества. Помимо этого, в них делался акцент на тех обязательствах по поддержке Украины, которые взяла на себя немецкая сторона [Tsafos, 2021].

Достижение договорённости с Германией объяснялось в общем и целом тем же аргументом, который приводился и в российской аналитике, – попыткой минимизировать ущерб от почти завершённого проекта [Cunningham, 2021]. Кроме того, косвенно упоминалось то влияние, которое могут в будущем оказать на газопровод Европейский союз и реализация других проектов «Газпрома» [Riley, 2021].

В результате мы можем охарактеризовать оценки экспертных сообществ США, ФРГ и РФ до и после американо-немецкой договорённости следующим образом. Содержание материалов в рамках конкретных стран в основном не претерпело радикальных изменений. Со стороны американских и немецких аналитиков продолжает сохраняться скепсис по поводу достигнутого соглашения, при этом и у тех и у других основное внимание сместилось к Соединённым Штатам, Германии и другим акторам. Конкретно немецкая аналитика также начала больше фокусироваться на вопросе зелёной энергетики. Вместе с тем анализ ситуации с точки зрения конкретных аспектов (будь то экономика, иная сфера или интересы стран в целом) всё ещё остаётся редкостью.

Интересы РФ, ФРГ и США в отношении «Северного потока – 2»

Прежде чем перейти к рассмотрению интересов стран в отношении «Северного потока – 2», необходимо конкретизировать то, какие аспекты мы будем рассматривать в их рамках. Условно можно выделить две стороны интересов: «формальную» и «практическую».

Первая представлена положениями тех или иных нормативно-правовых актов, которые обозначают интересы стран и скорее формируют их основное видение по тем или иным вопросам.

Вторая же является конкретной политикой, шагами, действиями, осуществляемыми страной. Они хотя и могут не соответствовать заложенному в документах идейному оформлению взглядов, тем не менее обеспечивают непосредственную реализацию национальных интересов. Соответственно, при изучении интересов стран мы будем уделять внимание и «формальной»,

и «практической» сторонам, отдавая предпочтение последней в случае противоречий между ними.

Интересы Российской Федерации

Интересы Российской Федерации на внешнеполитическом поле закреплены в Концепции внешней политики 2016 г. [Концепция внешней политики РФ..., 2016], а также, в меньшей степени, в Стратегии национальной безопасности 2021 г. [Указ Президента РФ..., 2021], Стратегии экономической безопасности 2017 г. [Указ Президента РФ..., 2017], Доктрине информационной безопасности 2016 г. [Указ Президента РФ..., 2016] и Военной доктрине 2014 г. [Военная доктрина РФ..., 2015]. Если посмотреть на содержание этих документов, то можно сделать вывод о значительной ориентированности на вопросы международного сотрудничества и обеспечения мирного развития не только её самой, но и остальных стран. В то же время при значительной концентрации внимания на этой области исключительно российские интересы сосредоточены преимущественно на внутренней обстановке, едва затрагивая внешнюю политику.

Если же мы говорим о том, каким образом на практике реализуются интересы РФ относительно «Северного потока – 2», то здесь возникает двоякая картина. С одной стороны, если исходить из приоритетности международного сотрудничества как аспекта внешней политики в нынешней российской нормативно-правовой базе, можно констатировать, что проект газопровода, а также транзитное соглашение с Украиной 2019 г. [Дзядко, 2019] воспринимаются как примеры вполне успешной работы по установлению и развитию экономических отношений, даже несмотря на сохраняющиеся санкции.

С другой стороны, эта деятельность, которая игнорирует остальные, в т. ч. российские, геополитические интересы, является не только неэффективной, но и контрпродуктивной. Если мы рассмотрим «Северный поток – 2» в его нынешнем состоянии с точки зрения иных интересов, то увидим следующее:

- проект, дальнейшие судьба и эксплуатация которого увязываются с продолжением транзита через Украину, ограничивает Россию в дальнейших сценариях развития российско-украинских отношений как таковых. Это напрямую противоречит изначальной подаче проекта как инструмента устранения «украинского фактора» и соответствующему популярному в экспертной среде нарративу;
- краткосрочные выгоды, получаемые от запуска СП-2, вскоре могут смениться экономическими (развитие в Германии зелёной энергетики) и политическими (использование газопровода для шантажа) убытками;
- достижение между США и Германией договорённости по газопроводу, даже если оно носит лишь временный характер, демонстрирует по-

явление у них новых точек соприкосновения, что, естественно, уменьшает число тех американо-немецких противоречий, на которых можно было бы сыграть.

В итоге можно сказать, что в своём нынешнем виде «Северный поток – 2», удовлетворяя обозначенному в нормативно-правовых актах вектору на международное сотрудничество, напрямую препятствует реализации других, как минимум не менее важных интересов РФ. Предполагаемые экономические и идейно-политические преимущества будут получены путём уменьшения и без того не самого обширного пространства для манёвра в отношении постсоветских государств, в первую очередь Украины. Кроме того, нельзя с уверенностью говорить о том, что СП-2 более не имеет перед собой никаких значительных преград.

Как было сказано ранее, в суде была отклонена последняя апелляция *Nord Stream 2 AG*, из-за чего компания подпадает под антимонопольные ограничения ЕС [Пятин, 2021]. Подобное развитие событий является лишь одним из многих возможных сценариев, при которых проект может быть приостановлен (а то и свёрнут) в любой момент, а все геополитические и иные уступки РФ – оказаться напрасными. В это время более целесообразным является приоритет интересов исключительно Российской Федерации (например, укрепление своих позиций на постсоветском пространстве и недопущение на эту территорию, напрямую или косвенно, других акторов) над «общими» интересами, за чем должен последовать и выбор новой, наиболее подходящей стратегии по отношению к «Северному потоку – 2».

Интересы Германии

Положения, касающиеся интересов Федеративной Республики Германия, закреплены прежде всего в «Белой книге о политике безопасности Германии и будущем Бундесвера» 2016 г. [Weissbuch..., 2016], а также в материалах, подготавливаемых Министерством иностранных дел ФРГ [Grundprinzipien..., 2019].

На их основе мы можем сделать вывод о том, что в качестве своих интересов Германия рассматривает обеспечение безопасности на приграничных с ЕС территориях (в которые входит и постсоветское пространство, особенно его западная часть) и дальнейшее развитие экономического взаимодействия со странами внутри и вне Европейского союза.

Кроме того, поскольку безопасность в этом случае трактуется достаточно широко, то к этой области в качестве составляющих частей можно отнести и защиту демократических ценностей и прав человека. Практические же интересы ФРГ на восточном направлении выражаются прежде всего в сдерживании роста российского влияния на постсоветском пространстве и сохранении установившегося на данной территории после 1991 г. статус-кво.

Во всех проистекавших на ней процессах, которые хоть в какой-то мере могли бы усилить позиции Российской Федерации (создание Евразийского экономического союза, военные конфликты с Грузией и Украиной), Германия занимала противоположную позицию.

Как мы можем увидеть, практические интересы ФРГ соответствуют их «формальной» стороне, хотя и отличаются по «общему духу». Тем не менее непосредственно немецкая политика обеспечивает достижение своих двух главных целей. При поддержании статус-кво Германия сохраняет достаточно свободный экономический, политический и иной доступ на всё постсоветское пространство, а российская сторона продолжает с ней выгодное экономическое взаимодействие при одновременном обеспечении стабильности всё больше ориентирующихся на иные центры силы (ЕС, Турция, Китай) постсоветских государств.

Эти же интересы реализуются ФРГ и посредством «Северного потока – 2». В геополитическом измерении она сотрудничает с РФ только в тех случаях, когда последняя идёт на те или иные уступки. Это можно увидеть как на примере Украины и заключения Минских соглашений, так и в случае «Северного потока – 2», которому предшествовали неоднократные заявления российской стороны о продолжении поставок энергоресурсов по старым маршрутам и шаги по поддержанию, прямому или косвенному, государств-транзитёров (Белоруссия, Украина).

Кроме того, сам проект, идея которого изначально формулировалась как замена невыгодному во всех отношениях транзиту по территории Украины, дополнительно преподносится как проект, который сплачивает Российскую Федерацию и Германию против США, что импонирует проевропейской и пронемецкой части российских элит. Нельзя не учитывать тот фактор, что ФРГ может рассматривать поставки газа по СП-2 как последнюю ступень перед окончательным утверждением зелёной энергетики (доля которой в выработке электричества в федеративной республике составила на 2020 г. 50,5 % [Burger, 2021] и 19,6 % в общем объёме энергопотребления (45,4 % электропотребления) [Indicator..., 2021]). Несмотря на то что переход на возобновляемые источники энергии в стране в последние годы замедлился и нередко становится объектом критики [German Failure..., 2019], сам процесс не остановился и будет продолжен в дальнейшем, особенно в случае усиления позиций партии «Союз 90/Зелёные» на осенних выборах в бундестаг.

В итоге мы приходим к выводу, что «Северный поток – 2» представляет для немецких интересов куда большую важность, нежели просто прямой доступ к поставкам российских энергоресурсов.

Исходя из всего вышеперечисленного, можно говорить, что СП-2 фактически становится одним из инструментов осуществления немецких интересов на постсоветском пространстве. Проект позволит ФРГ обеспечить дальнейшую экономическую и политическую стабилизацию очередного

открыто враждебного по отношению к России государства в лице Украины, не в последнюю очередь – за российский счёт.

Одновременно с этим Германия будет использовать получаемый газ как временную поддержку своего перехода на возобновляемые источники энергии, после чего сможет использовать газопровод для давления на РФ.

Оппозиция данному проекту и, следовательно, немецким интересам либо нашла с немецкой стороны общий, даже если временный, язык (США), либо не может предложить ей равноценной альтернативы или не имеет достаточного влияния и возможностей для осуществления контрмер (Польша, Прибалтика). Следовательно, из всех отдельных стран «Северный поток – 2» в наибольшей степени отвечает именно немецким интересам.

Интересы США

Соединённые Штаты Америки свои интересы обозначают в ряде официальных документов, которые формулируются каждой новой президентской администрацией. К таковым на данный момент относятся Временные положения национальной безопасности 2021 г. [*Interim...*, 2021], Национальная оборонительная стратегия 2018 г. [*National Defense Strategy*, 2018], Национальная военная стратегия 2018 г. [*National Military Strategy*, 2018], Совместный стратегический план 2018 г. [*Joint Strategic Plan*, 2018] и др. Если же мы посмотрим на конкретные интересы, то они будут оставаться неизменными в документах как прошлой, так и новой администрации, и одним из них продолжает оставаться сдерживание РФ, поддержка Украины и Грузии и т. п.

Интересы США в своём как «формальном», так и «практическом» выражении во многом сходны с интересами ФРГ. Обе страны негативно реагируют на любые попытки РФ укрепить свои позиции даже на территориях своей исключительной сферы влияния – постсоветском пространстве, что уже неоднократно демонстрировалось ими (в т. ч. совместно) на протяжении последних 20 лет. Однако между американскими и немецкими есть некоторые значительные отличия.

Во-первых, подходы обеих стран, хотя и сходны на стратегическом уровне, различаются между собой на уровне тактики. Например, для окончательного устранения пророссийского влияния в том или ином постсоветском государстве США предпочитают организовать быструю смену режима силами наиболее радикальных сил, которые следуют открытой антироссийской риторике и разрыву большей части связей с РФ.

В свою очередь, Германия добивается того же путём планомерной работы по налаживанию контактов с представителями элит (включая государственных служащих высшего звена), продвижению местной национальной и культурной идентичности (противопоставляя её конкретно русской идентичности), а также работе с молодёжью, в результате чего режим не «сме-

няется», а «трансформируется» без преждевременного разрыва выгодных российских контактов.

Американский подход был применён на Украине в середине 2010-х, немецкий подход уже долгое время успешно осуществляется в Белоруссии, т. е. в государствах, так или иначе связанных с российским транзитом энергоресурсов.

Во-вторых, в отличие от ФРГ, которая рассматривает Восточную Европу и постсоветское пространство как инструмент ограничения влияния Российской Федерации, США, помимо этого, используют государства этих регионов как рычаг давления на сам Европейский союз и конкретно на Германию. Проамериканские настроения в этих государствах достаточно сильны, несмотря на их значительную экономическую зависимость от ЕС. Это позволяет Соединённым Штатам использовать их если не для прямой проекции своего воздействия, то для максимально возможного препятствования общеевропейской и немецкой политике, если она противоречит американским интересам.

Все вышеописанные характеристики внешней политики США свойственны их деятельности по отношению к «Северному потоку – 2». Если мы говорим о периоде открытого противодействия завершению проекта, то можно увидеть, что подобная политика полностью соответствует их интересам. При отсутствии альтернатив РФ будет вынуждена продолжить транзит энергоресурсов по территории Украины, Польши и других враждебно настроенных государств, что позволит сохранить зависимое положение российской стороны в данном вопросе. Кроме того, подобное развитие событий также обеспечит дальнейшую энергетическую и/или экономическую стабильность транзитных государств. Из этого, в свою очередь, вытекает невозможность ФРГ влиять на проамериканские государства посредством регулирования поставок по «Северному потоку – 2» и, следовательно, уменьшения мощностей старых путей транзита.

Заключение договорённостей в июле 2021 г. в данном случае выглядит как отступление США от некоторых своих интересов и внешнеполитических принципов. Вместе с тем если мы берём во внимание избранный администрацией Байдена курс на более плотное взаимодействие с союзниками, то эти уступки не будут казаться столь значительными. Можно предположить, что «шаги навстречу» были предприняты обеими сторонами, в то время как дальнейшая совместная политика по отношению к Российской Федерации будет строиться скорее по немецкому сценарию, который был описан ранее.

Тем не менее нельзя не учитывать и возможность пересмотра или разрыва этой договорённости под тем или иным предлогом со стороны Соединённых Штатов, в случае если баланс американских и немецких интересов, по их мнению, будет нарушен.

В итоге мы можем сказать, что нынешнее развитие событий не удовлетворяет интересам США в той же степени, что и интересам ФРГ, и не в той же степени, как это могло бы быть в случае отмены «Северного потока – 2». Однако нельзя утверждать, что нынешнее руководство Соединённых Штатов пошло на договорённость исключительно из-за обозначенной ими приоритетности сотрудничества или из-за нецелесообразности дальнейших санкций в отношении проекта. Скорее имеет место попытка американской стороны обеспечить реализацию общих с Германией интересов, при этом отодвинув свои некоторые ранее отстаивавшиеся позиции на второй план.

В этом контексте предложенный нами сценарий вполне обеспечивает достижение главной цели – сдерживание РФ и использование её зависимости от экспорта энергоресурсов в Европу – без каких-либо односторонних уступок. Успех июльской договорённости (если он будет достигнут) может стать первым шагом по выработке полноценной единой позиции Запада по многим вопросам, которая, как можно увидеть уже по американским и немецким интересам в отдельности, точно не будет удовлетворять интересам российским, будь это дальнейшее препятствование эксплуатации «Северного потока – 2» по любой возможной причине или же использование последнего как инструмента шантажа Российской Федерации в ближайшем будущем.

Заключение

Глобальные проекты, к которым относится газопровод «Северный поток – 2», в современных условиях не могут существовать вне поля зрения геополитической составляющей международных отношений. Проект газопровода интересен в первую очередь тем, что в нём так или иначе задействованы государства, интересы которых зачастую не только не имеют точек соприкосновения, но и вовсе противоречат друг другу.

С точки зрения геополитики для России СП-2 мог бы стать инструментом обеспечения роста её влияния на энергорынках Европы, а также усилить её позиции на постсоветском пространстве. Однако российские интересы в отношении проекта в его нынешнем виде в первую очередь сосредоточены на экономической выгоде: благодаря увеличению поставок энергоресурсов в ЕС возрастут и доходы от них. Вместе с тем реализация других интересов РФ остаётся вне поля зрения экспертов и научных исследований.

Эта позиция сходна и с ожиданиями Германии от запуска газопровода. Российские ресурсы для ФРГ не только покроют растущее потребление, но и обеспечат транзитный этап для перехода на зелёную энергетику. Кроме того, в действующих условиях страна сможет сохранить и иные пути доставки ресурсов (транзит по ГТС, поставки СПГ из США и др.), что предоставляет ей ещё один рычаг воздействия на Российскую Федерацию. В случае если РФ совершит какое-либо действие, противоречащее общев-

ропейским (и конкретно германским) интересам, Германия сможет либо значительно уменьшить объёмы поставок по газопроводу, либо вовсе прекратить его использование.

Для США запуск газопровода «Северный поток – 2» и следующий за этим рост влияния России на энергорынках ЕС имеет негативное значение, так как идёт вразрез с их собственными планами на расширение поставок и укрепление своего влияния в регионе. Здесь необходимо отдельно отметить сходство интересов ФРГ и США в снижении уровня влияния России на страны постсоветского пространства. Страны Запада стремятся обеспечить стабильность постсоветских государств посредством перераспределения природной ренты российских энергоресурсов и увязывания судьбы российского экспорта со стабильностью транзитных государств. Помимо этого, и ФРГ, и США расширяют собственное влияние за счёт тактик «трансформации режима» (Германия) или же более радикальной «смены режима» (США). Это, вкуче с приходом новой американской администрации, демонстрирует возможность достижения более широкого евроатлантического консенсуса по политике в отношении РФ в ближайшем будущем.

Влияние на эти страны ФРГ может оказывать с помощью манипуляций в оценке не только внешне-, но и внутривнутриполитической деятельности России. В случае если РФ совершит какое-либо действие, противоречащее общеевропейским интересам, Германия сможет либо значительно уменьшить объёмы поставок по газопроводу, либо вовсе прекратить его использование.

Для США более характерно создание очагов нестабильности и/или опорных пунктов влияния на постсоветском пространстве при разрыве каких-либо осмысленных контактов с Россией.

Вместе с тем ФРГ не признает данную цель так же открыто, как США. Благодаря заключённому контракту Германия сохраняет нейтрально-дружеские отношения с Россией, но и имеет значительный рычаг воздействия.

Исходя из этого можно сделать вывод, что для РФ критически важно трансформировать собственные интересы из чисто экономических в более глобальные — геополитические. Отталкиваясь только от экономической прибыли от газопровода СП-2 (или преследуя куда более отдалённые цели в виде выстраивания «антиамериканской коалиции» с европейскими странами), РФ оказалась в весьма затруднительном положении. Изначально газопровод СП-2 создавался с целью минимизировать контакты с враждебно настроенными государствами и уменьшить потенциальные издержки при переходе к более активным ответным действиям со стороны Российской Федерации. Однако, не взяв во внимание глобальную геополитическую обстановку и необходимость обеспечения других национальных интересов, российское руководство столкнулось с обратной ситуацией, когда РФ вынуждена поддерживать такие государства, чтобы реализовать проект в полную силу.

На наш взгляд, РФ должна выстраивать свои отношения с постсоветскими государствами (в т. ч. с государствами-транзитёрами), исходя из двух основополагающих аспектов: приоритетности исключительно собственных национальных интересов и готовности этих стран предпринимать конкретные практические шаги в рамках их поддержки.

Помимо этого, видится необходимой и корректировка оценок газопровода «Северный поток – 2» со стороны российских научных и экспертных сообществ и СМИ с исключительно позитивных на более нейтральные, поскольку на данный момент вопрос будущего данного проекта и степени его соответствия российским интересам остаётся открытым.

Список литературы

Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г.), 2016 // https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/2542248, дата обращения 02.09.2021.

Военная доктрина Российской Федерации (в редакции от 2015 г.), 2015 // https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/976907, дата обращения 02.09.2021.

Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации», 2016 // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71456224/>, дата обращения 02.09.2021.

Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года», 2017 // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/>, дата обращения 02.09.2021.

Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», 2021 // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/>, дата обращения 02.09.2021.

Countering America's Adversaries Through Sanctions Act // https://home.treasury.gov/system/files/126/caatsa_eo.pdf, дата обращения 02.09.2021.

European Energy Security and Diversification Act of 2019 // <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/1616/text>, дата обращения 02.09.2021.

Indicator: Renewable energy, 2021 // <https://www.umweltbundesamt.de/en/data/environmental-indicators/indicator-renewable-energy#at-a-glance>, дата обращения 02.09.2021.

Interim National Security Strategic Guidance, 2021 // https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2021/03/2021_Interim.pdf, дата обращения 02.09.2021.

Joint Strategic Plan FY 2018–2022, 2018 // <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2018/12/Joint-Strategic-Plan-FY-2018-2022.pdf>, дата обращения 02.09.2021.

National Defense Strategy, 2018 // https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2018_NDS.pdf, дата обращения 02.09.2021.

National Military Strategy, 2018 // https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/UNCLASS_2018_National_Military_Strategy_Description.pdf, дата обращения 02.09.2021.

Grundprinzipien deutscher Außenpolitik, 2019 // <https://www.auswaertiges-amt.de/de/ausenpolitik/themen/grundprinzipien/216474>, дата обращения 02.09.2021.

Verteilung der Erdgasbezugsquellen Deutschlands im Jahr 2020 // <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/151871/umfrage/erdgasbezug-deutschlands-aus-verschiedenen-laendern/>, дата обращения 02.09.2021.

Weissbuch zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr, 2016 // <https://www.bmvg.de/resource/blob/13708/015be272f8c0098f1537a491676bfc31/weissbuch2016-barrierefrei-data.pdf>, дата обращения 02.09.2021.

Золина С. А., Копытин И. А., Резникова О. Б., 2019. «Сланцевая революция» в США как главный драйвер перестройки мирового рынка нефти – контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 6. С. 71–93. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-6-4, дата обращения 02.09.2021.

Гордеев В., 2021. Глава «Нафтогаза» сообщил о допуске к сертификации «Северного потока – 2» // <https://www.rbc.ru/business/15/11/2021/61929b809a794718c7f8a9bf>, дата обращения 16.11.2021.

Дзядко Т., 2019. Соглашение «Нафтогаза» и «Газпрома». Главное // <https://www.rbc.ru/business/31/12/2019/5e0b30409a7947f5f55c4ee5>, дата обращения 02.09.2021.

Королева А., 2020. Инвесторам обещали достроить «Северный поток – 2» в 2020 году // <https://expert.ru/2020/02/12/investoram-obeschali-dostroito-severnyij-potok--2-v-2020-godu/>, дата обращения 02.09.2021.

Кортунов А., 2021. Возможная договорённость по проекту «Северный поток – 2» – это скорее победа Германии, чем Соединённых Штатов // <https://clck.ru/ZJhWT>, дата обращения 02.09.2021.

Пятин А., 2021. Оператор «Северного потока – 2» проиграл дело о его выводе из-под действия норм Евросоюза // <https://www.forbes.ru/newsroom/biznes/438163-operator-severnogo-potoka-2-proigral-delo-o-ego-vyvode-iz-pod-deystviya-norm>, дата обращения 02.09.2021.

Рассохин А., 2021. Газовая директива оказалась сильнее // <https://www.kommersant.ru/doc/4957769>, дата обращения 02.09.2021.

Burger B., 2021. Public Net Electricity Generation in Germany 2020: Share from Renewables Exceeds 50 percent // <https://clck.ru/ZJhYf>, дата обращения 02.09.2021.

Cunningham N., 2021. Nearing Completion, Nord Stream 2 Saga Approaches Final Act // <https://energyfuse.org/nearing-completion-nord-stream-2-saga-approaches-final-act/>, дата обращения 02.09.2021.

Dohmen F., Jung A., Schultz S., Traufetter G., 2019. German Failure on the Road to a Renewable Future // <https://www.spiegel.de/international/germany/german-failure-on-the-road-to-a-renewable-future-a-1266586.html>, дата обращения 02.09.2021.

Meister S., 2019. Nord Stream 2: The Dead-End of Germany's Ostpolitik // <https://dgap.org/en/research/publications/nord-stream-2-dead-end-germanys-ostpolitik>, дата обращения 02.09.2021.

O'Donnell T., 2020. Nord Stream 2: Berlin-Washington Mutual Intransigence Shows Transatlantic Divide on Russia // <https://www.aicgs.org/2020/10/nord-stream-2-berlin-washington-mutual-intransigence-shows-transatlantic-divide-on-russia/>, дата обращения 02.09.2021.

Riley A., 2021. Nord Stream 2: Punish the Looters // <https://cepa.org/nord-stream-2-punish-the-looters/>, дата обращения 02.09.2021.

Schmitt B., 2021. Still Time to Block Nord Stream 2, if Biden Wishes // <https://cepa.org/still-time-to-block-nord-stream-2-if-biden-wishes/>, дата обращения 02.09.2021.

Shagina M., Westphal K., 2021. Nord Stream 2 and the Energy Security Dilemma // <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2021C46/>, дата обращения 02.09.2021.

Tsafos N., 2021. Beyond Nord Stream 2 // <https://www.csis.org/analysis/beyond-nord-stream-2>, дата обращения 02.09.2021.

Tsafos N., 2021. Finding a Compromise on Nord Stream 2 // <https://www.csis.org/analysis/finding-compromise-nord-stream-2>, дата обращения 02.09.2021.

Eitze J., Höfner S., Philipps L., 2019. Wie weiter mit Nord Stream 2? Handlungsoptionen für die deutsche Außenpolitik // <https://clck.ru/ZJhAK>, дата обращения 02.09.2021.

Fischer E., 2021. Sieben Hürden, an denen Nord Stream 2 noch scheitern könnte // <https://clck.ru/ZJhbi>, дата обращения 02.09.2021.

Палата представителей США приняла акт об энергетической безопасности Европы от России // <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2019/03/26/797358-energeticheskoi-bezopasnosti-evropi-ot-rossii>, дата обращения 02.09.2021.

Польская компания будет участвовать в сертификации «Северного потока – 2» // <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/614b63969a794785f6b4a78d>, дата обращения 16.09.2021.

«Северный поток – 2» держит паузу, 2021 // <http://www.energyland.info/analytic-show-208472>, дата обращения 02.09.2021.

Nord Stream 2 stoppen! // <https://www.gruene.de/aktionen/nord-stream-2-stoppen>, дата обращения 02.09.2021.

Verfahren zur Zertifizierung der Nord Stream 2 vorläufig ausgesetzt // https://www.bundesnetzagentur.de/SharedDocs/Pressemitteilungen/DE/2021/20211116_NOS2.html;jsessionid=5071F8A2A783B94380E9529C7CDB6E6CA, дата обращения 16.09.2021.

BORISOVA Olga A.,

Researcher at the Department of Economic Research of the Institute of CIS Countries.

Address: Russian Federation, Moscow, 119180, Bolshaya Polyanka str., 7/10, b. 3

E-mail: borisova.olga94@yandex.ru

SPIN-code: 2514-7730

VYSHEGORODTSEV Daniil D.,

Researcher at the Department of Economic Research of the Institute of CIS Countries

Address: Russian Federation, Moscow, 119180, Bolshaya Polyanka str., 7/10, b. 3.

E-mail: hightownhochstadt@mail.ru

SPIN-code: 2257-4189

NORD STREAM 2: CONCEPTUAL RESEARCH APPROACHES, RISKS AND NATIONAL INTERESTS OF THE PARTICIPATING COUNTRIES

DOI: 10.48137/2687-0703_2021_16_4_44

Received: 20.09.2021.

For citation: *Borisova O. A., Vyshegorodtsev D. D., 2021. Nord Stream 2: Conceptual Research Approaches, Risks and National Interests of The Participating Countries. – Geoeconomics of Energetics. № 4 (16). P. 44-69. DOI: 10.48137/2687-0703_2021_16_4_44*

Keywords: gas pipeline, Nord Stream 2, Russia, USA, Germany, energy security, agreement, geopolitics, energy markets, interests, post-Soviet space.

Abstract

The article examines the Nord Stream 2 gas pipeline project from an economic perspective as well as from the standpoint of compliance with the interests of the main actors: Russia, Germany and the USA. The authors consider the chronology of the gas pipeline approval and construction. The article gives a detailed description of the obstacles to the implementation of the project that exist at the pan-European level (the third energy package of the European Union) and directly in Germany (the Green Party), on the level of individual EU countries (Denmark, Poland, Ukraine, the Baltic States), and the United States (the CAATSA law, the bill “On European Energy Security”). The authors analyze the opinions of Russian, German and American

expert communities and the media regarding the Nord Stream 2 gas pipeline before and after the German-American agreement was reached in July 2021. In addition, the gas pipeline project was considered from the point of view of the geopolitical interests of the Russian Federation, Germany and the United States.

The main purpose of this article is to characterize the Nord Stream 2 gas pipeline project in the context of meeting the expectations of actors associated with it. The paper assesses the position of the Russian Federation in the issue under consideration and puts forward the authors' proposals for the transformation of the foreign policy activities of the Russian Federation in relation to the post-Soviet countries.

It is concluded that in its current form, the Nord Stream 2 gas pipeline meets the interests of Germany, while the Russian side, although it will draw economic benefits from it, will be more constrained by the tools of its policy towards the "old transit" states in particular and the entire post-Soviet space as a whole.

References

The Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on November 30, 2016), 2016 // https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/2542248, accessed 02.09.2021. (In Russ.)

Military Doctrine of the Russian Federation (as amended in 2015), 2015 // https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/976907, accessed 02.09.2021. (In Russ.)

Decree of the President of the Russian Federation No. 646 of December 5, 2016 «On the approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation», 2016 // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71456224/>, accessed 02.09.2021. (In Russ.)

Decree of the President of the Russian Federation dated May 13, 2017 No. 208 «On the Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the period up to 2030», 2017 // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/>, accessed 02.09.2021. (In Russ.)

Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 2, 2021 «On the National Security Strategy of the Russian Federation», 2021 // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/>, accessed 02.09.2021. (In Russ.)

Countering America's Adversaries Through Sanctions Act // https://home.treasury.gov/system/files/126/caatsa_eo.pdf, accessed 02.09.2021.

European Energy Security and Diversification Act of 2019 // <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/1616/text>, accessed 02.09.2021. (In Eng.)

Indicator: Renewable energy, 2021 // <https://www.umweltbundesamt.de/en/data/environmental-indicators/indicator-renewable-energy#at-a-glance>, accessed 02.09.2021. (In Eng.)

Interim National Security Strategic Guidance, 2021 // https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2021/03/2021_Interim.pdf, accessed 02.09.2021. (In Eng.)

Joint Strategic Plan FY 2018–2022, 2018 // <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2018/12/Joint-Strategic-Plan-FY-2018-2022.pdf>, accessed 02.09.2021. (In Eng.)

National Defense Strategy, 2018 // https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2018_NDS.pdf, accessed 02.09.2021. (In Eng.)

National Military Strategy, 2018 // https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/UNCLASS_2018_National_Military_Strategy_Description.pdf, accessed 02.09.2021. (In Eng.)

Basic principles of German foreign policy, 2019 // <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/themen/grundprinzipien/216474>, accessed 02.09.2021. (In Germ.)

Distribution of natural gas sources in Germany in 2020 // <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/151871/umfrage/erdgasbezug-deutschlands-aus-verschiedenen-laendern/>, accessed 02.09.2021. (In Germ.)

White Book on Security Policy and the Future of the Bundeswehr, 2016 // <https://www.bmvg.de/resource/blob/13708/015be272f8c0098f1537a491676bfc31/weissbuch2016-barrierefrei-data.pdf>, accessed 02.09.2021. (In Germ.)

Zolina S. A., Kopytin I. A., Reznikova O. B., 2019. The «shale Revolution» in the USA as the main driver of the restructuring of the world oil market – Contours of global transformations: Politics, Economics, Law. Vol. 12. No. 6. Pp. 71–93. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-6-4, accessed 02.09.2021. (In Russ.)

Gordeev V., 2021. The head of Naftogaz announced the admission to the certification of Nord Stream 2 // <https://www.rbc.ru/business/15/11/2021/61929b809a794718c7f8a9bf>, accessed 16.09.2021. (In Russ.)

Dzyadko T., 2019. The agreement between Naftogaz and Gazprom. The main thing // <https://www.rbc.ru/business/31/12/2019/5e0b30409a7947f5f55c4ee5>, accessed 02.09.2021. (In Russ.)

Koroleva A., 2020. Investors were promised to complete the Nord Stream 2 in 2020 // <https://expert.ru/2020/02/12/investoram-obeschali-dostrojit-severnyij-potok--2-v-2020-godu/>, accessed 02.09.2021. (In Russ.)

Kortunov A., 2021. A possible agreement on the Nord Stream 2 project is a victory for Germany rather than the United States // <https://clck.ru/ZJhWT>, accessed 02.09.2021. (In Russ.)

Pyatin A., 2021. The operator of Nord Stream 2 has lost the case on its withdrawal from the EU regulations // <https://www.forbes.ru/newsroom/biznes/438163-operator-severnogo-potoka-2-proigral-delo-o-ego-vyvode-iz-pod-deystviya-norm>, accessed 02.09.2021. (In Russ.)

Rassokhin A., 2021. The gas directive was stronger // <https://www.kommersant.ru/doc/4957769>, accessed 02.09.2021. (In Russ.)

Burger B., 2021. Public Net Electricity Generation in Germany 2020: Share from Renewables Exceeds 50 percent // <https://clck.ru/ZJhYf>, accessed 02.09.2021. (In Eng.)

Cunningham N., 2021. Nearing Completion, Nord Stream 2 Saga Approaches Final Act // <https://energyfuse.org/nearing-completion-nord-stream-2-saga-approaches-final-act/>, accessed 02.09.2021. (In Eng.)

Dohmen F., Jung A., Schultz S., Traufetter G., 2019. German Failure on the Road to a Renewable Future // <https://www.spiegel.de/international/germany/german-failure-on-the-road-to-a-renewable-future-a-1266586.html>, accessed 02.09.2021. (In Eng.)

Meister S., 2019. Nord Stream 2: The Dead-End of Germany's Ostpolitik // <https://dgap.org/en/research/publications/nord-stream-2-dead-end-germanys-ostpolitik>, accessed 02.09.2021. (In Eng.)

O'Donnell T., 2020. Nord Stream 2: Berlin-Washington Mutual Intransigence Shows Transatlantic Divide on Russia // <https://www.aicgs.org/2020/10/nord-stream-2-berlin-washington-mutual-intransigence-shows-transatlantic-divide-on-russia/>, accessed 02.09.2021. (In Eng.)

Riley A., 2021. Nord Stream 2: Punish the Looters // <https://cepa.org/nord-stream-2-punish-the-looters/>, accessed 02.09.2021. (In Eng.)

Schmitt B., 2021. Still Time to Block Nord Stream 2, if Biden Wishes // <https://cepa.org/still-time-to-block-nord-stream-2-if-biden-wishes/>, accessed 02.09.2021. (In Eng.)

Shagina M., Westphal K., 2021. Nord Stream 2 and the Energy Security Dilemma // <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2021C46/>, accessed 02.09.2021. (In Eng.)

Tsafos N., 2021. Beyond Nord Stream 2 // <https://www.csis.org/analysis/beyond-nord-stream-2>, accessed 02.09.2021.

Tsafos N., 2021. Finding a Compromise on Nord Stream 2 // <https://www.csis.org/analysis/finding-compromise-nord-stream-2>, accessed 02.09.2021. (In Eng.)

Eitze J., Höfner S., Philipps L., 2019. What next for Nord Stream 2? Options for action for German foreign policy // <https://clck.ru/ZJhaK>, accessed 02.09.2021. (In Germ.)

Fischer E., 2021. Seven hurdles Nord Stream 2 could still fail at // <https://clck.ru/ZJhbi>, accessed 02.09.2021. (In Eng.)

The US House of Representatives adopted the European Energy Security Act from Russia // <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2019/03/26/797358-energeticheskoi-bezopasnosti-evropi-ot-rossii>, accessed 02.09.2021. (In Eng.)

The Polish company will participate in the certification of Nord Stream 2 // <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/614b63969a794785f6b4a78d>, accessed 16.09.2021. (In Russ.)

Nord Stream 2 holds a pause, 2021 // <http://www.energyland.info/analitic-show-208472>, accessed 02.09.2021. (In Russ.)

Stop Nord Stream 2! // <https://www.gruene.de/aktionen/nord-stream-2-stoppen>, accessed 02.09.2021. (In Germ.)

The Nord Stream 2 certification process has been provisionally suspended // https://www.bundesnetzagentur.de/SharedDocs/Pressemitteilungen/DE/2021/20211116_NOS2.html;jsessionid=5071F8A2A783B94380E9529C7CDB6ECA, accessed 16.11.2021. (In Germ.)

Владимир ЕВСЕЕВ
Александр ПИВОВАРЕНКО
Амур ГАДЖИЕВ

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ НА СТРАНЫ БАЛКАНСКОГО РЕГИОНА

Дата поступления в редакцию: 18.11.2021.

Для цитирования: *Евсеев В. В., Пивоваренко А. А., Гаджиев А. Г., 2021. Влияние политики Турции на страны Балканского региона. – Геоэкономика энергетики. № 4 (16). С.70-94. DOI: 10.48137/2687-0703_2021_16_4_70*

В статье авторы рассматривают внешнеполитические стратегии Турции, особенности её политики на современном этапе и политику Анкары на Балканах. Этот анализ осуществляется в контексте российско-турецких отношений.

Как показано авторами, на данный момент концептуальная основа турецкой внешнеполитической стратегии находится в стадии очередной трансформации. При этом ставится цель обеспечения долгосрочных интересов страны и создания вокруг неё такой реальности, в которой Турецкая Республика смогла бы занять значительное место в новом посттurbulentном мире. Это планируется осуществить на основе синтеза теории Ахмета Давутоглу «Стратегическая глубина» в контексте концепции «ноль проблем с соседями» и доктрины адмирала Рамазана Джема Гюрдениза «Голубая Родина». Обе стратегии базируются на стратегии передовой обороны, то есть обеспечения безопасности государства на дальних рубежах.

ЕВСЕЕВ Владимир Валерьевич, заведующий отделом евразийской интеграции и развития ШОС Института стран СНГ, кандидат технических наук. **Адрес:** Российская Федерация, г. Москва, 119180, ул. Большая Полянка, 7/10, стр. 3. **Email:** bladimir111@yandex.ru. **SPIN-код:** 3792-0060

ПИВОВАРЕНКО Александр Александрович, старший научный сотрудник отдела Балкан Института стран СНГ. **Адрес:** Российская Федерация, г. Москва, 119180, ул. Большая Полянка, 7/10, стр. 3. **E-mail:** aleksandar.a.p@ya.ru. **SPIN-код:** 1707-8990

ГАДЖИЕВ Амур Гаджибабаевич, научный сотрудник сектора Турции Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН. **Адрес:** Российская Федерация, г. Москва, 107031, ул. Рождественка, д. 12. **E-mail:** djakar@mail.ru. **SPIN-код:** 3906-7722

Ключевые слова: афганские беженцы, Балканский регион, стратегии Турции, внешнеполитические стратегии Турции, природный газ, российско-турецкие отношения, транспортный коридор.

Установлено, что афганская проблема оказывает всё большее влияние на внешнюю политику Турции, так как в стране уже находятся порядка 4 млн беженцев, включая от 300 до 400 тыс. граждан Афганистана. После захвата движением «Талибан»* власти в Афганистане поток беженцев из этой страны всё более усиливается. Как следствие, Анкара стремится осуществить их транзит в Европу, что легче всего осуществить через Болгарию и страны Балканского региона, учитывая, что Албания и Косово готовы принять афганских беженцев.

Как отмечено авторами, политика Турции на Балканах определяется тем, что она позиционирует себя в качестве транспортного и энергетического хаба, что в основном подтверждается расширением поставок российского газа по газопроводу «Турецкий поток». Однако одновременно Анкара способствует поставкам на Балканы и азербайджанского природного газа по Южному газовому коридору, что ведёт к пересечению в регионе российских и турецких отношений.

Помимо этого, Турция активно использует «мягкую силу» для расширения своего влияния на Балканах, в первую очередь среди мусульманского населения расположенных в этом регионе стран. Однако республика вынуждена учитывать в регионе интересы США и ЕС.

На основе проведённого анализа авторами сделан вывод, что отношения России и Турции на Балканах могут обостриться, особенно если Анкара продолжит политику «вытеснения» России из Сербии, существенно увеличит поставки в этот регион собственного оружия и азербайджанского природного газа.

Турецкая внешнеполитическая стратегия

В настоящее время концептуальная основа турецкой внешнеполитической стратегии находится в стадии очередного периода трансформации. На данный момент она не имеет официального названия и текстового оформления, однако есть ряд публикаций ведущих турецких аналитических центров, в которых сделана попытка осмысления её целей и задач, основополагающих принципов, ключевых положений и приоритетных направлений.

Одним из главных подобных трудов следует считать материал, изданный Муратом Ешилгашем и Ферхатом Пиринччи из Фонда политических, экономических и социальных исследований (*SETA*) под названием «В процессе глобальных перемен. Большая стратегия Турции» [*Стародубцев*, 2020]. В качестве основной цели в работе ведущего аналитического центра страны провозглашается обеспечение защиты долгосрочных интересов Турции и создание вокруг республики такой реальности, в которой она смогла бы занять сильное место в новом посттурбулентном мире. По мнению авторов этого материала, новая позиция Турции должна основываться на сдерживающей военной силе страны. Следовательно, в основе формирующейся турецкой внешнеполитической концепции, условно на-

*Организация запрещена в России.

званной Большой стратегией Турции, лежит стремление расширить зону турецкого военно-политического влияния.

Сегодня мы видим, что турки обеспечили себе военное присутствие на достаточно обширной территории от Азербайджана, Северного Ирака и Сирии до Катара, Ливии и Сомали. Своё присутствие в Анкаре объясняют тезисом о том, что оборона Турции начинается с дальних рубежей. Это, в свою очередь, восходит к стратегии «передовой обороны» НАТО, в основу которой было положено требование о недопущении потери значительной части территории рассматриваемого военно-политического альянса. Эта концепция предусматривала применение ядерного оружия на самой ранней стадии развития военного конфликта¹.

Конечно, турецкая трактовка этой стратегии сильно отличается от достаточно устаревшей интерпретации НАТО. В понимании Анкары, передовая оборона — это защита турецких национальных интересов на дальних подступах. В то же время в Турции нет однозначного понимания относительно инструментария и способов реализации данной стратегии. Не вдаваясь во внутренние турецкие споры, можно выделить три основные интерпретации стратегии «передовой обороны», которые являются ключевыми в новой внешнеполитической концепции Турции.

Первую из них в своей книге «Стратегическая глубина: международное положение Турции» представил А. Давутоглу в контексте концепции «ноль проблем с соседями» [Davutoğlu, 2001]. Вторую изложил адмирал Р. Д. Гюрдениз в своей доктрине «Голубая Родина» (*Mavi Vatan*) [Gürdeniz, 2013]. Третья интерпретация — это синтез идей А. Давутоглу и Р. Д. Гюрдениза, который стал проявляться с 2015 г., а именно после создания альянса правящей Партии справедливости и развития с Партией националистического движения.

По мнению А. Давутоглу, Турции для расширения своего влияния необходимо отойти от политики, где её воспринимают в качестве моста между Западом и Востоком, Севером и Югом, Европой и Азией, христианским и мусульманским миром [Искендеров, 2021]. Турции, по словам А. Давутоглу, необходимо стать моделью, на которую бы ориентировались страны региона с целью преобразования Большого ближневосточного региона*. Стратегическое значение Турции заключается не только в географическом месторасположении, но и в её способности интегрироваться с мировой системой. Тезисы А. Давутоглу легли в основу турецкой внешней политики в период с 2002 по 2015 г., особенно проявившись во время событий так называемой «арабской весны».

¹ Стратегия НАТО // <http://www.modernarmy.ru/article/186>, дата обращения 09.11.2021.

* Большой ближневосточный регион — это не аналог американского варианта Большого Ближнего Востока.

В свою очередь, доктрина «Голубая Родина» была впервые изложена в июне 2006 г. адмиралом Р. Д. Гюрденизом во время симпозиума в командном центре Военно-морских сил (ВМС) Турции [Кулиева, 2020]. Главная идея этой доктрины заключается в обеспечении морского превосходства Турции в Восточном Средиземноморье, Персидском заливе и Красном море с опорой на создаваемые повсеместно турецкие военно-морские базы. Это, по мнению Р. Д. Гюрдениза, должно привести и к расширению морской юрисдикции Турции.

Согласно доктрине «Голубой Родины», существует три жизненно важных аспекта безопасности турецкой геополитики в Средиземноморье: первый — это проблема с Грецией и, соответственно, с ЕС относительно районов турецкой морской юрисдикции; второй — это потенциал независимого Курдистана со свободным доступом к Средиземному морю; третий — это будущее Северного Кипра с геополитическими последствиями для Турции, особенно в отношении прав на гарантии безопасности. Следует отметить, что основная часть сторонников идеи «Голубой Родины» являются антизападниками и придерживаются в основном евразийских взглядов.

В 2015 г. стало наблюдаться слияние концепций А. Давутоглу и Р. Д. Гюрдениза. Поводом послужило то, что в результате парламентских выборов 7 июня 2015 г. правящая Партия справедливости и развития (ПСР) утратила возможность формирования правительства в одиночку. Был создан Народный альянс (*Cumhur İttifakı*) правящей партии и Партии националистического движения. Партия *Vatan* («Родина», или «Отечество») поддержала этот союз. Усилились позиции сторонников доктрины «Голубая Родина».

В результате стала меняться турецкая внешняя и военная политика. Демократический дискурс (лозунги) сменялся на националистическую риторику. В турецкой общественно-политической жизни формировались новые связи и форматы взаимодействия, которые ранее казались невозможными. Политический ислам уже не воспринимался кемалистами и националистами в качестве главной угрозы. Возникло гибридное образование, которое на сегодняшний день состоит из неоосманистов-исламистов, националистов-консерваторов и левых кемалистов. Во внешней политике это привело к объединению некоторых тезисов «Стратегической глубины» с доктриной «Голубой Родины». Общей для одной и другой доктрин оказалась именно стратегия передовой обороны, то есть обеспечения безопасности государства на дальних рубежах. А. Давутоглу, например, в то время говорил, что оборона Стамбула начинается с Боснии, а оборона Эрзурума — с Грозного. Это вписывается и в доктрину «Голубой Родины».

«Стратегическая глубина» А. Давутоглу в своё время критиковала республиканскую Турцию за её чрезмерную осторожность во внешней политике.

Такую же критику можно наблюдать и со стороны левых кемалистов. Оба лагеря сходятся в том, что считают «национальный обет»^{*} термином, сужающим внешнеполитические горизонты. Следовательно, турецкие внешнеполитические интересы должны простираться, по их мнению, далеко за территорию «национального обета». И только в этом случае может быть обеспечена безопасность турецких границ и территории страны.

Наиболее демонстративным проявлением этой доктрины стал турецко-ливийский Меморандум о разграничении морских зон в Средиземном море, подписанный 27 ноября 2019 г.². Согласно данному документу, Турция и Ливия рассматриваются в качестве соседей, а морские границы между ними проходят через область, которая не учитывает морские претензии греческих островов, включая Крит.

В 2020 г. турецкие ВМС провели масштабные военные учения под кодовым названием «Голубая Родина». Р. Д. Гюрдениз считает, что республиканская Турция до сих пор чрезмерно мягко относилась к Греции. То же самое мы видим и в позиции А. Давутоглу, который призывал к более решительным и жёстким мерам по отношению к Греции и Кипру.

Аналогичное сейчас наблюдается в Восточном Средиземноморье, где осуществляется геологоразведочное бурение, чуть ли не ежедневно нарушается греческое воздушное пространство. Это является одним из проявлений доктрины «Голубой Родины». Разумеется, эта доктрина далека от теоретических разработок «Стратегической глубины», возможно, поэтому она не стала полностью заменять «Стратегическую глубину», а наполнила ее новым содержанием, изменив практически до неузнаваемости.

Новая политика Турции в области внешней политики и безопасности основывается на трёх ключевых элементах:

- а) милитаризация внешней политики, то есть выход на первый план военной силы и, соответственно, ослабление роли дипломатии;
- б) принятие за основу тезиса о том, что оборона Турции начинается за пределами её границ;
- в) развитие военно-промышленного комплекса, способного надлежащим образом реализовать на практике взятые на вооружение внешнеполитические идеи. Во главу угла турецкой политики в области безопасности

² ЕС: меморандум Турции и Ливии о разграничении в Средиземном море не имеет законной силы // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7338779>, дата обращения 09.11.2021.

^{*} «Национальный обет» – Декларация независимости Турции (принята 28.07.1920 в Стамбуле). Документ оговорил территориальные вопросы устройства турецкого государства после Первой мировой войны: вопрос об арабских землях предлагалось вынести на плебисцит их населения, а земли, населённые представителями турецкой нации, должны были остаться в составе Турции. Под территорией, населённой турецкой нацией, понималась вся территория современной Турецкой Республики, за исключением Западной Фракии и районов Карса, Ардагана и Батума, где предполагалось провести референдум о государственной принадлежности данных территорий.

поставлена задача усиления военного присутствия за пределами национальных границ и создания военных баз.

Сегодня правительство и правящая партия ПСР, создав альянс с левыми кемалистами и националистами-консерваторами, при помощи традиционных государственных механизмов пытаются обеспечить региональное лидерство республики, используя «жесткую силу» и военный инструментарий. В свою очередь, националистические, или кемалистские, круги используют появившиеся возможности сформированного альянса для продвижения с помощью президента республики Р. Эрдогана своих внешнеполитических идей и своей политики в области безопасности. Ужесточение позиций по курдской проблеме, проведение военных операций в Сирии, главным образом против прокурдских отрядов народной самообороны, вмешательство в ситуацию в Ливии, создание военных баз, наращивание вооружений, активное использование радикальных исламистских группировок с целью снижения потерь в рядах турецкой армии в ходе проведения трансграничных либо зарубежных военных операций — всё это вписывается в левокемалистскую стратегию по повышению уровня безопасности турецкого государства.

Однако нельзя сказать, что между правительством, ПСР и левокемалистскими кругами царит полное взаимопонимание. В частности, это выражается как на египетском направлении, так и в политике Турции в отношении сирийского правительства. Данное обстоятельство является серьёзной проблемой не только для Анкары, но и для её партнёров.

Особенности современной политики Анкары и российско-турецкие отношения

В августе 2021 г. влияние на внешнюю политику Турции оказало стремительное развитие событий в Афганистане, что привело к попытке Анкары обеспечить функционирование аэропорта в Кабуле после вывода американских войск. Как показали последовавшие события, в условиях фактического бегства американцев из Афганистана Турция не смогла сохранить своё военное присутствие в стране, но совместно с Катаром и Нидерландами оказала техническую помощь в обслуживании этого аэропорта.

Тем не менее усугубилась проблема афганских беженцев. Нужно учитывать, что продолжающийся уже второе десятилетие сирийский кризис стал причиной бегства из Сирийской Арабской Республики (САР) миллионов беженцев, из которых порядка 4 млн проживают в Турции [Гашков, 2020].

По данным Министерства внутренних дел, в настоящее время в Турции уже находится около 300 тыс. мигрантов из Афганистана (по неофициальным данным, 400 тыс.). В связи с этим Анкара обратила внимание Тегерана на участившиеся факты беспрепятственного пропуска афганских беженцев

через свою территорию. По данным Управления по делам миграции Турецкой Республики, за семь месяцев 2021 г. Турция выслала из страны 37 072 нелегальных беженца, включая 12 893 афганцев, 5840 пакистанцев, 18 339 лиц прочих национальностей [Гурьев, 2021].

Как заявил 20 августа после пятничной молитвы в Стамбуле президент Турции Р. Эрдоган, «миллиарды долларов тратились на иные цели, а афганский народ в итоге был оставлен наедине со своими проблемами» [Абдуллаев, 2021]. В связи с этим президент Эрдоган не исключил диалога с движением «Талибан»* (на самом деле такой диалог давно ведётся по линии спецслужб). Он также отметил, что Турция не намерена играть для Европы роль «склада-накопителя» для мигрантов. И учитывает, что в Афганистане сейчас проживают значительное количество турецких граждан, из которых 324 вместе с 83 иностранными гражданами, включая второго вице-президента Исламской Республики Афганистан (ИРА) Мохаммада Сарвара Даниша и министра иностранных дел Мохаммада Ханифа, были доставлены в Турцию. Не будет Турция и торопиться признавать правление талибов в Афганистане.

Движение «Талибан», со своей стороны, ожидает хороших отношений с Турцией, поскольку стремится адаптироваться к мировому порядку после военной победы в Афганистане. Так, представитель талибов Сухайл Шахин сообщил: «Турция – великая исламская братская страна» [Тарасов, 2021]. И хотя талибы подчёркивают общность с мусульманской Турцией, они жёстко потребовали от Анкары вывода из Афганистана турецких войск, что и было осуществлено на практике. Ранее там находились, по разным оценкам, от 500 до 648 турецких военнослужащих в рамках программы НАТО «Международные силы содействия безопасности» (ISAF).

Согласно исследованию, проведённому в июле 2021 г. авторитетной социологической компанией *Metropoll*, 46,7 % избирателей правящей Партии справедливости и развития и 64,8 % избирателей её партнёра по коалиции, ультраправой Партии националистического движения (ПНД), выступали за вывод турецких войск из Афганистана. В целом 56,9 % турок считали, что их понимание ислама отличается от понимания его талибами. Помимо этого, 66,5 % турок выступают за полное закрытие границ для мигрантов. 82,3 % избирателей основной оппозиционной Народно-республиканской партии (НРП), а также 85 % избирателей правоцентристской оппозиционной Хорошей партии придерживаются того же мнения [Гурьев, 2021]. Это в какой-то степени учитывалось турецким руководством, когда принималось решение о полном выводе войск из этой страны. Помимо этого, Анкара стремится вывезти из своей страны афганских беженцев или осуществить их транзит в Европу, что легче всего осуществить через Болгарию и страны

* Организация запрещена в России.

Балканского региона, учитывая, что, как будет указано далее, Албания и Косово готовы принять афганских беженцев.

С учётом ситуации в Афганистане Турция уделяет особое внимание отношениям с Пакистаном, в первую очередь в рамках проекта *MILGEM*. Этот проект направлен на строительство с 2018 г. в Турции, в том числе для Военно-морских сил (ВМС) Пакистана, четырёх корветов типа «Джинна». Первый корвет этого типа с бортовым номером *F280* уже спущен на воду. Со своей стороны, Исламабад поддерживает позицию Анкары и по проблемам Кипра и Нагорного Карабаха (осенью 2020 г. пакистанская армия принимала ограниченное участие во второй карабахской войне). Как подчеркнул президент Пакистана Ариф Алви, «у нас могут быть разные культуры и языки. Но мы единый народ»³.

Следует обратить внимание, что исторически турецкая внешняя политика была основана на балансировании между многими внешнеполитическими игроками. Нынешняя её особенность состоит в том, что наряду с «мягкой силой» активно используется и «жёсткая». Причём последняя для турок – это не только инструмент сдерживания, но и способ продвижения собственных интересов за рубежом, которые продолжают расширяться. Это, в частности, приводит к столкновению её национальных интересов, в первую очередь на постсоветском (Южный Кавказ, Украина, Центральная Азия) или постосманском (Сирия, Ливия, Ирак, мусульманские страны Балканского региона) пространстве.

При этом одновременно наблюдается и взаимовыгодное сотрудничество России и Турции на основе регулярного диалога на высшем уровне. Так, во втором за август телефонном разговоре В. В. Путин и Р. Т. Эрдоган обменялись соболезнованиями в связи с крушением в Турции самолёта Минобороны России с российскими и турецкими гражданами (14 августа 2021 г.), детально обсудили состояние и перспективы двусторонних связей, а также региональные кризисы, в первую очередь в Афганистане⁴. Несмотря на авиакатастрофу, Россия предоставила Турции ещё пять пожарных самолётов и три пожарных вертолётa для борьбы с лесными пожарами, за что турецкое руководство выразило благодарность российской стороне.

По информации Управления по общественным связям администрации президента Турции, Анкара придаёт особое значение сотрудничеству с Москвой в энергетической сфере, что предполагает увеличение объёмов поставок российского природного газа по трубопроводу «Турецкий поток».

³ Президент Пакистана в поддержку Северного Кипра // <https://haqqin.az/news/217896>, дата обращения 10.11.2021.

⁴ Состоялся телефонный разговор Владимира Путина с Президентом Турецкой Республики Реджепом Тайипом Эрдоганом // <http://kremlin.ru/events/president/news/66421>, дата обращения 10.11.2021.

Не менее важно, что в ходе состоявшихся телефонных переговоров лидеры государств договорились о продолжении контактов на различных уровнях, а также об укреплении координации в налаживании контактов с правительством талибов в Афганистане.

Достигнутые ранее договорённости реализуются на министерском уровне. Так, в конце июля министр торговли Турции Мехмет Муш по итогам 17-го совместного заседания Смешанной межправительственной российско-турецкой комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству сообщил, что достигнуто соглашение с российской стороной о дальнейшем развитии сотрудничества не только в газовой сфере, но и в горнодобывающей и нефтяной промышленности, электроэнергетике и атомной энергетике, автомобилестроении и фармацевтике⁵. По мнению турецкой стороны, упрощение таможенных процедур может сыграть существенную роль в развитии двусторонней торговли.

Помимо этого, представитель президента Турции Ибрагим Калын провёл в Анкаре встречу со спецпредставителем президента России по Сирии Александром Лаврентьевым. Стороны обсудили последние события в Сирии и перспективы реализации политического процесса в этой стране. В ходе этой встречи была вновь подтверждена необходимость сохранения режима прекращения огня в сирийской провинции Идлиб. В связи с этим там недопустимы любые провокационные нападения. Для повышения же эффективности процесса политического урегулирования нужно активизировать деятельность соответствующего конституционного комитета. Стороны подтвердили своё стремление к сохранению территориальной целостности Сирии и решимость продолжать борьбу со всеми действующими на территории САР террористическими группировками [Тосун, Юсунов, 2021].

Однако по последнему вопросу позиции Москвы и Анкары существенно различаются. Так, в России основную угрозу в Сирии видят в радикальной организации «Исламское государство»*, а в Турции террористическими считают курдские организации: партию «Демократический союз» (PYD), отряды народной самообороны (YPG) и Рабочую партию Курдистана (PKK). Российская и турецкая стороны также договорились о совместных действиях по разрешению в Сирии гуманитарного кризиса.

Параллельно по линии национальных министерств обороны достигнута договорённость о разрешении проблемы с водоснабжением провинции Хасеке на северо-востоке Сирии. Указанная проблема возникла в связи с перебоями в подаче электроэнергии из-за действий в Сирии радикальных

⁵ Состоялось 17-е совместное заседание Смешанной межправительственной Российско-Турецкой комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству // <http://government.ru/news/42921/>, дата обращения 10.11.2021.

* Организация запрещена в России.

организаций. Так, работа водонапорной станции «Аллул», находящейся в зоне турецкой военной операции «Источник мира» и обеспечивающей жителей Хасеке питьевой водой, зависит от электростанции в районе Дирбасие, находящемся под контролем радикалов. Благодаря совместным усилиям около 200 тыс. чел., проживающих в зоне операции «Источник мира», были обеспечены электричеством, а жители Хасеке и Таль-Тамира — питьевой водой.

Продолжается реализация российско-турецкого проекта по сооружению в Турции АЭС «Аккую». Заместитель председателя совета директоров АО «Аккую Нуклеар» Антон Дедусенко сообщил, что «на сегодняшний день на площадке строительства работают более 12 тыс. чел. Около 20 % из этого числа составляют российские специалисты. К строительному персоналу предъявляются вполне классические требования по направлениям деятельности, при этом для работы на ключевых позициях обязательным условием является опыт по сооружению объектов ядерной инфраструктуры». По его информации, на строительстве используются буровые установки изыскателей на базе российских автомобилей марок КамАЗ и «Урал», дорожно-строительная техника производства Турции, Германии, Японии, Кореи, Великобритании и США. В акватории моря работают суда: малые буксиры и баржи, произведённые в Турции, а также плавучий кран из Нидерландов. Причем в марте 2021 г. начато строительство уже третьего энергоблока АЭС «Аккую»⁶.

Важным является российско-турецкое взаимодействие в оборонной сфере. В рамках Международного военно-технического форума «Армия-2021» в Москве генеральный директор «Рособоронэкспорта» (входит в «Ростех») Александр Михеев сообщил, что новый контракт с Турцией на поставку зенитных ракетных комплексов (ЗРК) С-400 может быть подписан в ближайшее время. Это 31 августа в некоторой степени подтвердил президент Турции Р. Эрдоган в интервью турецкому телеканалу *NTV*. В частности, он сказал, что он «без колебаний» подписал бы в ближайшем будущем контракт на вторую партию систем С-400, если этого потребует безопасность Турции⁷.

Важным этапом в развитии российско-турецких отношений стала состоявшаяся 29 сентября 2021 г. в Сочи встреча президентов двух государств. По мнению Москвы, двусторонние отношения развиваются положительно. Об этом свидетельствует не только рост товарооборота, но и совместные дей-

⁶ Эксперт рассказал об АЭС «Аккую» в Турции // <https://russian.rt.com/business/news/895075-energetika-rossiya-turciya>, дата обращения 10.11.2021.

⁷ Эрдоган не поддаётся переубеждению: Турция «без колебаний» закупит новую партию С-400 // <https://easaily.com/ru/news/2021/08/31/erdogan-ne-poddaetsya-pereubezhdeniyu-turciya-bez-kolebaniy-zakupit-novuyu-partiyu-s-400>, дата обращения 10.11.2021.

ствия России и Турции на международной арене. В Анкаре считают, что от сотрудничества стран зависит мир в Сирии. По имеющейся информации, именно ситуация в сирийской провинции Идлиб стала одной из главных тем состоявшейся встречи. Хотя в открытой части переговоров лидеры государств прежде всего обсуждали экономические аспекты взаимного партнёрства стран [Лару, 2021].

Переговоры в Сочи стали для обоих лидеров первой беседой в личном формате с начала пандемии новой коронавирусной инфекции. Накануне её каждая из сторон стремилась усилить собственные позиции на переговорах. Так, выступая на 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, Р. Эрдоган вновь заявил, что его страна не признает Крым частью России и считает действия Москвы аннексией полуострова⁸. Однако более важно другое: в ходе этой поездки президент Турции надеялся на встречу с президентом США Дж. Байденом, но американская сторона от этого уклонилась. В. Путин, со своей стороны, 13 сентября в Москве провёл встречу с президентом Сирии Б. Асадом.

Позитивом для двусторонней встречи В. Путина и Р. Эрдогана стало то, что за последние девять месяцев двусторонний товарооборот увеличился более чем на 55 % по сравнению с 2020 г. и продолжают расти взаимные инвестиции. Объём вложений Турции в российскую экономику ныне составляет 1,5 млрд долл., а российские инвестиции в экономику Турецкой Республики достигли 6,5 млрд долл. Как уже указывалось, развивается военно-техническое сотрудничество между нашими странами.

В целом российско-турецкие переговоры в Сочи не привели к каким-то прорывам. Они больше свидетельствовали о продолжении достаточно трудного диалога и о возможности нахождения компромиссов, в частности по Сирии.

Политика Турции на Балканах

При рассмотрении политики Турции на Балканах нужно учитывать следующие факторы.

Во-первых, Анкара позиционирует себя в качестве транспортного узла между Юго-Восточной Европой и Закавказьем, Ближним Востоком и Средней Азией. Турецкими компаниями строится большое количество объектов транспортной инфраструктуры, расширяется сеть существующих аэропортов, морских портов, авто- и железных дорог. Яркий пример этого – проект канала «Стамбул» в обход пролива Босфор [Стародубцев, 2021].

⁸ Эрдоган вновь отказался признавать Крым российским // https://lenta.ru/news/2021/09/22/erdogan_krym/, дата обращения 04.10.2021.

Во-вторых, Турция всё больше становится энергетическим хабом, что подтверждается расширением поставок российского газа по подводному газопроводу «Турецкий поток» и запущенному в 2019–2020 гг. Южному газовому коридору на основе Трансанатолийского (*TANAP*) и Трансадриатического (*TAP*) газопроводов.

В-третьих, Турция активно использует «мягкую силу» для расширения своего влияния, в первую очередь среди мусульманского населения прилегающих к ней регионов.

В-четвёртых, серьёзное расхождение подходов Турции и ЕС по проблеме Кипра в некоторой степени затрагивает Балканский полуостров.

По мнению эксперта РИСИ А. В. Глазовой, нынешняя модель взаимоотношений Турция – ЕС на Балканах сложилась под влиянием двух факторов: неспособности Брюсселя самостоятельно осуществлять реальную политико-экономическую интеграцию балканских стран и наличия у Анкары весьма прагматичного курса, определяемого как «политика интеграции политических целей с бизнес-интересами» [Глазова, 2013].

Возникшая в результате ситуация взаимозависимости позволяет, с одной стороны, использовать Турцию для реализации различных вариантов ассоциированной интеграции ЕС в рамках так называемого Берлинского процесса, «западнобалканской шестёрки» и инициативы «Открытые Балканы» (до 29 июля 2021 г. это была межбалканская инициатива «Мини-Шенген»^{*}). С другой стороны, указанные проекты являются инструментом смягчения турецкого влияния в этом регионе в приемлемых для Европейского союза рамках.

Существует несколько причин, позволяющих утверждать, что отношения в треугольнике Анкара – Берлин – Брюссель сохраняют стабильность в некоторой перспективе.

Во-первых, Турция продолжает сдерживать поток беженцев с Ближнего и Среднего Востока, что становится особенно актуальным после захвата талибами власти в Афганистане. Это делает её неудобным, но крайне нужным партнёром для европейских стран, учитывая возможность для беженцев турецкого транзита как наземным, так и воздушным путём.

^{*} В рамках двухдневного Экономического форума регионального сотрудничества, который 30 июля 2021 г. завершил работу в Скопье, премьер-министр Северной Македонии Зоран Заев, премьер-министр Албании Эди Рама и президент Сербии Александр Вучич решили переименовать межбалканскую инициативу «Мини-Шенген» в инициативу «Открытые Балканы». Начиная с 1 января 2023 г. указанные страны откроют свои границы друг для друга, создадут единый рынок, введут нулевые таможенные тарифы, товары и граждане этих стран будут свободно перемещаться. Инициатива «Открытые Балканы» может быть расширена за счёт других балканских государств.

^{**} По данным на 2021 г., турецкий контингент в рамках миссии KFOR в Косове составляет 310 чел., или 8% от общей численности миссии. Турецкий контингент является пятым по численности, уступая США (660 чел.), Италии (628), Венгрии (397) и Австрии (322).

Во-вторых, являясь членом НАТО и по-прежнему страной – кандидатом на вступление в ЕС, Турция более лояльно относится к вопросу интеграции балканских стран в европейские и евроатлантические структуры.

В-третьих, с начала 2000-х гг. Турция – активный участник стабилизационных миссий в Боснии и Герцеговине (*EUFOR-Althea*) и Косове (*KFOR*)*.

Военный контингент Турции, наряду с силами Австрии и Венгрии, формирует основу многонационального батальона *EUFOR* в Боснии, что делает Анкару неотъемлемым участником сформированной в регионе конструкции безопасности. А являясь членом Совета по исполнению мира в Боснии и Герцеговине (*Peace Implementation Council*), Турция занимает, возможно, более конструктивную позицию, чем Россия, которая не поддерживает резолюции указанного совета. Помимо этого, в Анкаре более позитивно относятся к деятельности Высокого представителя ЕС в Боснии и Герцеговине.

В-четвёртых, следует учитывать особый характер партнёрства Турции и Германии. В частности, Анкара является крупным покупателем немецкого вооружения, а в Германии проживает значительная турецкая диаспора.

Наглядным проявлением растущей роли Турции на Балканах служат инфраструктурные проекты. Так, проект строительства дорогостоящей* автомагистрали Белград – Сараево показал, что Анкара способна осуществлять координацию взаимодействия Сербии и Боснии и Герцеговины, избегая межэтнических противоречий. Примечательно, что в марте 2021 г. в Анкару, несмотря на антикоронавирусные ограничения, для подписания очередного договора с Р. Эрдоганом прибыли все три члена президиума Боснии и Герцеговины [Kovacevic, 2021]. Причём двое из них бойкотировали встречу с министром иностранных дел России С. Лавровым, объясняя такую позицию непримиримыми политическими разногласиями.

Не следует недооценивать на Балканах и политику в гуманитарной сфере и постконфликтного урегулирования. Так, турецкие политико-дипломатические инициативы позволяют Анкаре порой замещать ЕС в модерировании балканских межгосударственных отношений [Demirtas, 2013]. Во многом под влиянием Турции в 2010 г. парламент Сербии принял декларацию, осуждающую события в Сребренице [Глазова, 2013]. Другой успешной инициативой Анкары стала Стамбульская декларация (2010 г.), участники которой (Турция, Босния и Герцеговина, Сербия) подтвердили территориальную целостность Боснии и Герцеговины. Соответствуют этой декларации и принятые в 2021 г. Черногорией резолюции об «осуж-

* Стоимость участка автодороги, проходящего по территории Сербии, на начальной стадии проекта оценивалась в 250 млн долл. Общая стоимость автомагистрали, по некоторым, вероятно завышенным, оценкам, может достигать 3,4 млрд долл.

дении геноцида в Сребренице». В это же время в Боснии и Герцеговине был принят закон, согласно которому установлен тюремный срок за отрицание этого геноцида. Следовательно, можно констатировать, что по важному аспекту исторической политики ЕС и Турция на Балканах находят компромисс, в отличие, например, от признания геноцида армян в Османской империи.

Этому способствует и то обстоятельство, что турецкий фактор продолжает играть существенную роль в переговорах между Сербией и Косовом *. Так, выступая в целом на стороне Приштины, Анкара демонстрирует некоторую симпатию в отношении Белграда. Её источником является положение, в котором оказалась Турция после провала в 2004 г. плана Генсека ООН К. Аннана по Кипру, предусматривавшего создание объединённой кипрской республики на основе широкой автономии двух административных единиц, что устраивало турецкую сторону. Провал плана по инициативе греков-киприотов и вступление Кипра в ЕС уже в 2004 г. в ситуации фактической раздробленности служат основанием для проведения параллелей с ситуацией в Косове. Следовательно, отмечается, что турок и сербов сближают «сходные чувства несправедливости и разочарования» [Demirtas, 2016] в отношении Брюсселя. Кроме того, возникает международный прецедент, позволяющий Белграду настаивать на вступлении в ЕС без дипломатического непризнания Косова. В связи с этим не стоит исключать усиления посреднической роли Анкары по нахождению компромисса между Белградом и Приштиной, который ЕС сегодня предложить не может.

Следовательно, по ряду признаков Анкара представляется более выгодным (и, возможно, желательным) партнёром для Брюсселя или некоторых стран ЕС в деле построения жизнеспособной региональной системы. Находясь в условиях системного кризиса, ЕС, скорее всего, будет готов лишь к формату ассоциированной интеграции для стран так называемой «балканской шестёрки»: Сербии, Северной Македонии, Боснии и Герцеговины, Косова и Черногории, чьи перспективы получения статуса полноценного члена ЕС являются неопределёнными. Укрепление Анкары в статусе выгодного партнёра для Берлина и Брюсселя позволило бы Турции продолжить создание в регионе собственной сферы интересов, включающей гуманитарное присутствие, религиозный фактор, оружейный экспорт, военное и экономическое сотрудничество.

В таких условиях Турцию и Запад от дальнейшего роста взаимной конфронтации удерживает, в частности, неурегулированность ситуации на Балканах. Не следует преувеличивать и уровень разногласий между Анкарой и Вашингтоном, учитывая, что Турция способна в некоторой степени

* В соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН 1244 является частью Республики Сербия.

уравновесить влияние ЕС, в первую очередь на Балканах. Партнёрство с Турцией является важным инструментом продвижения интересов (в том числе экономических) Великобритании, а также Италии, которая пытается реализовывать на этом полуострове собственную политику.

При рассмотрении проблемы «антизападного дрейфа» Турции озвучивается позиция, что стратегическая задача вступления Турции в ЕС должна сохраняться как минимум потому, что это «повысит стабильность ЕС в глазах мусульманских сообществ Балкан» [Babuna, 2014].

Следовательно, часть турецкого экспертного сообщества по-прежнему придерживается концепции умеренной европейски ориентированной Турции. Это сохраняет в глазах западного сообщества надежду на то, что внешнеполитический курс Анкары «выправится» в случае осуществления значительных внутривнутриполитических перемен в самой Турции.

С другой стороны, по экономическим соображениям Турция заинтересована в развитии на Балканах систем коммуникации совместно с ЕС (транспортные коридоры, газопроводы *TAP* и *TANAP*), Россией (газопровод «Турецкий поток»), США (газопроводы-интерконнекторы). Анкара стремится замыкать на себе ключевые энергетические и транспортные коммуникации, поэтому нуждается в долговременных неконфронтационных отношениях с ЕС, США и Россией. При этом Турцию вполне устраивает формат ассоциированной экономической интеграции, продвигаемой в рамках различных региональных проектов (Берлинский процесс, «западнобалканская шестёрка», «Открытые Балканы»), в случае если в нём будут тем или иным образом гарантированы интересы Анкары.

Исходя из этого задачи политики Турции на Балканах могут заключаться в следующем.

Во-первых, поощрение экономического и политического сближения Сербии и Албании, в котором существует экономическая и политическая заинтересованность как у Белграда, так и у Тираны [Пивоваренко, 2021], а также Сербии и Боснии и Герцеговины вокруг проекта автомагистрали Белград – Сараево.

Во-вторых, расширение числа участников инициативы «Открытые Балканы» за счёт включения Республики Косово как территории, где располагаются турецкие инвестиции и пролегают логистические маршруты между Сербией и Албанией, вовлечение в проект Черногории как страны, имеющей выход к побережью Адриатического моря. Отметим, что в г. Бар находится крупный культурно-идеологический центр под патронажем Турции.

В-третьих, поддержание стабильной и контролируемой ситуации в Северной Македонии и Боснии и Герцеговине. Поощрение (совместно с европейскими странами) политической централизации Боснии и Герцеговины. Дальнейшее продвижение турецких транспортно-инфра-

структурных проектов в рамках панъевропейских транспортных коридоров № 8 и 10.

В-четвёртых, сопряжение балканской транзитной инфраструктуры с железной дорогой Стамбул – Анкара – Карс – Тбилиси – Баку, являющейся частью более широких евразийских транспортных коммуникаций [Джафаров, 2021].

В-пятых, оказание Турцией помощи балканским странам в борьбе с новой коронавирусной инфекцией*.

В то же время по мере расширения влияния в регионе Анкары существует опасность вовлечения Балкан в турецко-греческое противостояние. Укрепление её позиций в Северной Македонии и развитие военного сотрудничества с Албанией** могут стать тревожным сигналом для Греции, которой в последние годы оказывает значительную военную и дипломатическую поддержку Франция в контексте турецко-греческого обострения в Восточном Средиземноморье. В связи с этим не стоит исключать переноса конфликтной проблематики к северу и западу от континентальных границ Греции.

Самостоятельное значение может приобрести и фактор беженцев. С весны 2020 г. Афины обвиняют Анкару в размещении беженцев-джихадистов в Северном Кипре⁹. Эти обвинения возникают на фоне притока на Балканы афганских беженцев, которые размещаются на территории Албании и Косова¹⁰. Приток новых беженцев является серьёзным вызовом, в первую очередь для Сербии, Македонии и Боснии и Герцеговины как транзитных стран.

Особенность российского и турецкого присутствия на Балканах в конце XX – начале XXI в. заключается в том, что, тесно соседствуя, оно с середины 2000-х гг. развивается параллельно, пересекаясь лишь в некоторых плоскостях, прежде всего в области энергетического транзита российского газа, в отношении которого стратегические интересы Москвы и Анкары достаточно обоснованно определяются как совпадающие.

⁹ Albania plans to replace Greeks in Northern Epirus with jihadists and Turkish intelligence officers // <https://greekcitytimes.com/2020/04/13/albania-plans-to-replace-greeks-in-northern-epirus-with-jihadists-and-turkish-intelligence-officers/>, дата обращения 12.11.2021.

¹⁰ В Европе размещают Албанистан // <https://www.kommersant.ru/doc/4946665>, дата обращения 12.11.2021.

* В марте 2021 г. Турция передала 30 тыс. доз вакцины CoronaVac для Боснии и Герцеговины. В июне Анкара анонсировала готовность пожертвовать 30 тыс. доз вакцины Sinovac для Северной Македонии. Около 190 тыс. вакцин передано Турецкой Республике Северного Кипра. Наконец, Анкара достаточно оперативно, в мае 2021 г., осуществила взаимное признание сертификата о вакцинации с Сербией в интересах сохранения свободы передвижения.

** Следует отметить, что в июле 2021 г. под эгидой Турции прошли учения армейского спецназа «Анатолия-21», в которых приняли участие подразделения из Албании, Азербайджана, Катара, Казахстана, Пакистана. Наблюдателями на учениях выступили Косово и Монголия.

В частности, действует «Балканский поток» — магистральный газопровод, ответвляющийся от подводного газопровода «Турецкий поток» и идущий из Турции в Венгрию через Болгарию и Сербию, в перспективе возможно его продление до Австрии через Словакию. Первоначально планировался к постройке подводный газопровод «Южный поток», от которого отказались 1 декабря 2014 г., в первую очередь из-за давления США на Болгарию.

Подводная часть трубопровода «Турецкий поток» была завершена в ноябре 2019 г., а природный газ был подведён к болгарской границе 8 января 2020 г. Прокладка труб с сербской стороны от границы Болгарии до Венгрии была завершена в конце 2019 г. 1 января 2021 г. болгарский участок был введён в эксплуатацию и газ стал поступать в Сербию. Строительство сербского участка длиной 403 км (проектная мощность — 13,9 млрд куб. м в год) до границы с Венгрией было завершено 4 июля 2021 г. Поставки газа в Венгрию начались в октябре 2021 г.

1 января 2021 г. президент Сербии Александр Вучич дал старт работе газопровода «Балканский поток» в своей стране, после чего туда начал поступать природный газ из России. Пролегающий по территории Сербии участок является продолжением одной из двух веток открытого 8 января 2020 г. «Турецкого потока», по которой российский газ должен поступать в Турцию, а затем в Болгарию, Сербию и Венгрию. Длина участка составляет 403 км, а проектная мощность — 13,9 млрд куб. м в год.

5 октября 2021 г. А. Вучич заявил, что решение о строительстве газопровода «Балканский поток» в республику было очень умным, поскольку позволило обеспечить Сербию природным газом по доступной цене (270 долл. за 1 тыс. куб. м по состоянию на октябрь 2021 г.)¹¹. Резкое повышение цен на газ осенью 2021 г. ставит на повестку дня вопрос о стоимости газа в 2022 г. Одним из аргументов Белграда является утверждение министра энергетики З. Михайлович о том, что газовый кризис имеет «энергетическо-геополитические причины, а не только энергетические»¹², что переводит вопрос о ценах на газ в политическое и риторическое поле.

ПАО «Газпром» не является монополистом в поставке природного газа на Балканы. 31 декабря 2020 г. Болгария стала получать азербайджанский газ по Южному газовому коридору как системе двух трубопроводов. Вошедший в строй в 2019 г. газопровод *TANAP* доставляет идущий из Азербайджана через Грузию и Турцию природный газ до границы с Грецией. Там он

¹¹ Вучич назвал строительство газопровода «Балканский поток» в Сербии очень умным решением // <https://tass.ru/ekonomika/12587175>, дата обращения 12.11.2021.

¹² Srbija u riziku od drastičnog poskupljenja gasa 1. januara. Danas // <https://www.danas.rs/vesti/ekonomija/srbija-u-riziku-od-drasticnog-poskupljenja-gasa-1-januara/>, дата обращения 07.11.2021.

соединён с вошедшим в строй газопроводом *TAP*, который по греческой и албанской территории, а затем по дну Адриатического моря идёт в Италию.

Как уже указывалось ранее, мощность газопровода *TAP* составляет 10 млрд куб. м в год, из которых 8 млрд куб. м предназначены для Италии. Очевидно, что такие поставки не смогут обеспечить её газом (в докризисном 2019 г. ПАО «Газпром» поставил в эту страну 22,1 млрд куб. м газа). Оставшиеся 2 млрд куб. м газа придётся делить между Грецией, Болгарией и другими странами. Следовательно, это больше политический, чем коммерческий проект. Особенно учитывая, что нынешний объём добычи природного газа в Азербайджане составляет всего 35 млрд куб. м и обеспечивается за счёт газового конденсата. Увеличение его добычи там в обозримой перспективе не ожидается.

В конце 2020 г. началась коммерческая эксплуатация нового плавучего терминала по приёму сжиженного природного газа (СПГ) у острова Крк в Хорватии, его проектная мощность составляет 2,6 млрд куб. м в год. При этом следует учесть, что в 2019 г. Хорватия была крупнейшим на Балканах покупателем российского газа – 2,82 млрд куб. м. Второе место занимала Греция (2,41 млрд куб. м), третье – Болгария (2,39 млрд куб. м), а четвертое – Сербия (2,13 млрд куб. м)¹³. Таким образом, даже после запуска терминала Хорватия не сумела решить задачу полного самообеспечения природным газом. Учитывая, что азиатские рынки газа представляются более выгодными, а также возникший осенью 2021 г. фактор роста цен на газ, нет уверенности и в том, что плавучий терминал у острова Крк будет полностью загружен.

Тем не менее ныне Москва с настороженностью смотрит на процесс сближения Анкары и Белграда в экономической сфере, а также на повышение посреднической роли Турции в переговорах между Белградом и Приштиной. Ещё одним вызовом для России может стать сближение Турции, ЕС и США по урегулированию кризиса в Боснии и Герцеговине на основе ограничения автономии входящей в её состав Республики Сербской. С последней у России существуют собственные активные экономические и политические отношения. Наконец, перенос турецко-греческого кризиса на Балканы будет стимулировать Сербию к развитию военно-технического партнёрства со странами Запада.

Таким образом, несмотря на нынешнее так называемое параллельное развитие, уже в ближайшей перспективе отношения России и Турции на Балканах могут обостриться, особенно если Анкара продолжит политику вытеснения России из Сербии, существенно увеличит поставки в этот регион собственного оружия и азербайджанского природного газа.

¹³ «Газпром» утратил монополию в Болгарии и Хорватии из-за *TAP* и СПГ // <https://www.dw.com/ru/gazprom-utratal-monopoliju-v-bolgarii-i-horvatii/a-56127212>, дата обращения 12.11.2021.

При этом следует учитывать, что в целом Турция на Балканах пытается совмещать курс на создание собственной сферы влияния, включающий поддержку единоверцев и сторонников турецкой ориентации*, с поддержанием региональной системы безопасности. Разрушение этого достаточно хрупкого баланса может резко обострить её отношения не только с Россией, но и с Западом, а также ослабить позиции Анкары в рассматриваемом регионе.

Список литературы

Глазова А. В., 2013. Политика Турции на Западных Балканах // Проблемы национальной стратегии. № 12 (17). С. 25.

Пивоваренко А. А., 2021. К вопросу о внешней политике Сербии на юго-западном направлении // Международная аналитика. Т. 12. № 1. С. 162–175.

Гурьев А. А., 2021. Ситуация в Турции: август 2021 г. // <http://www.iimes.ru/?p=79462>, дата обращения 07.09.2021.

Стародубцев И. И., 2020. Большая стратегия Турции. Ч. 1 // <http://www.iimes.ru/?p=74106>, дата обращения 09.11.2021.

Стародубцев И. И., 2021. Издание «Единый подход Турции к обеспечению безопасности». Ч. 2 // <http://www.iimes.ru/?p=78531>, дата обращения 07.09.2021.

Babuna A., 2014. European Integration, Bosnia-Herzegovina and Stability in the Western Balkans: A New Strategy // Perceptions. Summer 2014. Vol. 19. No. 2. Pp. 1–32.

Demirtas B., 2013. Turkey and the Balkans: Overcoming Prejudices, Building Bridges and Constructing a Common Future // Perceptions. Summer 2013. Vol. XVIII. No. 2. Pp. 163–184.

Demirtas B., 2016. Reconsidering Turkish-Serbian Ties within the Context of Balkan Politics: Identity Perceptions and Impact of Global, Regional and National Levels // Current Turkey-Serbia relations. Center for Strategic Research. March 2016. Pp. 8–9.

Davutoğlu A., 2001. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu (Turkish Foreign Policy) // <http://bookre.org/reader?file=1300691&pg=2>, дата обращения 09.11.2021.

Gürdeniz C., 2013. Neden Mavi Vatan? // <https://web.archive.org/web/20191225222852/https://www.aydinlik.com.tr/arsiv/neden-mavi-vatan>, дата обращения 09.11.2021.

Абдуллаев Р., 2021. Эрдоган не исключил диалога с движением «Талибан» // <https://www.aa.com.tr/ru/%>, дата обращения 10.11.2021.

* В радикальном виде данная идея сформулирована депутатом Партии добродетели Мустафой Башем в ходе косовского кризиса 1998–1999 гг. По его мнению, «факт убийства одного косовара должен расцениваться так же, как факт убийства турка в Стамбуле, Измире или Бурсе».

Гашков И., 2020. Пустить к себе домой? Мир решает судьбу беженцев из Афганистана // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12170375>, дата обращения 09.11.2021.

Джафаров Ш., 2021. Состоялась церемония встречи первого экспортного поезда из Турции в Китай по железной дороге Баку – Тбилиси – Карс // https://azertag.az/ru/xeber/Sostoyalas_ceremoniya_vstrechi_pervogo_eksportnogo_poezda_iz_Turcii_v_Kitai_po_zheleznoi_doroge_Baku_Tbilisi_Kars_VIDEO-1672659, дата обращения 12.11.2021.

Искендеров П., 2021. Турция идёт на «стратегическую глубину» // <https://interaffairs.ru/news/show/30961>, дата обращения 09.11.2021.

Кулиева Н., 2020. От «стратегической глубины» к «голубой родине»: новая турецкая политика в Восточном Средиземноморье // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/ot-strategicheskoy-glubiny-k-goluboy-rodine-novaya-turetskaya-politika-v-vostochnom-sredizemnomore/>, дата обращения 09.11.2021.

Лару Д., 2021. Ясные Сочи: как прошла встреча Путина и Эрдогана // <https://iz.ru/1228683/dmitrii-laru/iasnye-sochi-kak-proshla-vstrecha-putina-i-erdogana>, дата обращения 04.10.2021.

Тарасов С., 2021. Эрдогана потянуло на «кладбище империй» // <https://regnum.ru/news/polit/3319003.html>, дата обращения 10.11.2021.

Тосун М., Юсунов А., 2021. Делегации Турции и России обсудили ситуацию в Сирии // <http://surl.li/atlpb>, дата обращения 10.11.2021.

Kovacevic D., 2021. Bosnia Signs Sarajevo–Belgrade Highway Agreement with Turkeyanijel // <https://balkaninsight.com/2021/03/16/bosnia-signs-sarajevo-belgrade-highway-agreement-with-turkey/>, дата обращения 07.09.2021.

В Европе размещают Албанистан // <https://www.kommersant.ru/doc/4946665>, дата обращения 12.11.2021.

Вучич назвал строительство газопровода «Балканский поток» в Сербии очень умным решением // <https://tass.ru/ekonomika/12587175>, дата обращения 12.11.2021.

«Газпром» утратил монополию в Болгарии и Хорватии из-за ТАР и СПГ // <https://www.dw.com/ru/gazprom-utratil-monopoliju-v-bolgarii-i-horvatii/a-56127212>, дата обращения 12.11.2021.

ЕС: меморандум Турции и Ливии о разграничении в Средиземном море не имеет законной силы // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7338779>, дата обращения 09.11.2021.

Президент Пакистана в поддержку Северного Кипра // <https://haqqin.az/news/217896>, дата обращения 10.11.2021.

Состоялось 17-е совместное заседание Смешанной межправительственной Российско-Турецкой комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству // <http://government.ru/news/42921/>, дата обращения 10.11.2021.

Состоялся телефонный разговор Владимира Путина с Президентом Турецкой Республики Реджепом Тайипом Эрдоганом // <http://kremlin.ru/events/president/news/66421>, дата обращения 10.11.2021.

Стратегия НАТО // <http://www.modernarmy.ru/article/186>, дата обращения 09.11.2021.

Эксперт рассказал об АЭС «Аккую» в Турции // <https://russian.rt.com/business/news/895075-energetika-rossiya-turciya>, дата обращения 10.11.2021.

Эрдоган вновь отказался признавать Крым российским // https://lenta.ru/news/2021/09/22/erdogan_krym/, дата обращения 04.10.2021.

Эрдоган не поддаётся переубеждению: Турция «без колебаний» закупит новую партию С-400 // <https://eadaaily.com/ru/news/2021/08/31/erdogan-ne-poddaetsya-pereubezhdeniyu-turciya-bez-kolebaniy-zakupit-novuyu-partiyu-s-400>, дата обращения 10.11.2021.

Albania plans to replace Greeks in Northern Epirus with jihadists and Turkish intelligence officers // <https://greekcitytimes.com/2020/04/13/albania-plans-to-replace-greeks-in-northern-epirus-with-jihadists-and-turkish-intelligence-officers/>, дата обращения 12.11.2021.

Srbija u riziku od drastičnog poskupljenja gasa 1. januara. Danas // <https://www.danas.rs/vesti/ekonomija/srbija-u-riziku-od-drasticnog-poskupljenja-gasa-1-januara/>, дата обращения 07.11.2021.

Vladimir V. EVSEEV,

Head division of Eurasian Integration and Shanghai Cooperation Organization Extension of the Institute of CIS, PhD (Technical sciences).

Address: 7/10 b. 3, B. Polyanka str., Moscow, Russian Federation

E-mail: bladimir111@yandex.ru

SPIN-code: 3792-0060

Alexandr A. PIVOVARENKO,

Senior Researcher of the Balkans Department of the Institute of CIS.

Address: 7/10 b. 3, B. Polyanka str., Moscow, Russian Federation

E-mail: aleksandar.a.p@ya.ru

SPIN-code: 1707-8990

Amur H. HAJIYEV,

Researcher at the Middle East Study Center Turkish Sector at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.

Address: 7/10, b. 3, B. Polyanka str., Moscow, Russian Federatio

E-mail: djakar@mail.ru

SPIN-code: 3906-7722

IMPACT OF THE TURKISH POLICY ON THE COUNTRIES OF THE BALKAN REGION

DOI: 10.48137/2687-0703_2021_16_4_70

Received: 18.11.2021.

For citation: *Evseev V. V., Pivovarenko A. A., Hajiyev A. H., 2021. Impact of The Turkish Policy on The Countries of The Balkan Region. – Geoeconomics of Energetics. № 4 (16). P. 70-94. DOI: 10.48137/2687-0703_2021_16_4_70*

Keywords: Afghan refugees, the Balkan region, Turkey's strategies, Turkey's foreign policy strategies, natural gas, Russian-Turkish relations, transport corridor.

Abstract

The authors of the article examine Turkey's foreign policy strategies, the current features of its policy, and Ankara's policy in the Balkans. This analysis is carried out from the angle of Russian-Turkish relations.

According to the authors the actual conceptual basis of the Turkish foreign policy strategy is in the stage of yet another transformation. At the same time, the goal is to ensure the long-term interests of the country and create a reality where the Turkish Republic could occupy a strong and significant position in the new post-turbulent world. It is planned to implement this on the basis of Ahmet Davutoglu's theory of Strategic depth in the context of "zero problems with neighbors" concept and Admiral Ramadan Cem Gyurdeniz's Blue Homeland doctrine. Both strategies are based on the strategy of advanced defense, which implies the security of the state at distant borders.

It has been established that the Afghan problem has an increasing impact on Turkey's foreign policy, since there are already about 4 million refugees in the country, including from 300 to 400 thousand of Afghan citizens. After the seizure of power by the Taliban movement (banned in the Russian Federation) in Afghanistan, the flow of refugees from this country is increasing. As a result, Ankara seeks to transit them to Europe, preferably through Bulgaria and the countries of the Balkan region, given that Albania and Kosovo are ready to accept Afghan refugees.

As the authors noted, Turkey's policy in the Balkans is determined by the fact that Turkey positions itself as a transport and energy hub, which is mainly confirmed by the expansion of Russian gas supplies through the Turkish Stream underwater gas pipeline. However, at the same time Ankara promotes the supply of Azerbaijani natural gas to the Balkans through the Southern Gas Corridor, which leads to the clash of Russian and Turkish interests in the region. Though such supplies are limited to Bulgaria in the amount of 1 billion m³ of gas per year.

In addition, Turkey is actively using «soft power» to expand its influence in the Balkans, primarily among the Muslim population of the countries located there. But it is forced to take into account the interests of the USA and the EU in the region.

Based on the analysis, the authors concluded that relations between Russia and Turkey in the Balkans may become aggravated, especially if Ankara continues the policy of «squeezing out» the Russian Federation from Serbia, significantly increases the supply of its own weapons and Azerbaijani natural gas to this region.

References

Glazova A. V., 2013. Turkey's policy in the Western Balkans // Problems of National Strategy. No. 12 (17). P. 4. (In Russ.)

Pivovarenko A. A., 2021. On the question of Serbia's foreign policy in the southwest direction // International Analytics. Vol. 12. No. 1. Pp. 162–175. (In Russ.)

Guryev A. A., 2021. The situation in Turkey: August 2021 // <http://www.iimes.ru/?p=79462>, accessed 07.09.2021. (In Russ.)

Starodubtsev I. I., 2020. Turkey's grand strategy. Part 1 // <http://www.iimes.ru/?p=74106>, accessed 09.11.2021. (In Russ.)

Starodubtsev I. I., 2021. The publication of Turkey's Unified Approach to Security. Part 2 // <http://www.iimes.ru/?p=78531>, accessed 07.09.2021. (In Russ.)

Babuna A., 2014. European Integration, Bosnia-Herzegovina and Stability in the Western Balkans: A New Strategy // Perceptions. Summer. Vol. 19. No. 2. Pp. 1–32. (In Eng.)

Demirtas B., 2013. Turkey and the Balkans: Overcoming Prejudices, Building Bridges and Constructing a Common Future // Perceptions. Summer 2013. Vol. XVIII. No. 2. Pp. 163–184. (In Eng.)

Demirtas B., 2016. Reconsidering Turkish-Serbian Ties within the Context of Balkan Politics: Identity Perceptions and Impact of Global, Regional and National Levels // Current Turkey-Serbia relations. Center for Strategic Research. March 2016. Pp. 8–9. (In Eng.)

Davutoğlu A., 2001. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu (Turkish Foreign Policy) // <http://bookre.org/reader?file=1300691&pg=2>, accessed 09.11.2021. (In Turk.)

Gürdeniz C., 2013. Neden Mavi Vatan? // <https://web.archive.org/web/20191225222852/https://www.aydinlik.com.tr/arsiv/neden-mavi-vatan>, accessed 09.11.2021. (In Turk.)

Abdullaev R., 2021. Erdogan did not rule out dialogue with the Taliban movement // <https://www.aa.com.tr/ru/%>, accessed 10.11.2021. (In Russ.)

Gashkov I., 2020. Let to stay at home? The world decides the fate of refugees from Afghanistan // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12170375>, accessed 09.11.2021. (In Russ.)

Jafarov Sh., 2021. The welcoming ceremony of the first export train from Turkey to China on the Baku-Tbilisi-Kars railway // https://azertag.az/ru/xeber/Sostoyalas_ceremoniya_vstrechi_pervogo_eksportnogo_poezda_iz_Turcii_v_Kitai_po_zheleznoi_doroge_Baku_Tbilisi_Kars_VIDEO-1672659, accessed 12.11.2021. (In Russ.)

Iskenderov P., 2021. Turkey heads towards “strategic depth” // <https://interaffairs.ru/news/show/30961>, accessed 09.11.2021. (In Russ.)

Kulieva N., 2020. From the “strategic depth” to the “blue homeland”: a new Turkish policy in the Eastern Mediterranean // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/ot-strategicheskoy-glubiny-k-goluboy-rodine-novaya-turetskaya-politika-v-vostochnom-sredizemnomore/>, accessed 09.11.2021. (In Russ.)

Laru D., 2021. Clear Sochi: how was the meeting between Putin and Erdogan // <https://iz.ru/1228683/dmitrii-laru/iasnye-sochi-kak-proshla-vstrecha-putina-i-erdogana>, accessed 04.10.2021. (In Russ.)

Tarasov S., 2021. Erdogan is attracted to the “cemetery of empires” // <https://regnum.ru/news/polit/3319003.html>, accessed 10.11.2021. (In Russ.)

Tosun M., Yusupov A., 2021. The delegations of Turkey and Russia discussed the situation in Syria // <http://surl.li/atlpb>, accessed 10.11.2021. (In Russ.)

Kovacevic D., 2021. Bosnia Signs Sarajevo-Belgrade Highway Agreement with Turkey // <https://balkaninsight.com/2021/03/16/bosnia-signs-sarajevo-belgrade-highway-agreement-with-turkey/>, accessed 07.09.2021. (In Eng.)

Albanistan is placed in Europe // <https://www.kommersant.ru/doc/4946665>, accessed 12.11.2021. (In Russ.)

Vucic called the construction of the Balkan Stream gas pipeline in Serbia a very smart decision // <https://tass.ru/ekonomika/12587175>, accessed 12.11.2021. (In Russ.)

Gazprom has lost its monopoly in Bulgaria and Croatia due to TAP and LNG // <https://www.dw.com/ru/gazprom-utratil-monopoliju-v-bolgarii-i-horvatii/a-56127212>, accessed 12.11.2021. (In Russ.)

EU: the memorandum of Turkey and Libya on the delimitation in the Mediterranean Sea has no legal force // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7338779>, accessed 09.11.2021. (In Russ.)

President of Pakistan in support of Northern Cyprus // <https://haqqin.az/news/217896>, accessed 10.11.2021. (In Russ.)

The 17th joint meeting of the Intergovernmental Russian-Turkish Commission on Trade and Economic Cooperation // <http://government.ru/news/42921/>, accessed 10.11.2021. (In Russ.)

Vladimir Putin held a telephone conversation with President of the Republic of Turkey Recep Tayyip Erdogan // <http://kremlin.ru/events/president/news/66421>, accessed 10.11.2021. (In Russ.)

NATO Strategy // <http://www.modernarmy.ru/article/186>, accessed 09.11.2021. (In Russ.)

The expert spoke about the Akkuyu NPP in Turkey // <https://russian.rt.com/business/news/895075-energetika-rossiya-turciya>, accessed 10.11.2021. (In Russ.)

Erdogan again refused to recognize Crimea as Russian // https://lenta.ru/news/2021/09/22/erdogan_krym/, accessed 04.10.2021. (In Russ.)

Erdogan defies persuasion: Turkey will “without hesitation” buy a new batch of S-400 // <https://eodaily.com/ru/news/2021/08/31/erdogan-ne-poddaetsya-pereubezhdeniyu-turciya-bez-kolebaniy-zakupit-novuyu-partiyu-s-400>, accessed 10.11.2021. (In Russ.)

Albania plans to replace Greeks in Northern Epirus with jihadists and Turkish intelligence officers // <https://greekcitytimes.com/2020/04/13/albania-plans-to-replace-greeks-in-northern-epirus-with-jihadists-and-turkish-intelligence-officers/>, accessed 12.11.2021. (In Eng.)

Serbia at risk from the gas 1 drastic step-up. januara. Today // <https://www.danas.rs/vesti/ekonomija/srbija-u-riziku-od-drasticnog-poskupljenja-gasa-1-januara/>, accessed 07.11.2021. (In Serb.)

Сергей ЖИЛЬЦОВ

РАЗВИТИЕ ЕАЭС НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ИТОГИ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Дата поступления в редакцию: 21.11.2021

Для цитирования: Жильцов С. С., 2021. Развитие ЕАЭС на современном этапе: итоги и новые вызовы. – Геоэкономика энергетики. № 4 (16). С. 95-108. DOI: 10.48137/2687-0703_2021_16_4_95

Пандемия коронавируса, которая началась в 2020 г., оказала негативное влияние на развитие ЕАЭС. Страны, входящие в интеграционное объединение, столкнулись с экономическими проблемами. Прежде всего государства ЕАЭС были вынуждены увеличить затраты на борьбу с пандемией и её последствиями. Дополнительные бюджетные расходы и привлечение внешних средств негативно отразились на макроэкономических показателях всех государств объединения. В результате взаимная торговля внутри интеграционного объединения уменьшилась. Ситуация стала меняться в 2021 г., когда страны ЕАЭС сумели адаптировать национальные экономики к изменениям в экономической сфере. Положительный эффект дали меры, принимаемые в странах интеграционного объединения. Произошло улучшение макроэкономических показателей, страны расширили взаимодействие во внешней торговле, в том числе внутри интеграционного объединения.

Развитие ЕАЭС происходило на фоне нарастания противоречий между Россией и США, которые по-прежнему активно использовали санкционную политику, изменения политических и экономических отношений между Белоруссией и Западом, ценовых изменений на мировых нефтяном и газовом рынках.

Ключевой задачей стран ЕАЭС по-прежнему остаётся расширение взаимодействия в торгово-экономической сфере и преодоление препятствий внутри интеграционного объединения. Остро стоит вопрос об устранении барьеров на

ЖИЛЬЦОВ Сергей Сергеевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 119021, ул. Остоженка, д. 53/2. E-mail: serg.serg56@yandex.ru. SPIN-код: 4297-7880. ORCID: 0000-0002-4898-2627.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, энергетика, пандемия коронавируса, барьеры, санкции.

пути торговли внутри ЕАЭС, создании механизма учёта интересов государств в сфере энергетики, промышленности и транспорта. Таким образом, на повестке дня стран ЕАЭС стоит задача перейти на качественно новый уровень развития интеграционного объединения, что положительно отразится на развитии национальных экономик.

Введение

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) появился в результате нескольких попыток стран постсоветского пространства расширить торгово-экономическое взаимодействие и усилить свои позиции. Сторонниками сохранения и расширения сотрудничества в многостороннем формате выступали Россия, Казахстан и Белоруссия, которые последовательно принимали усилия в этой сфере. Ещё в октябре 2000 г. Россия, Белоруссия, Казахстан, Таджикистан и Киргизия подписали Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества (ЕвразЭС), который предполагал создание Единого экономического пространства и преобразование Таможенного союза в международную экономическую организацию. Проект, предполагающий координацию внешней и внутренней политики между странами, не был реализован. Страны оказались не готовы координировать свою политику в экономической сфере, по-прежнему ориентируясь на двусторонние отношения. По этой причине, «несмотря на неоднократные заверения глав государств региона об общности исторических, культурных, языковых и этноконфессиональных факторов» [Султанов, 2014: 81], политические и экономические противоречия между странами преодолеть не удалось. К тому же усиливалась тенденция к расширению торгово-экономических отношений с западными государствами и Китаем. Это снизило объём товарооборота с Россией и в целом между странами постсоветского пространства. В 2000–2009 гг. удельный вес России во внешней торговле Казахстана снизился с 30,2 до 17,4 % [Алшанов, 2010: 29].

В октябре 2007 г. Россия, Белоруссия и Казахстан создали Таможенный союз. Был подписан Договор о создании единой таможенной территории, образована комиссия Таможенного союза, которой частично передавалась часть полномочий государственных органов стран – участниц Таможенного союза. Затем, в ноябре 2009 г., были подписаны документы о создании с 2010 г. Таможенного союза, в декабре того же года разработан План действий по формированию Единого экономического пространства. С января 2010 г. был введён единый таможенный тариф, и в июне того же года был принят Таможенный кодекс Таможенного союза.

Россия, Казахстан и Белоруссия уделяли повышенное внимание вопросам экономической интеграции. В ноябре 2011 г. страны подписали декларацию «О евразийской экономической интеграции», в которой провозглашалась задача к 2015 г. создать Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

В последние годы развитие ЕАЭС происходит в условиях кардинальных экономических и политических трансформаций в мире. Обострение отношений между Россией и Западом сказывается на развитии интеграционного объединения. Страны Запада применяют санкционную политику, что негативно влияет на развитие отдельных государств, входящих в ЕАЭС. Значительные изменения происходят в политическом развитии стран ЕАЭС. Дополнительные сложности в развитии интеграционного объединения возникли после 2020 г., когда началась эпидемия коронавируса. В результате в 2020 г. страны столкнулись с необходимостью выделить дополнительные бюджетные средства на борьбу с пандемией коронавируса и привлечь внешние средства, что привело к росту внешней задолженности. В целом пандемия коронавируса оказала негативное влияние на социально-экономическое развитие стран ЕАЭС, сказалась на торгово-экономических отношениях стран, входящих в объединение. Ситуация стала меняться в 2021 г., когда страны ЕАЭС расширили торговлю внутри интеграционного объединения.

Первые итоги деятельности ЕАЭС

ЕАЭС, в который входят Россия, Белоруссия, Казахстан, Армения и Казахстан, рассматривается в качестве одного из перспективных интеграционных проектов на постсоветском пространстве. Его созданию предшествовали проекты Таможенного союза и Единого экономического пространства. Они сыграли свою положительную роль, позволили накопить опыт взаимодействия в новых геополитических условиях, на новой основе.

Создание ЕАЭС отражает возросший интерес отдельных стран постсоветского пространства к углублению сотрудничества на многосторонней основе. Страны постсоветского пространства имеют ограниченные возможности для выхода на внешний рынок. В частности, страны ЕС жёстко защищают экономические интересы, используя широкий набор инструментов. В итоге необходимость поддержки собственной промышленности, ограниченные возможности по развитию торгово-экономических отношений с западными странами определили внешнеэкономический курс ряда стран постсоветского пространства. Заинтересованность в интеграции усиливают внутривнутриполитические процессы (Киргизия, Армения), а также неблагоприятная внешнеполитическая ситуация (Армения, Белоруссия), вызванная в том числе давлением со стороны внерегиональных государств.

Развитие интеграционного объединения сталкивается с различными трудностями, которые не позволили сделать рывок в торгово-экономической сфере. Более того, период с 2015 г., когда интеграционное объединение начало свою работу, и до 2021 г. характеризуется нестабильным развитием ЕАЭС. В этот период показатели внешней торговли внутри интеграцион-

ного объединения не отличались постоянством. Так, первый год работы ЕАЭС (2015 г.) показал отрицательную динамику развития сотрудничества во внешней торговле. Объём взаимной торговли сократился на 25 % [Доклад «О состоянии взаимной торговли...», 2017]. Основное влияние на сокращение торговли оказало падение цен на углеводородные ресурсы, которые обращались в странах ЕАЭС. В 2016 г. отрицательная динамика сохранилась, хотя по сравнению с 2015 г. она была уже меньше — 6,7 % [Доклад «О состоянии взаимной торговли...», 2017].

В 2017–2019 гг. взаимная торговля между членами ЕАЭС стала улучшаться, демонстрируя рост. В 2017 г. объём взаимной торговли увеличился на 27,4 % по сравнению с 2016 г. и достиг 54,7 млрд долл. [Доклад «О состоянии взаимной торговли...», 2018]. В 2018 и 2019 гг. взаимная торговля продолжала расти и увеличилась на 10,1 и 2,3 % соответственно. В стоимостном выражении это составило 60,2 млрд и 61,6 млрд долл. соответственно [Доклад «О состоянии взаимной торговли...», 2020]. При этом по итогам 2019 г. стоимостный объём взаимного товарооборота между государствами — членами ЕАЭС достиг 61,6 млрд долл. Тем не менее по итогам пяти лет работы ЕАЭС взаимная торговля между странами, входящими в интеграционное объединение, стала меньше, чем она была, например, в 2012 г. между Беларуссией, Казахстаном и Россией, — 67,9 млрд долл. [Доклад «О результатах анализа динамики...», 2015].

Медленными темпами проходил переход стран ЕАЭС к расчётам в национальных валютах. Рубль является основной валютой расчёта в осуществлении взаимной торговли. На него приходится свыше 75 % расчётов. Однако около 20 % расчётов осуществляется в долларах. Это создаёт определенные риски для стран ЕАЭС из-за подверженности влиянию цен на нефть, а также в случае возникновения неблагоприятных кризисных явлений в мировой экономике [Доклад «О состоянии взаимной торговли ...», 2020].

В условиях пандемии коронавируса

Пандемия коронавируса оказала негативное влияние на социально-экономическое развитие стран ЕАЭС. Закрывание границ, прекращение туризма, ограничения на поставки товаров были вынужденными мерами, к которым прибегли страны в борьбе против пандемии. Это сказалось на двусторонних и многосторонних торгово-экономических отношениях между странами. Все страны в сжатые сроки разрабатывали меры, направленные на борьбу с пандемией коронавируса и преодоление негативных последствий для национальных экономик [Жильцов, 2020: 8–17].

В 2020 году объёмы взаимной торговли вновь снизились. Объём взаимной торговли товарами между странами ЕАЭС составил 55,1 млрд долл. — 89,3 % к уровню 2019 г. [Аналитический обзор «О взаимной торговле това-

рами...», 2021]. На снижение объёмов торговли негативное влияние оказала пандемия коронавируса, санкционная политика против основного участника ЕАЭС – России. В целом западные страны негативно относились к формированию на постсоветском пространстве интеграционного объединения, которое могло составить конкуренцию и затруднить реализацию собственных интересов. Кроме того, в США и ЕС считали, что политика с позиции силы, помимо достижения внешнеполитических задач, позволит стабилизировать социально-экономическую ситуацию в собственных странах [Лукьянович, 2021: 78–96].

На развитие стран ЕАЭС негативное влияние оказали процессы, происходящие в мировой экономике. Наряду с рецессией, вызванной карантинными мерами, – шок системы здравоохранения, остановка производств и оказания услуг, резкое падение внешнего спроса и отток капитала – дополнительными «отягчающими обстоятельствами» выступили торговые войны, кризис многосторонней торговой системы и санкции, накопившиеся структурные проблемы в экономиках, неблагоприятная ситуация на рынке нефти [Последствия пандемии..., 2020: 6]. В частности, ситуация на рынке нефти в 2020 г. оказала негативное влияние на страны постсоветского пространства, добывающие углеводородные ресурсы. В итоге за период с 2015 по 2021 г. в рамках ЕАЭС не удалось достигнуть стабильного роста взаимной торговли между государствами-членами. Сказывалось доминирование во внешней торговле стран ЕАЭС третьих государств, сохранились различия в ВВП, что создавало трудности в гармонизации экономических режимов и сближении темпов экономического развития.

В середине 2020 г. усилия стран интеграционного объединения были направлены на стабилизацию экономической ситуации. Страны ЕАЭС были вынуждены направить дополнительные бюджетные средства на борьбу с пандемией и преодоление социально-экономических последствий. Для поддержания экономического развития страны ЕАЭС в условиях пандемии стремились поддержать потребительский спрос. Данный подход дал кратковременный положительный эффект практически во всех странах ЕАЭС, позволив стабилизировать экономическую и политическую ситуацию. Однако в целом это привело к негативным последствиям, что проявилось в наращивании внешнего и внутреннего долга, снижении объёмов товарооборота между странами ЕАЭС. Высший экономический совет ЕАЭС отмечал, что на 2020–2021 гг. ключевой целью макроэкономической политики являлось сохранение макроэкономической стабильности и достигнутого уровня жизни населения в государствах-членах, а также формирование основ для опережающего экономического развития ЕАЭС [Решение Высшего ЭС от 19.05.2020 № 6]. В качестве основных ориентиров на 2021–2022 гг. была предусмотрена реализация таких мер, как обеспечение макроэкономической стабильности и формирование благоприятных условий для восстановления

предпринимательской активности и наращивания объёмов инвестиций, создание благоприятных условий для развития производственной кооперации в обрабатывающей промышленности государств-членов, развитие научно-технологического и производственного потенциала ЕАЭС, а также расширение возможностей внутреннего рынка ЕАЭС и взаимовыгодных отношений с третьими странами [Решение Высшего ЭС от 21.05.2020 № 9].

Тренд на расширение сотрудничества

Несмотря на трудности, с которыми столкнулись страны ЕАЭС в 2020 г., в 2021 г. они сумели стабилизировать ситуацию в национальных экономиках. Это позволило увеличить товарооборот между странами интеграционного объединения. Как заявил на заседании Евразийского межправительственного совета премьер-министр России Михаил Мишустин, «по итогам 9 месяцев 2021 г. товарооборот между странами ЕАЭС вырос более чем на 30 %»¹. При этом, как отметил глава российского правительства, «в текущем году ликвидированы три торговых барьера и два препятствия. Утверждена дорожная карта по устранению изъятий и ограничений на едином рынке до конца следующего года»².

В октябре 2020 г. Евразийская экономическая комиссия обсуждала вопрос формирования перечня изъятий и ограничений на 2021–2022 гг.³. Устранение барьеров, создание безбарьерной среды в ЕАЭС рассматриваются в качестве ключевой задачи. В частности, президент Казахстана К.-Ж. К. Токаев отмечал, что «безусловный приоритет устранения сохраняющихся барьеров во взаимной торговле между нашими странами. При этом в первую очередь следует сосредоточить усилия на барьерах, оказывающих наибольший негативный эффект на взаимную торговлю» [Обращение Президента Республики Казахстан..., 2021].

Ситуация, когда происходит столкновение национальных интересов в рамках ЕАЭС, наблюдается и в случае применения одним из государств-членов односторонних ограничительных мер в торговле с третьими странами. Соответственно, перед странами ЕАЭС на перспективу стоит задача по устранению не только существующих барьеров. Главное задачей является не допустить появления новых барьеров, поскольку это негативно скажется на развитии интеграционного объединения.

¹ Страны ЕАЭС нарастили взаимную торговлю, несмотря на пандемию // <https://eadaily.com/ru/news/2021/11/19/strany-eaes-narastili-vzaimnyu-torgovlyu-nesmotrya-na-pandemiyu-mishustin>, дата обращения 20.11.2021.

² Там же.

³ ЕАЭС начал формировать новую «дорожную карту» по устранению препятствий на период 2021–2022 годы // <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/2020-10-13-1.aspx>, дата обращения 18.11.2021.

Несмотря на пандемию коронавируса, в декабре 2020 г. было принято решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» [Решение Высшего ЭС от 11.12.2020 г. № 12]. Комплексная программа среднесрочного развития определила ключевые меры и механизмы, необходимые для достижения целей и задач, которые были определены странами ЕАЭС. Документ был направлен на дальнейшее развитие интеграционного потенциала ЕАЭС посредством сближения уровней экономического развития государств – членов ЕАЭС, расширения областей экономического сотрудничества, а также совершенствования регулятивной среды и институтов ЕАЭС.

Таким образом, в 2021 г. страны восстановили торгово-экономическое сотрудничество, которое пострадало в период начала пандемии. Так, в период пика пандемии наблюдалась рассогласованность в действиях государств – членов ЕАЭС в отношении товаров в рамках объединения, что привело к формированию дополнительных барьеров. Страны ЕАЭС вводили ограничения на экспорт в отношении всех стран, включая государства, входящие в интеграционное объединение.

Заключение

Ключевой задачей стран, входящих в ЕАЭС, является преодоление экономических проблем и разногласий. Речь идёт о большей координации в рамках ЕАЭС в соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе [Договор о Евразийском экономическом союзе, 2014]. Передача части полномочий органам интеграционного объединения пока не обсуждается и может быть реализована в долгосрочной перспективе. Хотя на необходимость развития наднационального потенциала в ЕАЭС ещё в 2018 г. указывал В. В. Путин, который отмечал, что «Россия выступает за последовательное укрепление наднационального потенциала Союза, в частности за расширение в этом контексте компетенций Евразийской экономической комиссии. Ведь тем самым мы стимулируем дальнейшее сближение экономик стран Союза и максимально задействуем их возможности для решения общих интеграционных задач» [Обращение Председателя ВЭС, 2018]. Сходное заявление сделал белорусский президент А. Г. Лукашенко. В 2020 г. он отмечал, что существует необходимость «усовершенствования институциональной структуры Союза, приведения в соответствие с современными и перспективными этапами развития евразийской интеграции компетенции Евразийской экономической комиссии и Суда ЕАЭС. При этом усиление наднациональной компетенции Евразийской экономической комиссии, в первую очередь, требуется в сферах с наибольшим количеством барьеров и изъятий: техническое регулирование, применение

санитарных, ветеринарных и фитосанитарных мер, осуществление государственных закупок, предоставление субсидий» [Обращение Президента Республики Беларусь..., 2020].

Заявления лидеров стран ЕАЭС не были реализованы на практике и не имеют шансов получить практическое воплощение в среднесрочной перспективе. Это связано с продолжающимся процессом формирования национальных государств, острой политической борьбой в каждом из них, отсутствием устоявшихся традиций передачи власти. Наконец, не преодолены противоречия между интересами отдельных стран – участниц ЕАЭС, что связано с однотипностью экономик.

В числе приоритетных задач стран ЕАЭС входит устранение барьеров, стоящих на пути расширения интеграционного взаимодействия. Это касается таких вопросов, как обеспечение свободного перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Этот уровень взаимодействия рассматривается странами ЕАЭС в качестве приоритета их внешней политики.

С 2014 г. в рамках интеграционного проекта не была реализована концепция обеспечения «четырёх свобод» – свободы перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы [Договор о Евразийском экономическом союзе, 2014]. Это связано с наличием внутренних барьеров. Прежде всего это вопросы технического регулирования, энергетической политики, государственных закупок, финансовой политики, промышленности и транспорта. Препятствия разделены на три категории: барьеры, изъятия и ограничения. К барьерам отнесены «препятствия для “четырёх свобод” в рамках внутреннего рынка ЕАЭС, которые возникают ввиду несоответствия норм законодательства государств – членов ЕАЭС либо сложившейся в государствах-членах правоприменительной практики праву Союза» [Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 02.02.2021 № 10].

Барьеры должны устраняться в первую очередь, то есть в оперативном порядке, поскольку их возникновение является следствием нарушения права ЕАЭС, которое имеет приоритет над национальным законодательством, либо его неправильным применением государствами – членами ЕАЭС. При этом для устранения барьеров не требуется внесения каких-либо изменений в право ЕАЭС. К ограничениям отнесены препятствия для «четырёх свобод», возникающие вследствие отсутствия правового регулирования экономических отношений, развитие которых предусмотрено правом ЕАЭС, то есть ввиду наличия правовых пробелов. Для устранения ограничений органами ЕАЭС, в частности ЕЭК, должна быть проведена работа по подготовке и принятию актов, направленных на урегулирование отношений, в рамках которых выявлено ограничение. К изъятиям отнесены исключения (отступления) в части неприменения

каким-либо государством – членом ЕАЭС общих правил функционирования внутреннего рынка ЕАЭС. При этом такие исключения (отступления) должны быть непосредственно предусмотрены правом ЕАЭС, то есть государства-члены должны согласовать возможность изъятий с другими государствами-членами. В настоящее время органами ЕАЭС проводится планомерная работа по устранению имеющихся препятствий для «четырёх свобод», в рамках которой ЕЭК сформирован, и ведётся реестр препятствий [Реестр препятствий].

Одной из проблем, которые должны быть решены в странах ЕАЭС, является переход к единой валюте. Одним из компромиссных вариантов, с которым согласны участники интеграционного объединения, является введение единой цифровой валюты ЕАЭС⁴. Этот шаг позволил бы усилить интеграционные процессы в ЕАЭС.

В целом страны интеграционного объединения не рассматривают варианты внедрения единой валюты, поскольку не готовы к подобному уровню интеграции. Позиции стран ЕАЭС по данному вопросу различаются. К числу первоочередных мер в странах ЕАЭС относят расширение использования российской валюты, вытеснение валюты третьих стран. Завершение гармонизации законодательства государств – членов ЕАЭС в сфере финансовых рынков и последующее создание единого наднационального органа по регулированию финансового рынка запланированы на 2025 г. [Договор о Евразийском экономическом союзе, 2014].

Происходят изменения во внешней торговле отдельных стран ЕАЭС. В структуре внешней торговли России роль ЕС постепенно снижается, притом что возрастает значение государств АТР, прежде всего Китая [Лукьянович, 2021: 78–96]. Считается, что в 2022–2024 гг. ВВП в странах ЕАЭС вырастет на 2,8 % [Последствия пандемии..., 2020: 9].

Превращение ЕАЭС в полноценное интеграционное объединение затрудняют серьёзные политические разногласия между государствами-членами, недостаточная проработанность основы евразийской интеграции, а также монополизация интеграционного взаимодействия исполнительной власти. Кроме того, негативное влияние оказывают структурные диспропорции, а также преимущественно сырьевая специализация [Лукьянович, 2021: 78–96]. В этом контексте большое внимание обращено к стратегии, принятой в декабре 2020 г. Основная задача, которую должна решать стратегия, – это создание условий для опережающего развития экономики государств-членов, подъёма инвестиционной и инновационной активности, повышение конкурентоспособности [Евразийский экономический союз, 2020: 7–17].

⁴ Минфин России допустил ввод единой цифровой валюты ЕАЭС в 2020–2021 годах // <https://tass.ru/ekonomika/5941194>, дата обращения 17.11.2021.

Список литературы

Алшанов Р. А., 2010. Экономика Казахстана и России: пути интеграции и развитие конкуренции // Актуальные проблемы торгово-экономического и финансового сотрудничества Казахстана и России в условиях глобального кризиса: Материалы V Казахстан.-рос. науч.-практ. конф. (Алм-Ата, 21 апреля 2010 г.) / Отв. ред. Б. К. Султанов. Алма-Ата: КИСИ при Президенте РК. С. 29.

Евразийский экономический союз. Цифры и факты. М.: Евраз. экон. комиссия, 2020. 17 с.

Жильцов С. С., 2020. Коронавирус ударил по странам постсоветского пространства // Проблемы постсоветского пространства. Т. 7. № 1. С. 8–17 // <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-1-8-17>.

Лукьянович Н. В., 2021. Перспективы евразийской экономической интеграции в контексте роста глобальных вызовов и угроз // Проблемы национальной стратегии. № 1. С. 78–96.

Последствия пандемии для развития стран ЕАЭС: опыт антикризисных мер, уроки для перспектив интеграции. М.: Всерос. акад. внеш. торговли, 2020. 91 с.

Султанов Б. К., 2014. Концепция внешней политики Казахстана и евразийская экономическая интеграция // Евразийский экономический союз: от идеи к реализации (к 20-летию выступления Президента РК Н. А. Назарбаева в МГУ им. М. В. Ломоносова): Материалы междунар. конф. (Алма-Ата, 18 марта 2014 г.). Алма-Ата: КИСИ при Президенте РК. С. 81.

Аналитический обзор Евразийской экономической комиссии «О взаимной торговле товарами Евразийского экономического союза» // http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/2021/Analytics_I_202012_180.pdf, дата обращения 15.11.2021.

Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) // http://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0043610/itia_05062014, дата обращения 17.11.2021.

Доклад «О результатах анализа динамики взаимной торговли государств – членов Таможенного союза и Единого экономического пространства в 2010–2014 годах» // http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/report/Report_2010-2014.PDF, дата обращения 15.11.2021.

Доклад «О состоянии взаимной торговли между государствами – членами Евразийского экономического союза в 2015–2016 годах», 2017 // https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/2df/Report_2015_2016.pdf, дата обращения 10.11.2021.

Доклад «О состоянии взаимной торговли между государствами – членами Евразийского экономического союза в 2019 году» // https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/84f/Report_2019.pdf, дата обращения 15.11.2021.

ЕАЭС начал формировать новую «дорожную карту» по устранению препятствий на период 2021–2022 годы // <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/2020-10-13-1.aspx>, дата обращения 18.11.2021.

Обращение Председателя Высшего Евразийского экономического совета, Президента России Владимира Путина к главам государств – членов Евразийского экономического союза, 2018. 18 января // <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/18-01-2018-2.aspx>, дата обращения 16.11.2021.

Обращение Президента Республики Беларусь, Председателя ВЕЭС Александра Лукашенко к главам государств – членов Евразийского экономического союза, 2020. 9 января // https://eec.eaeunion.org/news/09-01-2020-1/?sphrase_id=55267, дата обращения 16.11.2021.

Обращение Президента Республики Казахстан Касым-Жомарта Кемелевича Токаева к главам государств – членов Евразийского экономического союза, 2021. 18 января // https://eec.eaeunion.org/news/obrashchenie-prezidenta-respubliki-kazahstan-kasym-zhomarta-kemelevicha-tokaeva-k-glavam-gosudarstv-chlenov-evrazijskogo-ehkonomicheskogo-soyuza/?sphrase_id=55735, дата обращения 18.11.2021.

Реестр препятствий // <https://barriers.eaeunion.org/ru-ru/Pages/obstacles.aspx>, дата обращения 18.11.2021.

Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» // http://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428320/err_12012021_12, дата обращения 14.11.2021.

Решение Высшего Евразийского экономического совета от 19.05.2020 № 6 «Об основных ориентирах макроэкономической политики государств – членов Евразийского экономического союза на 2020–2021 годы» // http://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01426205/err_16062020_6, дата обращения 19.11.2021.

Решение Высшего Евразийского экономического совета от 21.05.2021 № 9 «Об основных ориентирах макроэкономической политики государств – членов Евразийского экономического союза на 2021–2022 годы» // http://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01429785/err_14072021_9, дата обращения 19.11.2021.

Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 02.02.2021 № 10 «Об утверждении Методологии разделения препятствий на внутреннем рынке Евразийского экономического союза на барьеры, изъятия и ограничения и признания барьеров устранёнными» // http://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428533/err_08022021_10, дата обращения 20.11.2021.

Страны ЕАЭС нарастили взаимную торговлю, несмотря на пандемию // <https://eadaily.com/ru/news/2021/11/19/strany-eaes-narastili-vzaimnyu-torgovlyu-nesmotrya-na-pandemiyu-mishustin>, дата обращения 20.11.2021.

Минфин России допустил ввод единой цифровой валюты ЕАЭС в 2020–2021 годах // <https://tass.ru/ekonomika/5941194>, дата обращения 17.11.2021.

ZHILTSOV Sergey S.,

Doctor of Political Sciences, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Address: 53/2, Ostozhenka str., Moscow, 119021, Russian Federation

SPIN-code: 4297-7880

ORCID: 0000-0002-4898-2627

DOI: 10.48137/2687-0703_2021_16_4_95

EAEU CONTEMPORARY DEVELOPMENT: RESULTS AND NEW CHALLENGES

Received: 21.11.2021.

For citation: *Zhiltsov S. S.*, 2021. EAEU Contemporary Development: Results and New Challenges. – *Geoeconomics of Energetics*. № 4 (16). P. 95-108. DOI: 10.48137/2687-0703_2021_16_4_95

Keywords: Eurasian Economic Union, energy, coronavirus pandemic, barriers, sanctions.

Abstract

The coronavirus pandemic, beginning in 2020, adversely affected the development of the Eurasian Economic Union (EAEU). The countries of the integration union faced economic problems. First the EAEU states were forced to increase spending on combating the pandemic and its consequences. Added budget cost and attracting external funds had a negative impact on the macroeconomic indicators in all states of the union. As a result, mutual trade within the integration union decreased. The situation began to change in 2021, when the EAEU countries managed to adapt their national economies to changes in the economic sphere. Measures taken in the countries of the integration union had a positive effect. Macroeconomic indicators were improved, the countries expanded interaction in foreign trade as well as within the integration union.

The development of the EAEU coincided with growing contradictions between Russia and the United States, which continued to actively use the sanctions policy, changes in political and economic relations between Belarus and the West, price changes in the world oil and gas markets.

The key objective of the EAEU countries is still by far enhanced interaction in the trade and economic sphere and overcoming the hurdles within the integration union. The need for removing barriers to internal trade within the EAEU, creating a mechanism ensuring the interests of the states in energy, industry and transport is therefore acute. Thus, moving to a qualitatively new level of the integration union development, which will have a positive effect on the development of national economies, is high on the agenda for the EAEU countries.

References

Alshanov R. A., 2010. Economy of Kazakhstan and Russia: Ways of integration and Development of Competition // Actual Problems of Trade, Economic and Financial Cooperation between Kazakhstan and Russia in the context of the global Crisis: Materials of the 5th Kazakh-Russian scientific and practical Conference (Almaty, April 21, 2010) / Ed. B. K. Sultanov. Almaty: KISS under the President of the Republic of Kazakhstan. P. 29. (In Russ.)

Eurasian Economic Union. Figures and Facts. Moscow: Eurasian Economic Commission, 2020. 17 p. (In Russ.)

Zhil'tsov S. S., 2020. Coronavirus hits former-Soviet countries // Post-Soviet Issues. Vol. 7. № 1. P. 8–17 // <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-1-8-17> (In Russ.)

Lukyanovich N. V., 2021. Prospects for Eurasian economic integration in the context of the growth of global challenges and threats // Problems of the national strategy. № 1. P. 78–96. (In Russ.)

Consequences of the pandemic for the development of the EAEU countries: experience of anti-crisis measures, lessons for the prospects for integration. Moscow: All-Russian Academy of Foreign Trade, 2020. 91 p. (In Russ.)

Sultanov B. K. Concept of foreign policy of Kazakhstan and Eurasian economic integration // Eurasian Economic Union: from idea to implementation (on the occasion of the 20th anniversary of the speech of the President of the Republic of Kazakhstan N. A. Nazarbayev at Moscow State University named after M. V. Lomonosov). Materials of the international conference (Almaty, March 18, 2014). Almaty: KISS under the President of the Republic of Kazakhstan. P. 81. (In Russ.)

Analytical review of the Eurasian Economic Commission “On mutual trade in goods of the Eurasian Economic Union” // http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/2021/Analytics_I_202012_180.pdf, accessed 15.11.2021. (In Russ.)

The Treaty on the Eurasian Economic Union (signed in Astana on 29.05.2014) // http://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0043610/itia_05062014, accessed 17.11.2021. (In Russ.)

Report “On the results of the analysis of the dynamics of mutual trade of the member States of the Customs Union and the Single Economic Space in 2010–2014” // http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/report/Report_2010-2014.PDF, accessed 15.11.2021. (In Russ.)

Report “On the state of mutual trade between the member States of the Eurasian Economic Union in 2015–2016”, 2017 // https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/2df/Report_2015_2016.pdf, accessed 10.11.2021. (In Russ.)

Report “On the state of mutual trade between the member States of the Eurasian Economic Union in 2019” // https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/84f/Report_2019.pdf, accessed 15.11.2021. (In Russ.)

The EAEU has begun to form a new “road map” to eliminate obstacles for the period 2021–2022 // <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/2020-10-13-1.aspx>, accessed 18.11.2021. (In Russ.)

Address of the Chairman of the Supreme Eurasian Economic Council, President of Russia Vladimir Putin to the heads of the member states of the Eurasian Economic Union. 2018. January 18 // <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/18-01-2018-2.aspx>, accessed 16.11.2021. (In Russ.)

Address of the President of the Republic of Belarus, Chairman of the EEU Alexander Lukashenko to the heads of the member states of the Eurasian Economic Union. 2020. January 9 // https://eec.eaeunion.org/news/09-01-2020-1/?sphrase_id=55267, accessed 16.11.2021. (In Russ.)

Address of the President of the Republic of Kazakhstan Kassym-Jomart Tokayev to the heads of the member states of the Eurasian Economic Union. 2021. January 18 // https://eec.eaeunion.org/news/obrashchenie-prezidenta-respubliki-kazahstan-kasym-zhomarta-kemelevicha-tokaeva-k-glavam-gosudarstv-chlenov-evrazijskogo-ehkonomicheskogo-soyuza/?sphrase_id=55735, accessed 18.11.2021. (In Russ.)

Register of obstacles // <https://barriers.eaeunion.org/ru-ru/Pages/obstacles.aspx>, accessed 18.11.2021. (In Russ.)

Decision of the Supreme Eurasian Economic Council No. 12 dated 11.12.2020 “On Strategic directions for the development of Eurasian economic Integration until 2025” // http://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428320/err_12012021_12, accessed 14.11.2021. (In Russ.)

Decision of the Supreme Eurasian Economic Council No. 6 dated 05/19/2020 “On the main guidelines of the macroeconomic policy of the member States of the Eurasian Economic Union for 2020–2021” // http://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01426205/err_16062020_6, accessed 19.11.2021. (In Russ.)

Decision of the Supreme Eurasian Economic Council No. 9 dated 05/21/2021 “On the main guidelines of the macroeconomic policy of the member States of the Eurasian Economic Union for 2021-2022” // http://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01429785/err_14072021_9, accessed 19.11.2021. (In Russ.)

Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission No. 10 dated 02.02.2021 “On approval of the Methodology for Dividing Obstacles in the Internal Market of the Eurasian Economic Union into barriers, Exemptions and restrictions and Recognition of barriers eliminated” // http://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428533/err_08022021_10, accessed 20.11.2021. (In Russ.)

The EAEU countries have increased mutual trade, despite the pandemic // <https://eadaily.com/ru/news/2021/11/19/strany-eaes-narastili-vzaimnuyu-torgovlyu-nesmotrya-na-pandemiyu-mishustin>, accessed 20.11.2021. (In Russ.)

The Ministry of Finance of Russia allowed the introduction of a single digital currency of the EAEU in 2020–2021 // <https://tass.ru/ekonomika/5941194>, accessed 17.11.2021. (In Russ.)

Кубатбек РАХИМОВ
Акбермет АЗИЗОВА

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗНОСКОРОСТНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ЕАЭС

Дата поступления в редакцию: 12.11.2021.

Для цитирования: Рахимов К. К., Азизова А. А., 2021. Перспективы разноскоростной интеграции в ЕАЭС. – Геоэкономика энергетики. № 4 (16). С. 109-119. DOI: 10.48137/2687-0703_2021_16_4_109

В статье рассмотрено историческое развитие разноскоростной формы интеграции в ЕАЭС, её нынешнее состояние и перспективы при условии расширения и углубления связей на примере Европейского союза. Само формирование такой интеграционной единицы на мировой сцене есть показатель разноскоростной модели, при которой каждое государство идёт на более тесное сотрудничество в том ритме, который позволяют её возможности и интересы. ЕАЭС сформировался как результат процесса евразийской интеграции, который готовился ещё в рамках СНГ, Таможенного союза и ЕвразЭС. Авторы выделяют необходимость адаптировать модель сотрудничества исходя из вызовов и новых реалий. Приводится пример РКФР (Российско-Киргизский фонд развития) как одного из механизмов разноскоростной интеграции, который применяется в процессе интеграции Кыргызской Республики в ЕАЭС. Предлагается расширить практику РКФР, развивать проектную деятельность союза в рамках Евразийского банка развития и применять её на уровне ЕАЭС при расширении союза или углублении связей её государств.

РАХИМОВ Кубатбек Калыевич, доктор экономических наук, исполнительный директор ОФ «Аппликата – Центр стратегических решений». Адрес: Кыргызская Республика, г. Бишкек, 720001, ул. Исанова, 79-808. E-mail: kubat.rakhimov@gmail.com. ORCID: 0000-0003-3756-9375.

АЗИЗОВА Акбермет Бакытовна, магистрант кафедры теории и истории международных отношений, РУДН. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 117198, ул. Миклухо-Маклая, 6. E-mail: azizova.akbermet@gmail.com.

Ключевые слова: разноскоростная интеграция, Евразийский экономический союз, Европейский союз, СНГ, РКФР, расширение и углубление, механизмы, перспективы.

Формирование региональных объединений требует стабильности и в то же время гибкости, то есть способности приспосабливаться к новым вызовам и постоянно меняющимся условиям. В международном опыте интеграции проявились сложности при разрешении вопросов совместной экономической деятельности, проведении общей политики и других касающихся интеграции аспектов. Особенно это проявляется, когда у стран-участниц неравные позиции и в процессе интеграции перестраивается экономика.

Одинаковый уровень экономического развития или потенциала стран служил бы главной предпосылкой эффективной экономической интеграции. Таких случаев очень мало в мировом опыте. Как отмечают Николай Абросимов и Дмитрий Шевченко, «в каждом регионе есть лидер или же главенствующая группа, которые тянут за собой остальные страны. Такой характер объединения называется асимметричным» [Абросимов, Шевченко, 2017: 37]. В своём исследовании они рассмотрели ЕАЭС во главе с Российской Федерацией, НАФТА во главе с США и ЕС с главенствующей группой региональных экономических держав: Германией, Францией, Италией, Испанией.

Очевидное главенство не всегда даёт право и привилегию диктовать условия другим членам — участникам объединений. В таком контексте часто страны ищут новые варианты взаимодействия между собой или между наиболее приближёнными в экономическом, политическом и культурном плане государствами.

В постсоветском пространстве представляется похожий процесс интеграции, хотя и с некоторыми отличиями. Как утверждал Кирилл Коктыш, «Евразийский экономический союз возник в результате того, что в рамках СНГ договориться по самому широкому спектру вопросов не удалось из-за числа участников и отсутствия взаимного доверия внутри него, именно поэтому и был выделен узкий круг вопросов, по которым и договорились Россия, Белоруссия и Казахстан, а ещё две страны присоединились вскоре после формирования организации»¹.

С этой точки зрения ЕАЭС представляется субрегиональной организацией и стремлением некоторых государств к более тесной интеграции. Не все страны СНГ готовы вступить в неё, но каждая из них имеет потенциал.

Михаил Кротов и Валерий Мунтиян анализировали историю формирования Евразийского союза в 2015 г. и констатировали, что «ЕАЭС является результатом процесса евразийской интеграции, который готовился ещё в рамках СНГ, Таможенного союза, ЕвразЭС. В своём развитии евразийская экономическая интеграция прошла два этапа: Таможенный союз и Единое экономическое пространство — и затем наступил этап Евразийского экономического союза» [Кротов, Мунтиян, 2015: 33].

¹ Сегодня в Астане поставлена точка в создании Евразийского экономического союза // <http://echo.msk.ru/news/1329978-echo.html>, дата обращения 17.11.2021.

Однако, по итогам анализа Владимира Троицкого, разноскоростной вид интеграции всегда имел место быть в правовых документах СНГ и Единого экономического пространства (ЕЭП). Например, в статье 5 соглашения: «ЕЭП формируется поэтапно, с учётом возможности разноуровневой и разноскоростной интеграции... Разноуровневая и разноскоростная интеграция означает, что каждая Сторона самостоятельно определяет, в каких из направлений развития интеграции или отдельных интеграционных мероприятиях она принимает участие и в каком объёме» [Соглашение о формировании ЕЭП, 2003].

Упоминание же о разноуровневой и разноскоростной интеграции можно встретить в целом ряде документов. *Во-первых*, в Меморандуме Совета глав государств Содружества Независимых Государств «Основные направления интеграционного развития Содружества Независимых Государств», который гласит: «Сохранение возможности разноскоростного движения в Содружестве, многовариантности форм участия в его деятельности позволит гибко учитывать интересы партнёров, их возможные особые позиции, продвигаться по пути углубления интеграции между теми странами, которые готовы к более тесному взаимодействию в различных сферах» [Решение о Меморандуме..., 1994]. *Во-вторых*, в Концепции экономического интеграционного развития Содружества Независимых Государств от 28 марта 1997 г., в которой указывается на «уровни разноскоростной интеграции как на ориентиры межгосударственного сотрудничества в сфере экономики» [Решение о проекте Концепции..., 1997].

Таким образом, международная организация экономической интеграции в этом региональном пространстве была учреждена после подписания Договора о Евразийском экономическом союзе в 2014 г. и вступила в силу 1 января 2015 г. [Договор..., 2014].

На данном этапе государствами – членами Евразийского экономического союза являются Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация. М. Кротов и В. Мунтиян исключали мысль о том, что страны содружества (СНГ) прошли «точку невозврата» в интеграционных процессах, считая неправильным лишать любые страны СНГ и их народы перспективы глубокой связи с ведущими странами интеграционных процессов: «...на практике подключение стран-кандидатов к евразийской интеграции по мере их готовности может быть многоступенчатым: зона свободной торговли, Таможенный союз, Единое экономическое пространство, полноценный Евразийский экономический союз» [Кротов, Мунтиян, 2015: 33].

Такой процесс сужения и углубления сотрудничества укрепил связи между государствами – членами ЕАЭС по сравнению с ситуацией в СНГ, поскольку членство в союзе обязывает участников гарантировать свободное перемещение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, а также согласо-

ванно вести политику в главных секторах экономики: энергетике, промышленности, сельском хозяйстве, транспорте.

Исходя из договора целями создания такого интеграционного союза являются всесторонняя модернизация, сотрудничество и повышение конкурентоспособности национальных экономик на мировом рынке и создание условий для развития. Учёные предупредили о крайностях при определении будущих границ ЕАЭС – например, это неоправданное стремление расширения без выполнения кандидатами в Евразийский экономический союз всех необходимых условий, учитывая опыт Европейского союза. В то же время каждая страна СНГ имеет шанс вступить в тесный союз по мере готовности. Это и есть разносторонняя модель интеграции, которую практикует ЕАЭС, требующая более внимательного изучения. Институтом законодательства и сравнительного правоведения сделан вывод в процессе моделирования интеграционных процессов и документов начиная с 1990 года, что «создание Евразийского экономического союза предполагает обеспечение, с одной стороны, устойчивости союза, а с другой – динамизма его развития, способности приспосабливаться к постоянно меняющимся экономическим, социальным и международным условиям» [Хабриева, 2013: 21]. Европейский союз может служить примером жизнедеятельности организации, потому что он примиряет различные формы интеграции в своём процессе углубления и расширения, принимая вызовы в часто меняющихся реалиях.

Общий международный опыт к сегодняшнему дню показал трудность решения задач одновременно всеми государствами, которые являются членами той или иной интеграционной организации. Есть много факторов, порождающих сложности в процессе сотрудничества. Такие союзные организации имеют склонность расширяться и углубляться с течением времени. В такой постоянной динамике новые формы и модели интеграции служат решением задач.

Европейскому союзу всегда необходимо было сталкиваться с последствиями расширения и удовлетворять все требования разнообразного общества. Людмила Бабынина утверждает, что следствием таких процессов явились значительные различия у членов союза в интересах и возможностях, а также в понимании целей и задач интеграции, «реакцией на рост качественных различий внутри группировки и сложности при поиске устраивающих всех решений стало отступление от единовременного и единообразного продвижения интеграции» [Бабынина, 2010: 34]. Таким образом, в союзе с давних пор появилась гибкая форма интеграции и её главные виды были зафиксированы во всех основополагающих договорах. Если «Маастрихтский договор ввёл фактическое функционирование гибкой интеграции в важных областях деятельности ЕС и закрепил существование системы исключений» [Бабынина, 2010: 34], то в Амстердамском договоре «конституционное закрепление концепции гибкости было одним из немно-

гих новых институциональных отклонений» [*Philippart, Edwards, 1999: 4*]. По исследованиям этих же авторов, в Амстердамском договоре фактически было закреплено применение разнообразных типов и форм гибкой интеграции, таких как изменяемая геометрия – продвинутое сотрудничество, заранее определённая гибкость, *case-by-case*, разноскоростная интеграция.

Как отмечает Л. Бабынина, эти положения о продвинутом сотрудничестве были приняты на грядущее расширение как инструмент улучшения интеграции, с учётом того что Европейский союз будет состоять из 27–30 разнообразных государств, «положения о продвинутом сотрудничестве Амстердамского договора стали элементом перестройки структуры ЕС перед расширением, демонстрацией противоречивого отношения к грядущему расширению и процессу адаптации новых государств-членов» [*Бабынина, 2010: 35*].

Евразийский экономический союз неизбежно столкнётся с вызовами, которые Европейский союз пытается разрешить новыми подходами и разными методами, чтобы достичь общих целей интеграции. На данном этапе гибкая интеграция служит ответом на вопросы функционирования Европейского союза в составе 27–30 государств. Само происхождение ЕАЭС есть некая форма разноскоростной интеграции, которую создали три государства СНГ, готовые к более тесному сотрудничеству, потом союз пополнился Киргизией и Арменией.

На заседаниях казахстанского общественного фонда «Мир Евразии» и российского экспертного клуба «Сибирь Евразия» многие эксперты отметили, что «наиболее реален с сегодняшней точки зрения сценарий разноскоростной интеграции, когда каждая страна продвигается по пути приближения к общей для всех цели в том ритме, который позволяют её возможности и её интересы» [*Полемаев, 2017*]. Так же как ЕС, ЕАЭС продолжит расширять свои границы, по словам экс-председателя коллегии ЕЭК Т. Саркисяна, «ЕАЭС практикует механизмы для привлечения интереса других стран для сотрудничества». Он подчеркнул, что соглашения о свободной торговле не являются единственным инструментом, при помощи которого ЕАЭС расширяет своё международную деятельность. Также он сказал, что «около 50 стран по всему миру желают сотрудничать с ЕАЭС, а некоторые поднимают вопрос о присоединении к нашему союзу» [*Ramani, 2018*].

На данный момент союз включает лишь пять государств, но нельзя исключать перспективы расширения, а самое главное – углубление связей между этими странами.

Ярким примером может служить присоединение Киргизии к этому союзу. Президент Киргизии и главы стран ЕАЭС подписали протоколы о вступлении в Евразийский экономический союз 8 мая 2015 г. в Москве на первом саммите ЕАЭС. Ряд процедур были проведены для подготовки и для дальнейшего улучшения позиции Киргизии в организации. Бишкеку представлены дополнительные льготы, увеличена доля от общих таможен-

ных сборов ЕАЭС до 1,9 % и обеспечен ряд торгово-экономических преференций на пять лет.

Одним из важных инструментов интеграции послужило создание Российско-Киргизского фонда развития (РКФР), целью которого является содействие экономическому сотрудничеству между Киргизией и Россией, модернизации и развитию национальной экономики путём восстановления и развитие промышленности страны. РКФР является важнейшим инструментом процесса интеграции Кыргызской Республики в Евразийский экономический союз. По мнению ряда экспертов, подобная практика формирования «зон исключений» может создать неблагоприятный прецедент с учётом вероятного расширения ЕАЭС. Такой индивидуальный и гибкий подход к расширению границ ЕАЭС является неким показателем разноскоростной интеграции с обеспечением пакета поддержки для более скоростного развития, чтобы соответствовать стандартам организации.

Но учёные утверждают, что такая практика должна быть системной и общепринятой, «необходимы консолидированные экономическое, социальное и экономико-правовое пространства, единство институализированных “правил игры” для всех участников одновременно с активизацией механизмов обеспечения гибкого учёта интересов отдельных стран-участниц» [Проблемы и перспективы расширения ЕАЭС, 2016: 135]. От эффективности таких исключений зависят будущее качество и размеры интеграции, а также её привлекательность.

Однако есть показатели, которые доказывают, что интеграция на такой почве возможна и практична, «когда проходила модернизация сахарных заводов в Киргизии: там была реализована очень интересная, по сути — классическая евразийская схема. В ней участвовали белорусские подрядчики, при этом деньги выделялись Российско-Киргизским фондом развития, а рынком сбыта являлся в том числе Казахстан, то есть были вовлечены четыре страны» [Рахимов, 2020].

Такой курс расширения является по-настоящему прагматичным и устраняет опасения государств относительно «неоимперского» курса. Официальное признание разноскоростной модели интеграции на уровне институтов ЕАЭС помогло бы избежать таких обвинений и построить эффективную систему интеграции при присоединении новых членов и партнёров к союзу.

Однако существует более тесная связь между некоторыми членами ЕАЭС. Речь идёт о Союзном государстве в лице России и Белоруссии. Договор опирается на общность их исторических судеб, культурных и религиозных особенностей. Также этот союз поэтапно организывает единое пространство, включая политические, экономические, военные, таможенные, валютные, юридические, гуманитарные и культурные аспекты. Как заметили Абросимов и Шевченко, «сегодня Союзное государство представляет собой “закрытый клуб” и яркий пример субрегиональной интеграции,

уровень которой пока недостижим для третьих стран региона» [Абросимов, Шевченко, 2017: 38].

При систематизировании модели интеграции нужно учесть разноуровневость всех государств в союзе и их связи между собой. При ожидании дальнейшего расширения и углубления, что неизбежно для международных организаций, появляется необходимость иметь чёткие механизмы для решения тех или иных проблем при подготовке новых членов для вступления в договор и при углублении связи между союзниками в рамках организации. Тогда как Европейский союз внедрил гибкую форму интеграции с учётом многих особенностей, желаний и интересов государств, ЕАЭС ещё предстоит столкнуться с новыми вызовами при развитии масштабов сотрудничества и развивать соответствующую модель интеграции. Однако проектная деятельность Киргизии с Россией, возникшая при вступлении Киргизии в Евразийский экономический союз, результатом чего был создан фонд развития с капиталом 500 млн долл., есть показатель прагматичного подхода к процессу интеграции.

Разный уровень экономического состояния государств ограничивает эффективное и равное сотрудничество в рамках международных/региональных организаций. В таком случае соответствие правовых норм таких государств с договором союза недостаточно. Поэтому такой механизм, как РКФР, может быть масштабирован и внедрён на уровне институтов ЕАЭС. К примеру, есть Евразийский банк развития и Евразийский фонд стабилизации и развития. Однако в этих институтах есть Таджикистан, который не является членом ЕАЭС.

В то же время есть отдельная единица (Союзное государство) в лице России и Белоруссии с более тесной связью. Это является показателем того, что страны на разных уровнях и по разным причинам готовы вступать в те или иные союзы. Разноскоростная интеграция в какой-то мере объясняет историю развития сотрудничества в евразийском пространстве и возникновения ЕАЭС, но она же его привела к определённым диссонансам и разнонаправленным тенденциям. Поэтому стоит отметить, что рано или поздно появится необходимость упорядочить систему под одну модель ядра с соответствующими инструментами и опциями. В любом случае интеграционные процессы на постсоветском пространстве вполне соответствуют мировым тенденциям и, несмотря на наличие своих родовых черт, в целом корректно описываются существующим инструментарием научного анализа.

Что касается потенциальных схем взаимодействия внутри ЕАЭС, то вполне можно и нужно говорить о поглощении темы того же союза России и Белоруссии повесткой ЕАЭС, а также выстраивании эффективных двоек и троек стран, готовых к более глубокой интеграции, включая политическую, внутри уже существующего интеграционного объединения.

Список литературы

Договор о Евразийском экономическом союзе, 2014 // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/, дата обращения 05.11.2021.

Решение о Меморандуме Совета глав государств Содружества Независимых Государств «Основные направления интеграционного развития Содружества Независимых Государств» и Перспективном плане интеграционного развития Содружества Независимых Государств // <https://docs.cntd.ru/document/1901116>, дата обращения 05.11.2021.

Решение о проекте Концепции экономического интеграционного развития Содружества Независимых Государств // <https://docs.cntd.ru/document/8318052>, дата обращения 05.11.2021.

Соглашение о формировании Единого экономического пространства, 2003 // <http://www.kremlin.ru/supplement/1715>, дата обращения 05.11.2021.

Абросимов Н. В., Шевченко Д. Г., 2017. Разноскоростная интеграция в региональных объединениях // Экономика: внешняя и внутренняя динамика. № 5. С. 36–41.

Бабынина Л., 2010. Гибкая интеграция в ЕС: Классификация и проблемы институализации // Мировая экономика и международные отношения. № 6. С. 31–37. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2010-6-31-37>.

Бирюков С. В., Барсуков, А. М., Березняков, Д. В., Козлов С. В., 2016. Проблемы и перспективы расширения ЕАЭС // Свободная мысль. № 5. С. 131–142.

Кротов М. И., Мунтиян В. И., 2015. Евразийский экономический союз: история, особенности, перспективы // Управленческое консультирование. № 11 (83). С. 33–47.

Полетаев Э., 2017. Разноскоростная интеграция и другие тренды ЕАЭС. Мир перемен // <http://mirperemen.net/2017/10/raznoskorostnaya-integraciya-i-drugie-trendy-eaes/>, дата обращения 05.11.2021.

Рахимов К., 2020. Евразийскому союзу нужна перезагрузка // <https://eurasia.expert/kubat-rakhimov-evraziyskomu-soyuzu-nuzhna-perezagruzka/>, дата обращения 05.11.2021.

Троицкий В. А., 2005. Правовые основы асимметричной интеграции в рамках соглашения о едином экономическом пространстве // Проблемы современной экономики. № 1/2. С. 13–14.

Хабриева Т. Я. 2013. О правовых контурах и координатах евразийской интеграции // Проблемы современной экономики. № 3 (47). С. 21–23.

Philippart E., Edwards G., 1999. The Provisions on Closer Co-operation in the Treaty of Amsterdam: The Politics of Flexibility in the European Union // *JCMS: Journal of Common Market Studies*. No. 37. Pp. 87–108. <https://doi.org/10.1111/1468-5965.00151>.

Ramani S., 2017. Interview: Tigran Sargsyan on the Eurasian Economic Union // <https://thediplomat.com/2017/10/interview-tigran-sargsyan-on-the-eurasian-economic-union/>, дата обращения 05.11.2021.

Сегодня в Астане поставлена точка в создании Евразийского экономического союза // <http://echo.msk.ru/news/1329978-echo.html>, дата обращения 05.11.2021.

RAKHIMOV Kubatbek K.,

D. Sc. (Economics), CEO of Applicata – Center for Strategic Solutions.

Address: 79-808, Isanova str., Bishkek, 720001, Kyrgyz Republic

E-mail: kubat.rakhimov@gmail.com

ORCID: 0000-0003-3756-9375

AZIZOVA Akbermet B.,

master student of Theory and History of International Relations Department, RUDN University

E-mail: azizova.akbermet@gmail.com

Address: 6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

PROSPECTS FOR MULTI-SPEED INTEGRATION IN THE EAEU

DOI: 10.48137/2687-0703_2021_16_4_109

Received: 12.11.2021.

For citation: *Rakhimov K. K., Azizova A. A., 2021. Prospects for Multi-Speed Integration in the EAEU. – Geoeconomics of Energetics. № 4 (16). P. 109-119. DOI: 10.48137/2687-0703_2021_16_4_109*

Keywords: multi-speed integration, Eurasian Economic Union, European Union, CIS, RKDF, expansion and deepening, mechanisms, prospects.

Abstract

The historical development of multi-speed form of integration in the EAEU is considered in the article. The very formation of such an integration unit on the international stage is an indicator of a multi-speed model in which the state goes into closer cooperation in the speed that is dependent on its capabilities and interests. Hence the EAEU was formed as a result of the Eurasian integration process, which had been carried out within the framework of the CIS, the Customs Community and the Eurasian Economic Community. The necessity to adapt new functional models to deal with the challenges of new reality is highlighted. RKDF (Russian-Kyrgyz Development Fund) is mentioned as an instance of one of the mechanisms of multi-speed integration, which is used in the process of integration of the Kyrgyz Republic into the EAEU. It is proposed to expand the practice of the RKDF and develop the project activities of the union within the framework of the Eurasian Development Bank and apply it on the scale of the EAEU when expanding the union or deepening the ties of its member states.

References

Treaty on the Eurasian Economic Union, 2014 // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/, accessed 05.11.2021. (In Russ.)

Decision on the Memorandum of the Council of Heads of State of the Commonwealth of Independent States “Main directions of integration development of the Commonwealth of Independent States” and the Long-term Plan of integration development of the Commonwealth of Independent States // <https://docs.cntd.ru/document/1901116>, accessed 05.11.2021. (In Russ.)

Decision on the draft Concept of Economic Integration development of the Commonwealth of Independent States // <https://docs.cntd.ru/document/8318052>, accessed 05.11.2021. (In Russ.)

Agreement on the formation of a Single Economic Space, 2003 // <http://www.kremlin.ru/supplement/1715>, accessed 05.11.2021. (In Russ.)

Abrosimov N. V., Shevchenko D. G., 2017. Multi-speed integration in regional associations // *Economics: External and Internal Dynamics*. No. 5. Pp. 36–41. (In Russ.)

Babynina L., 2010. Flexible Integration in the EU: Classification and problems of institutionalization // *World Economy and International Relations*. No. 6. Pp. 31–37. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2010-6-31-37> (In Russ.)

Biryukov S. V., Barsukov A. M., Bereznyakov D. V., Kozlov S. V., 2016. Problems and prospects of the EAEU expansion // *Free Thought*. No. 5. Pp. 131–142. (In Russ.)

Krotov M. I., Muntiyev V. I., 2015. The Eurasian Economic Union: history, features, prospects // *Management Consulting*. No. 11 (83). Pp. 33–47. (In Russ.)

Poletaev E., 2017. Multi-speed integration and other trends of the EAEU. *The World of Change* // <http://mirperemen.net/2017/10/raznoskorostnaya-integraciya-i-drugie-trendy-eaes/>, accessed 05.11.2021. (In Russ.)

Rakhimov K., 2020. The Eurasian Union needs a reboot // <https://eurasia.expert/kubatrakhimov-evraziyskomu-soyuzu-nuzhna-perezagruzka/>, accessed 05.11.2021. (In Russ.)

Troitsky V. A., 2005. Legal Bases of Asymmetric Integration within The Framework of The Agreement on The Common Economic Space // *Problems of the Modern Economy*. No. 1/2. Pp. 13–14. (In Russ.)

Khabrieva T. Ya., 2013. About the legal contours and coordinates of the Eurasian integration // *Problems of Modern Economy*. No. 3 (47). Pp. 21–23. (In Russ.)

Philippart E., Edwards G., 1999. The Provisions on Closer Co-operation in the Treaty of Amsterdam: The Politics of Flexibility in the European Union // *JCMS: Journal of Common Market Studies*. No. 37. Pp. 87–108. <https://doi.org/10.1111/1468-5965.00151> (In Eng.)

Ramani S., 2017. Interview: Tigran Sargsyan on the Eurasian Economic Union // <https://thediplomat.com/2017/10/interview-tigran-sargsyan-on-the-eurasian-economic-union/>, accessed 05.11.2021. (In Eng.)

Today, Astana has put an end to the creation of the Eurasian Economic Union // <http://echo.msk.ru/news/1329978-echo.html>, accessed 05.11.2021. (In Russ.)

Руслан ДЗАРАСОВ

ПОЛОЖЕНИЕ НА ГЛОБАЛЬНОМ РЫНКЕ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Дата поступления в редакцию: 15.12.2021.

Для цитирования: *Дзарасов Р. С.*, 2021. Положение на глобальном рынке как фактор экономического развития России. – *Геоэкономика энергетики*. № 4 (16). С. 120-131. DOI: 10.48137/2687-0703_2021_16_4_120

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, договор по проекту 20-010-00608

В данной статье рассматривается влияние положения России в мировой экономике на её хозяйственное развитие. Методологической основой анализа является мир-системный подход. Для последнего характерна трактовка капитализма как иерархической системы неравноправных отношений, при которых центр (развитые страны) присваивает значительную часть доходов, создаваемых трудом населения периферии (развивающиеся страны). Россия занимает в этой системе полупериферийное положение. В результате для страны характерны: модель роста на основе экспорта энергоресурсов, упадок обрабатывающей промышленности и низкие темпы научно-технического прогресса, высокий уровень вывоза капитала, низкая доля накопления основного капитала. Особую роль играет коренящаяся в приватизации авторитарная модель корпоративного управления, характеризующаяся неустойчивостью контроля собственников над активами и краткосрочностью временной ориентации деловой стратегии. На этом основывается невысокая заинтересованность бизнеса в инвестициях и инновациях.

ДЗАРАСОВ Руслан Солтанович, доктор экономических наук, Финансовый университет при Правительстве РФ. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 125993, Ленинградский пр-т, д. 49. E-mail: dzarasovr@gmail.com, SPIN-код: 4232-1066

Ключевые слова: мир-системный подход, насаждение отсталости, полупериферийный капитализм, проблемы развития, корпоративные инвестиции.

На заре радикальных экономических реформ в России считалось, что наша страна переходит к современному высокоразвитому капитализму, который характеризуется высокими темпами экономического роста, передовыми технологиями, присутствием на мировых рынках высоких технологий и, как следствие всего этого, высоким уровнем жизни. Действительность оказалась иной. Упадок обрабатывающей промышленности, технологическая отсталость, низкий уровень жизни — это далеко не полный перечень последствий развития на основе экспорта энергоресурсов и продукции с низкой степенью передела сырья. Через тридцать лет после начала преобразований уже нельзя объяснять это «переходным кризисом». Возникшая в результате реформ экономическая отсталость должна быть понята как объективный результат нового экономического строя, точнее того типа капитализма, к которому мы перешли. На взгляд автора данных строк, один из путей подобного исследования связан с применением к изучению нашей экономики методологии и понятий мир-системного подхода.

Капитализм и развитие

В мировой науке предлагается множество объяснений термина «экономическое развитие» [Чешков, 2004]. Наиболее верной представляется трактовка, восходящая к философии истории Гегеля, полагавшего критерием прогресса осознание свободы. С этой точки зрения под развитием следует понимать обретение странами и народами субъектности в истории. Она предполагает не просто выход из-под власти колонизаторов, но достижение современного уровня материального и культурного развития, создание благоприятных условий для самореализации своих граждан, превращение в полноправного члена мирового сообщества.

Такое понимание проблемы не является новым для России. Достаточно вспомнить дискуссии о путях развития страны в XIX–XX вв., шедшие между славянофилами и западниками, марксистами и народниками, большевиками и меньшевиками, коммунистами и так называемыми евразийцами. В их центре как раз и была проблема самоопределения страны в условиях нарождавшегося капитализма и советского строя.

На взгляд автора данной статьи, дебаты о будущем капитализма в предреволюционной России во многом предвосхитили идеи мир-системного подхода. Этот современный взгляд на экономическое и социально-политическое развитие предлагается школами Фернана Броделя, Иммануила Валлерстайна, Андре Гюндера Франка, Джованни Арриги, Самира Амина и других. Их отличительной чертой является понимание капитализма как иерархической мировой системы, предполагающей эксплуатацию центром (развитые страны) периферии (развивающиеся страны).

Основной тезис мир-системного подхода, общий для его основных теоретиков, состоит в том, что накопление капитала можно понять только в глобаль-

ных масштабах мирового капитализма. Его основу создаёт безвозмездное присвоение развитыми странами значительной части доходов, создаваемых трудом населения мировой периферии. В связи с этим стоит обратить внимание на концепцию «развития отсталости» американского социолога, экономиста и историка Андре Гюндера Франка [Frank, 1966]. На большом эмпирическом материале он установил, что отсталость так называемых развивающихся стран является не естественным, а рукотворным феноменом. Многие страны Азии, Африки и Латинской Америки к моменту вторжения в их жизнь капитализма в форме колониализма были развитыми для своего времени обществами. Их экономики хотя и основывались на применении ручного труда, но были диверсифицированы и обладали относительной социальной стабильностью. Потеряв независимость, эти общества подвергались глубокой трансформации. Многообразие их хозяйственной деятельности ограничивалось и сводилось к нескольким производствам трудозатратного характера, приспособленным к спросу метрополий. Обычно это были поставки сырья и сельскохозяйственной продукции. Это обеспечивалось глубокой социальной трансформацией подобных стран. В частности, крестьянство сгоняли с земли и под угрозой голода превращали в армию дешёвого труда. Глубоко изменялся и правящий класс попавших во внешнюю зависимость обществ. Из бывших землевладельцев создавалась компрадорская буржуазия, бравшая на себя роль посредника в эксплуатации природных и трудовых ресурсов своих стран в интересах метрополий. Для подобных классов в Латинской Америке Франк использовал удачный термин «люмпен-буржуазия» [Frank, 1972].

Сменяются времена и эпохи, доминирование в мировой системе переходит от одних стран к другим, открытый колониальный разбой превращается в более завуалированный неоколониализм, но основа неравноправных отношений центра и периферии остаётся неизменной. Именно этого и не учла общественность нашей страны в период трансформации советского общественного строя.

Генезис постсоветской экономики

Два главных процесса определили природу современного российского капитализма и его место на мировой арене.

Во-первых, это перерождение советской бюрократии, происходившее в ходе развития советского общества* по сталинскому пути с конца 1920-х годов. Государственная и партийно-хозяйственная бюрократия получила материальные и нематериальные привилегии, существование которых противоречило официальной идеологии. Дальнейшее разложение советского строя сопровождалось усилением неформального контроля за экономи-

*Можно ли называть советское общество социалистическим — это весьма спорный вопрос.

ческими ресурсами, который давал должностным лицам дополнительные выгоды. Оба этих явления представляли собой зачаток частного присвоения за фасадом «реального социализма»*.

Во-вторых, постсоветский капитализм формировался под влиянием глобального капитализма эпохи «финансиализации». Под последним термином имеется в виду замещение промышленного капитала финансово-спекулятивным. Доход от финансовых спекуляций по своей сути представляет собой рентный доход, подобный выгоде от неформального контроля над ресурсами, присваивавшийся советской бюрократией. Родство этих двух видов частной выгоды и составило социально-экономическую основу сближения интересов переродившейся советской бюрократии и западного правящего класса.

Наиболее проницательные западные аналитики трансформации советского строя в капитализм выделяют социальные силы, стоявшие за этим процессом. Это переродившаяся часть бюрократии, решившая закрепить свои привилегии в форме частной собственности, и либеральная интеллигенция, стремившаяся «монетизировать» свои навыки и квалификацию. Вместе они негласно сформировали влиятельный прокапиталистический блок, стоявший за радикальными рыночными реформами начала 1990-х [Kotz, Weir, 2007; Lane, 2011]. Как теперь широко известно, он получил поддержку правящих кругов Запада, оказавших решающее закулисное влияние на программу радикальных рыночных преобразований в стране [Wedel, 2001]. Эти две тенденции определили основные черты нарождавшегося в бывшем СССР общественного строя как полупериферийного капитализма, занимающего промежуточное место в мировой системе между развитыми странами Запада и развивающимся миром.

Природа этого глубоко реакционного и неэффективного общественного строя ярко проявляется в интересах современного российского правящего класса. Они сложились в ходе приватизации 1990-х годов.

Этот процесс совершенно игнорировал мировой опыт разгосударствления, предполагавший строгий контроль и мониторинг каждой его стадии [Guidelines on the best practice..., 1998]. Российский опыт проанализирован в официальном отчёте Счётной палаты РФ [Анализ процессов приватизации..., 2004]. Факты, приведённые в документе, свидетельствуют, что приватизация не содержала механизмов отбора эффективных собственников бывших государственных предприятий, не создавала равные конкурентные возможности для претендентов на участие в процессе, не формулировала чёткие обязательства новых собственников и т. д. Зато в избытке создавались возможности для криминализации данного процесса. По некоторым

* «Реальный социализм» — термин для обозначения характера советского строя, введённый в оборот партийным руководством во главе с Леонидом Брежневым (1964–1982).

данном, государство выручило лишь 5 % от рыночной стоимости распроданных активов [Меньшиков, 2004]. Таким образом, становление нового капиталистического класса в России происходило при колоссальной дотации со стороны государства, осуществлённой за счёт общества. Одним из главных результатов приватизации стало закрепление неформального контроля над активами со стороны разлагавшейся советской бюрократии в форме частной собственности. Ничтожная цена, по которой бывшая государственная собственность была захвачена частными собственниками, закрепила их рентоориентированное поведение. Эти обстоятельства определили специфическую российскую модель корпоративного управления.

Полупериферийный капитализм

Крупный бизнес в современной России характеризуется ярко выраженным авторитарным характером. В частности, исследования отмечают высокий уровень концентрации прав собственности в российских корпорациях [Долгопятова, 2007; Капелюшников, 2001]. Обычно ядро собственников «составляет команда из 3–7 человек, тесно связанных между собой неформальными связями и общим прошлым опытом» [Капелюшников, 2005]. Система их контроля над активами покоится в значительной мере на сети неформальных институтов. Они включают так называемое «облако офшоров», включающих цепочку подставных фирм и маскирующих подлинных контролёров предприятия; неформальные связи с государственными чиновниками, обеспечивающими внешнюю защиту положения доминирующей группы; сверхцентрализованную систему принятия решений; развитые структуры внутренней безопасности. Главная функция этой своеобразной «инфраструктуры неформальной власти» — обеспечить контроль собственников над предприятиями и их финансовыми потоками. По существу, речь идёт о том, что в российском крупном бизнесе формальные права собственности не имеют значения, если они не подкреплены частными механизмами принуждения со стороны доминирующей на предприятии группы.

Поддержание инфраструктуры контроля является весьма дорогостоящим мероприятием. Само по себе это обстоятельство во многом определяет характер крупного бизнеса. Ведь для поддержания так называемой крыши — коррупционных связей с государственными чиновниками или сотрудниками правоохранительных органов, обеспечивающих защиту бизнеса, — требуется платить, и немало. Остальные элементы контроля также дорого стоят. Это значит, что необходимо систематически изыскивать средства, которые не составляют часть легальных расходов по ведению бизнеса. Ещё более важное обстоятельство связано с самим характером инфраструктуры контроля.

Дело в том, что неформальный по своей природе контроль нельзя легально закрепить, продать или передать по наследству. В то же время его всегда

можно оспорить. Это порождает такую систематическую черту крупного бизнеса в современной России, как неустойчивость контроля над активами. Перераспределение прав собственности сплошь и рядом принимает форму враждебных поглощений, предполагающих криминальное насилие. Действительно, рейдерство остаётся острой проблемой российской экономики. По данным Национального антикоррупционного комитета, в стране происходит до 700 тыс. рейдерских захватов собственности в год. Уголовные дела заводятся не более чем в 10 % случаев, а до суда из них доходит и того меньше [Воронина, 2015]. В 2000-е годы стал активно использоваться и такой механизм перераспределения прав собственности, как создание государственных корпораций. Формально это государственные холдинги, осуществляющие хозяйственную деятельность в интересах государства и за счёт бюджетных средств. Однако исследования показывают, что для этих структур характерно наличие рассмотренных выше институтов неформального контроля и вывод средств от 25 % капитала предприятия и выше на рязе государственных корпораций [Соколов, 2013].

Нестабильность контроля на российских предприятиях порождает проблему краткосрочности временной ориентации в деятельности компаний. Эта проблема выражается в доминировании рендоориентированного поведения российского крупного бизнеса. Распространённой практикой российских компаний является продажа своей продукции по заниженным ценам фирмам-посредникам, зарегистрированным в офшорах, с последующей перепродажей этой же продукции на отечественном рынке по рыночным ценам. По некоторым данным, до 90 % крупного российского бизнеса носит офшорный характер [Демин, 2010]. В результате махинаций с продажей товаров доминирующие группы избегают налогообложения прибыли и сосредотачивают реальные доходы на своих частных счетах в налоговых гаванях. О масштабах данного процесса можно судить по тому факту, что Россия вошла в пятёрку стран по величине активов, выведенных в офшоры, относительно ВВП. Эта величина составляет 46 % ВВП страны, или 590 млрд долл. [Седлов, 2017].

Краткосрочный рентный доход, извлекаемый на российских предприятиях, подрывает инвестиции российских предприятий. Они устойчиво остаются низкими за весь постсоветский период. Доля инвестиций в основной капитал в ВВП – около 20 % [Агеева, 2019], что не позволяет обеспечить модернизацию производственных мощностей страны. В результате увековечивается масштабное отставание производственного потенциала России от потенциала развитых капиталистических стран, т. е. стран центра. Так, исследования показывают, что в целом по экономике фондовооружённость труда (*capital/labour ratio*) в России втрое ниже, чем в США. В обрабатывающей промышленности, определяющей научно-технический потенциал, положение ещё хуже: указанный показатель в России составляет лишь 18 % от американского. Для преодоления этого разрыва необходимо инвестировать в российскую экономику дополни-

тельно 11 658 млрд долл. [Алексеев, 2020: 33–45, 37, 39]. Учитывая, что превышение вывоза частного капитала из России над ввозом ежегодно измеряется десятками миллиардов долларов, такие средства взять неоткуда.

Результатом подрыва инвестиций становится низкий уровень научно-технического потенциала страны. Совокупный уровень инновационной активности, измеряемый как удельный вес организаций, осуществлявших технологические, маркетинговые и организационные инновации, в общем числе организаций, в последнее десятилетие составлял менее 10 % и лишь в 2017 и 2018 гг. достиг соответственно 14,6 и 12,8 %. Если взять отдельно технологические инновации, то удельный вес осуществлявших их организаций лишь в 2017 и 2018 гг. достиг 20,8 и 19,8 % соответственно, в течение предыдущих лет будучи менее 10 %. Как ни малы эти цифры сами по себе, но может сложиться впечатление, что в последние годы положение улучшается. Однако это не так. Удельный вес затрат на технологические, маркетинговые и организационные инновации в общем объёме отгруженных товаров, выполненных работ и оказанных услуг колебался в 2008–2018 гг. от 1,4 до 3,0 %, в том числе в 2017 и 2018 гг. составив всего лишь 2,5 и 2,2 % [Индикаторы инновационной деятельности..., 2020]. Между этими цифрами возникает любопытное противоречие: внушительный рост удельного веса организаций, осуществляющих технологические инновации в последние пару лет, сопровождается падением доли инновационной продукции в их производстве. Этот факт порождает предположение, что большая часть технологических инноваций направлена не на модернизацию производства, а на продление ресурса стареющего оборудования.

Невысокому уровню инновационной активности отечественных предприятий соответствует и место России в мире по уровню финансирования НИОКР (рис. 1).

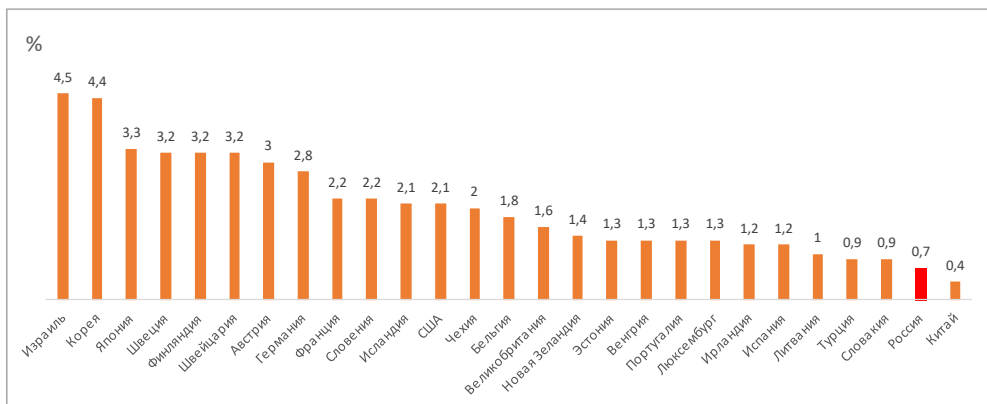

Рис. 1. Расходы на гражданские НИОКР как процент от ВВП: Россия и другие страны.

Источник: Science, Technology and Innovation in Russia, 2019.

Представленные данные показывают, что Россия принадлежит к числу стран с низкими расходами на НИОКР. Её намного опережают не только страны центра мирового капитализма, но и страны Восточной Европы (принадлежащие к периферии ЕС), и даже некоторые бывшие республики СССР. С этими данными вполне коррелируют показатели затрат на НИОКР на одного исследователя (рис. 2).

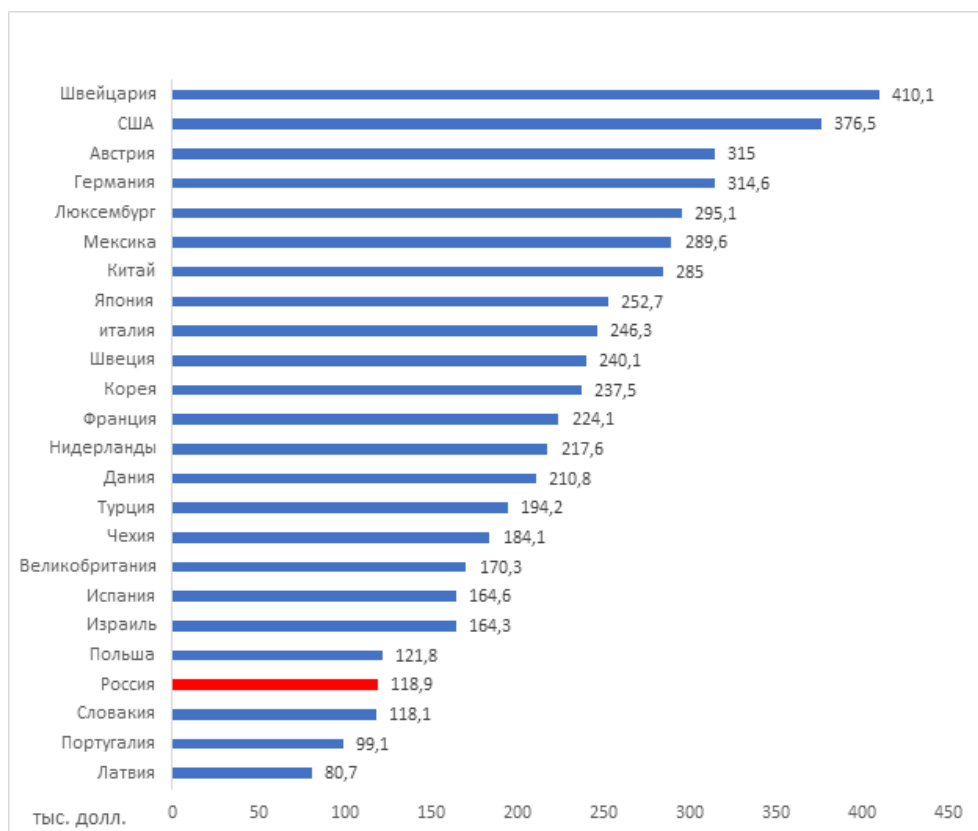

Рис. 2. Валовые внутренние затраты на НИОКР на одного исследователя: Россия и другие страны.

Источник: Science, Technology and Innovation in Russia. 2019.

Данные свидетельствуют, что Россия и по этому показателю находится на невысоком месте, проигрывая не только странам центра, но и некоторым полупериферийным государствам. Так, Китай, стремящийся вырваться из полупериферии в центр, обгоняет нашу страну в несколько раз.

* * *

Таким образом, полупериферийный характер современного российского капитализма порождает авторитарную модель корпоративного управления и ориентацию на извлечение рентного дохода, в значительной мере основанного на внеэкономическом принуждении. Краткосрочный характер этого вида дохода подрывает заинтересованность в техническом прогрессе. Это выражается в невысоком уровне инвестиций и их низком качестве. Приведённые выше данные красноречиво говорят об устойчиво низкой заинтересованности российского капитализма в инновационной деятельности.

Список литературы

Агеева О., 2019. Инвестиции не угнались за ВВП // <https://www.rbc.ru/newspaper/2019/03/15/5c8a1d699a7947ec94b02f75>, дата обращения 09.12.2021.

Алексеев А. В., 2020. О повышении рыночной стоимости основного капитала в России // Проблемы прогнозирования. № 5. С. 33–45, 37.

Воронина Ю., 2015. Покусились на чужое // <https://rg.ru/2015/07/07/reyderstvo.html>, дата обращения 08.12.2021.

Демин В., 2010. Оффшоры – реальная угроза экономической безопасности России // <https://prosvet.su/information/offshory-kak-ugroza-ekonomicheskoy-bezopasnosti/>, дата обращения 09.12.2021.

Долгопятова Т., 2007. Концентрация акционерной собственности и развитие российских компаний (эмпирические свидетельства) // Вопросы экономики. № 1. С. 84–97.

Капелюшников Р. И., 2001. Собственность и контроль в российской промышленности // Вопросы экономики. № 12. С. 103–124.

Капелюшников Р., 2005. Концентрация собственности и корпоративное управление. М.: Изд-во ГУ ВШЭ. С. 34.

Меньшиков С., 2004. Анатомия российского капитализма. М.: Междунар. отношения. С. 61–64.

Седлов Д., 2017. Оффшорная карта: сколько россияне хранят в налоговых гаванях // <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/350219-ofshornaya-karta-skolko-rossiyane-hranyat-v-nalogovyh-gavanyah>, дата обращения 09.12.2021.

Соколов А., 2013. Инвестиционное поведение государственных корпораций в условиях инсайдерского контроля // <https://cyberleninka.ru/article/n/investitsionnoe-povedenie-gosudarstvennyh-korporatsiy-v-usloviyah-insayderskogo-kontrolya/viewer>, дата обращения 09.12.2021.

Чешков М., 2004. Идея развития: возможность обновления // Общественные науки и современность № 5, 6.

Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 годы, 2004 // <https://clck.ru/FvGEA>, дата обращения 09.12.2021.

Индикаторы инновационной деятельности: Стат. сб., 2020. М.: Минэкономразвития РФ, Росстат, ВШЭ. С. 19–20.

Frank A., 1966. The development of underdevelopment // Monthly review. Vol. 18. No. 4. P. 17–31.

Frank A., 1972. Lumpen-Bourgeoisie: Lumpen-development. Dependence, Class, and Politics in Latin America. New York and London: Monthly Review Press.

Guidelines on the best practice for the audit of privatization, 1998 // <https://clck.ru/ZR5Lo>, дата обращения 09.12.2021.

Kotz D., Weir F., 2007. Russia's Path from Gorbachev to Putin. The Demise of the Soviet System and the New Russia. Abingdon: Routledge.

Lane D., 2011. Elites and Classes in the Transformation of State Socialism. London: Transaction Publishers.

Wedel J., 2001. Collision and Collusion. The Strange Case of Western Aid to Eastern Europe. New York: Palgrave. Pp. 122–99.

Science, Technology and Innovation in Russia 2019, 2020 // <https://issras.ru/publication/docs/sci2019en.pdf>, дата обращения 09.12.2021.

DZARASOV Ruslan S.,

D. Sc. (Economics), Financial University under the Government of Russian Federation.

Address: 49, Leningradsky Ave., 125993, Moscow, Russian Federation

E-mail: dzarasovr@gmail.com

SPIN-code: 4232-1066

POSITION IN THE GLOBAL MARKET AS A FACTOR OF ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIA

DOI: 10.48137/2687-0703_2021_16_4_120

Received: 15.12.2021.

For citation: *Dzarasov R. S., 2021. Position in the Global Market as a Factor of Economic Development of Russia. – Geoeconomics of Energetics. № 4 (16). P. 120-131. DOI: 10.48137/2687-0703_2021_16_4_120*

The research was supported by RFBR grant, the agreement on the project No. 20-010-00608

Key words: World-System analysis, spread of underdevelopment, semi-periphery capitalism, issues of development, corporate investment.

Abstract

The paper is focused on the effect of the position of Russia in the world economy on its economic development. Methodological framework of the analysis is based on the World-System approach. For the latter it is typical to treat capitalism as a hierarchical system of unequal relations under which the core (developed countries) appropriates a significant part of incomes created by the labor of the population of the periphery (the developing countries). Russia occupies the semi-peripheral position in this system. As a result, the country demonstrates the following: export-led growth on the bases of energy resources, decline of manufacturing and low rates of technological development, high rates of capital flight, low share of accumulation of the fixed capital stock in GDP. Authoritarian model of corporate governance plays a special role. It is characterized by instability of control of the owners over their assets and by short-term time horizon of its business strategy. This assumes low interest of the Russian business in investment and innovations.

References

Ageeva O., 2019. Investments have not kept up with GDP // <https://www.rbc.ru/newspaper/2019/03/15/5c8a1d699a7947ec94b02f75>, accessed 09.12.2021. (In Russ.)

Alekseev A. V., 2020. On the increase in the market value of fixed capital in Russia // Problems of forecasting. No. 5. Pp. 33–45, 37. (In Russ.)

Voronina Yu., 2015. Encroached on someone else's // <https://rg.ru/2015/07/07/reyderstvo.html>, accessed 08.12.2021. (In Russ.)

Demin V., 2010. Offshore companies are a real threat to Russia's economic security // <https://prosvet.su/information/offshory-kak-ugroza-ekonomicheskoy-bezopasnosti/>, accessed 09.12.2021. (In Russ.)

Dolgopyatova T., 2007. Concentration of joint-stock ownership and development of Russian companies (empirical evidence) // *Questions of Economics*. No. 1. Pp. 84–97. (In Russ.)

Kapelyushnikov R. I., 2001. Property and control in the Russian industry // *Questions of Economics*. No. 12. Pp. 103–124. (In Russ.)

Kapelyushnikov R., 2005. Concentration of ownership and corporate Governance. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. p. 34. (In Russ.)

Menshikov S., 2004. The Anatomy of Russian Capitalism. Moscow: International relations. Pp. 61–64. (In Russ.)

Sedlov D., 2017. Offshore card: how much do Russians keep in tax havens // <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/350219-ofshornaya-karta-skolko-rossiyane-hranyat-v-nalogovyh-gavanyah>, accessed 09.12.2021. (In Russ.)

Sokolov A., 2013. Investment behavior of state corporations in conditions of insider control // <https://cyberleninka.ru/article/n/investitsionnoe-povedenie-gosudarstvennyh-korporatsiy-v-usloviyah-insayderskogo-kontrolya/viewer>, accessed 09.12.2021. (In Russ.)

Cheshkov M., 2004. The idea of development: the possibility of updating // *Social sciences and modernity*. No. 5, 6. (In Russ.)

Analysis of the processes of privatization of state property in the Russian Federation for the period 1993–2003, 2004 // <https://clck.ru/FvGEA>, accessed 09.12.2021. (In Russ.)

Indicators of innovation activity: Stat. sat., 2020. M.: Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Rosstat, HSE. Pp. 19–20. (In Russ.)

Frank A., 1966. The development of underdevelopment // *Monthly review*. Vol. 18. No. 4. P. 17–31. (In Eng.)

Frank A., 1972. Lumpen-Bourgeoisie: Lumpen-development. Dependence, Class, and Politics in Latin America. New York and London: Monthly Review Press. (In Eng.)

Guidelines on the best practice for the audit of privatization, 1998 // <https://clck.ru/ZR5Lo>, accessed 09.12.2021. (In Eng.)

Kotz D., Weir F., 2007. Russia's Path from Gorbachev to Putin. The Demise of the Soviet System and the New Russia. Abingdon: Routledge. (In Eng.)

Lane D., 2011. Elites and Classes in the Transformation of State Socialism. London: Transaction Publishers. (In Eng.)

Wedel J., 2001. Collision and Collusion. The Strange Case of Western Aid to Eastern Europe. New York: Palgrave. Pp. 122–99. (In Eng.)

Science, Technology and Innovation in Russia 2019, 2020 // <https://issras.ru/publication/docs/sci2019en.pdf>, accessed 09.12.2021. (In Eng.)

Светлана МУДРОВА

ИННОВАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Дата поступления в редакцию: 15.12.2021.

Для цитирования: Мудрова С. В., 2021. Инновационная активность в современной российской экономике. – Геоэкономика энергетики. № 4 (16). С. 132-147. DOI: 10.48137/2687-0703_2021_16_4_132

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, договор по проекту 20-010-00608.

В статье рассмотрены подходы функционирования и развития экономики в условиях инновационной активности. Дано представление об интеграции и глобализации в условиях инновационного развития и цифровизации. В статье даётся базовая характеристика понятий «машинное обучение», *Big Data* и «блокчейн». Автор описывает специфику использования новых ИТ-технологий в российском и зарубежном ТЭК. Исследуется процесс цифровизации российской экономики и развития цифровой валюты.

Уровень инновационного потенциала находит своё отражение в характере участия государства в международном разделении труда. В последнее десятилетие глобализация и интеграция национальных инновационных процессов являются особенностями инновационной модели экономического роста стран – лидеров мировой экономики.

В условиях современного мира ни одно государство не в состоянии реализовать проекты, поддерживающие значительные научно-технические программы в широких областях высоких технологий, для всех стран мира

МУДРОВА Светлана Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры политической экономики и истории экономической науки ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова». Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 117997, Стремянный пер., 36. E-mail: Mudrova.sv@rea.ru. SPIN-код: 7714-3400. ORCID 0000-0002-3907-5371

Ключевые слова: инновации, современная экономика, цифровая экономика, цифровая валюта, машинное обучение, Big Data, блокчейн.

является невозможным единолично гарантировать научно-технические прорывы, которые обеспечивали бы захват новых мировых рынков. На данный момент наиболее значимым является инновационное развитие регионов, которое предполагает «углубление интеграции региональных образовательных и научных инфраструктур путём усиления связей между научно-исследовательскими институтами, академическими учреждениями и предприятиями; стимулирование создания “академического инновационного пояса”, который должен состоять из предприятий, внедряющих научные разработки в производство; увеличение количества предприятий, внедряющих инновации путём предоставления “местных преференций” (стимулов, которые инициирует местная власть), усиление инновационно-модернизационной составляющей приватизационных процессов, внедрение системы региональных инновационных приоритетов; введение “инновационности” в качестве одного из основных статистических критериев оценки регионального развития, а также практики периодических статистических отчётов по показателям регионального инновационного развития; содействие разработке и внедрению региональных программ инновационной политики на основе проработанного опыта регионов-лидеров и др.» [Устойчивое развитие предприятия..., 2014]¹.

* * *

На сегодняшний день разработками, связанными с применением новых ИТ-технологий, на государственном уровне занимаются в большинстве стран мира. Уже сейчас разворачивается технологическая гонка, в которой проигрыш становится реальной угрозой для национальной экономики. Основную ставку участники этой гонки делают на переход к принципиально новой цифровой финансовой системе.

В 2017 г. в ходе глобальной дискуссии Бен Бродбент от лица Банка Англии убедил представителей большинства стран в необходимости реализации проектов собственных цифровых валют *CBDC* (цифровая валюта центрального банка).

Экономический кризис 2019–2020 гг., вызванный пандемией *COVID-19*, способствовал ускорению работ по переходу к цифровой экономике. Наиболее обсуждаемыми и значимыми в этом направлении стали проекты по внедрению цифровых национальных валют.

18 апреля 2020 г. Банк Китая запустил в тестовом режиме приложение для использования национальной криптовалюты *DCEP*. В середине августа 2020 г. было рассмотрено, как повлияет цифровизация доллара на мировую

¹ Устойчивое развитие предприятия, региона, общества: инновационные подходы к обеспечению: Моногр., 2014 / Под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. О. В. Прокопенко. Польша: Drukarnia i StudioGraficzneOmnidium. 474 с.

финансовую систему. Для тестирования *CBDC* (цифровых валют) разрабатываются блокчейн-платформы.

Ожидается, что ключевыми технологиями для создания и развития новой экономики станут *машинное обучение*, *Big Data* и *блокчейн*. Применительно к вопросу создания цифровой экономики нельзя рассматривать данные технологии отдельно друг от друга. В новых экономических системах они будут работать совместно.

Анализ опыта применения и перспектив использования цифровых технологий невозможен без базового понимания принципов работы данных технологий.

Машинное обучение (англ. *machine learning*) – класс методов обработки исходных данных, характерной чертой которых является обучение в процессе решения множества сходных задач.

Благодаря доступу к огромному объёму данных алгоритмы способны распознавать не только текст, речь или изображения, но и давать ответную реакцию на запросы, учитывать предпочтения и, опираясь на них, давать соответствующие рекомендации. Учитывая растущие способности искусственного интеллекта (ИИ), он всё глубже внедряется в бизнес-процессы компаний, занимающих различные отрасли.

Использование машинного обучения возрастает не за счёт его популярности как таковой, а за счёт выгоды. По ряду прогнозов, уже в ближайшие 5 лет значительный процент бизнес-решений будут приниматься искусственным интеллектом.

С помощью ИИ возможно рассчитать единственно правильный вариант решения среди миллионов, поскольку механизм создаст модель на основе каждого из возможных и систематически определит верный.

Машинное обучение и ИИ представляют собой отклик на существующий вопрос о реализации *Big Data*. Для экономики давно необходим механизм, способный получать ценность для бизнеса из бесконечно растущего объёма информации, анализируя её всецело.

Термин «большие данные» (Big Data) появился недавно, активный рост его распространения начался с 2011 г. Возможности применения «больших данных» активно обсуждаются, а системы, их использующие, стали неотъемлемой частью нашей жизни. Это огромные массивы данных, которые сложно или практически невозможно обработать привычными способами. Для решения подобных задач разрабатываются специальные алгоритмы и технические решения.

Сегодня рынок технологий обработки больших данных (*Big Data*) – один из самых быстрорастущих сегментов ИТ. Большие данные уже сейчас нашли применение во множестве областей, таких как умные дома, производство, транспортные перевозки, энергетика, добыча ископаемых, банковское дело и многие другие.

Первопроходцами в применении «больших данных» для решения реальных бизнес-задач выступили крупнейшие международные компании из отраслей с высокой конкуренцией, таких как ИТ, добыча углеводородов, финансовый сектор и торговля.

В экономике данная технология начала использоваться в первую очередь в торговле и банковской сфере, однако на данный момент ТЭК выходит на ведущие позиции.

В российском ТЭК активно развивается использование технологии *Big Data*, с помощью которой появилась система «Цифровая шахта». *Big Data* осуществляет удалённый сбор данных с датчиков, прогнозирование потребления, алгоритмы расчёта надёжности, алгоритмы управления производственными рисками.

Машинное обучение и *Big Data* — это дополняющие друг друга технологии, они часто применяются вместе.

Блокчейн (англ. *Blockchain*). Термин «блокчейн» появился в 2008 г. как название распределённой базы данных в системе «Биткоин». Однако сама идея и алгоритмы для создания распределённого реестра появились значительно раньше. Эти алгоритмы могут использоваться для построения любых систем, имеющих взаимосвязанные блоки. Блокчейн представляет собой непрерывную, последовательную цепочку блоков, которые выстроены фиксированным образом и несут заложенную в них информацию. Однако, в отличие от стандартных баз данных, при его использовании нет возможности заменить или удалить старые записи, возможно только добавить новые.

На сегодняшний день блокчейн является значимой сквозной технологией цифровой экономики, которая в большой мере повышает её эффективность. Согласно данным Всемирного экономического форума, к 2027 г. 10 % всего мирового ВВП будет сосредоточено в блокчейне. Одним из значительных плюсов при использовании данного механизма является экономия. Её использование сокращает расходы банков в среднем на 30 %. По данным ряда исследований, 57 % компаний со штатом сотрудников более 20 тыс. чел. уже используют блокчейн или планируют его ввести.

С этой целью используется система *Customer Relationship Management (CRM)*. *CRM* — это программное обеспечение, предназначенное для автоматизации взаимодействия с заказчиками и собственными сотрудниками. Внедряется для повышения продаж, оптимизации маркетинга и улучшения обслуживания клиентов путём сохранения информации о них и истории взаимоотношений.

Современные *CRM*-системы сохраняют информацию обо всех процессах в компании, автоматически делают рекламную рассылку, информируют клиентов о работе над заказом, выявляют предпочтения и даже определяют, какая маркетинговая стратегия лучше работает в каждом отдельном случае.

* * *

Нефтегазовая отрасль обладает огромным количеством техники и сложной инфраструктуры. Это буровые вышки, нефтепроводы, морские платформы и т. д. Различные сбои в работе и другие эксплуатационные расходы оказывают значительное влияние на прибыль от добычи. Поэтому большое внимание уделяется оптимизации работы этих активов и созданию систем мониторинга ключевых эксплуатационных характеристик. Как показывает практика, многие из этих задач успешно решаются с помощью инновационных технологий машинного обучения и методов обработки больших данных.

Одним из первопроходцев по внедрению технологии *Big Data* на рынке углеводородов была компания *BP*. Благодаря внедрению автоматизированных систем предиктивной аналитики для оценки надёжности и прогнозирования осложнений при эксплуатации оборудования в различных технических процессах компании *BP* удалось достичь экономии 7 млрд долл. в год.

BP установила широкий спектр датчиков на более чем 99 % своих нефтяных и газовых скважин и одной из первых реализовала проект «Цифровое месторождение», который позволил добиться существенного роста добычи, а также улучшить другие производственные показатели. Также благодаря аналитике срок строительства новых скважин был уменьшен на 30 %, а общая стоимость скважины снизилась на 15 %.

Благодаря внедрению предиктивной аналитики в систему управления электроцентробежными насосами удалось выявить причины сбоев автоматического перезапуска после аварийного отключения электропитания.

Новые информационно-коммуникативные технологии не остались незамеченными и для крупных игроков на рынке энергетики (в т. ч. для акторов из РФ), которые стремятся воспользоваться их значительным потенциалом.

Ярким примером в данном случае может служить российский энергетический гигант «Газпром», который применил технологию *Big Data* для комплексного изучения состояния своей добывающей инфраструктуры. Посредством обработки значительного массива данных о работе объектов, осуществлённой сотрудниками компании и сторонними специалистами, были получены исчерпывающие и наглядные сведения, представленные в форме алгоритмов, позволяющие в дальнейшем минимизировать число внештатных ситуаций при добыче энергоресурсов.

Кроме того, с этим связан отдельный, не менее важный и амбициозный проект по повышению эффективности разработки новых и освоению уже используемых месторождений, осуществляемый в сотрудничестве с американской корпорацией *IBM*. Он подразумевает формирование алгоритмов автоматического определения и оптимизации технологий разработки зале-

жей, что приведёт к значительному сокращению связанных с этими процессами временных затрат [Перспективные технологии..., 2017]².

Параллельно разрабатывается система гибридного интеллектуального поиска, способная отвечать на запросы, поданные естественным языком, и ведётся разработка менее масштабных проектов.

Значительный опыт в работе с новыми ИТ-технологиями имеет американская корпорация *General Electric (GE)*, которая является крупнейшим производителем промышленного оборудования для самых разных отраслей. Для того чтобы сократить время простоя и увеличить межсервисные интервалы, *GE* установила в своё оборудование множество датчиков, подключённых к системе мониторинга и управления. Полученные данные анализируются в облаке и в реальном времени предоставляют информацию о том, как работает оборудование, а также отслеживается влияние незначительных изменений на работу и производительность.

Силовые турбины, авиационные двигатели и больничные сканеры *GE* постоянно контролируют условия, в которых они работают. Каждая из 22 000 ветряных турбин компании непрерывно передаёт операционные данные в облако, где аналитики *GE* могут настраивать направление и угол наклона лопастей, чтобы обеспечить получение как можно большего количества энергии.

Интеллектуальные алгоритмы обучения позволяют каждой отдельной турбине адаптировать своё поведение, чтобы имитировать другие, близлежащие турбины, которые работают более эффективно.

Дополнительно в *GE* создали систему, позволяющую собирать и анализировать данные своим клиентам. Например, каждая из турбин газовых электростанций генерирует около 500 ГБ данных в день, которые передаются в сервис *GE Industrial Data Lake*. Сервис предоставляет ряд инструментов, помогающих клиентам представлять данные в удобном для работы виде и помогать с их анализом. Это собственные сервисы *GE Predictivity* и *Predix*, а также инструменты, разработанные партнёрами *GE*, такими как *Pivotal* и *Accenture*.

* * *

Одними из наиболее успешных примеров применения инновационных технологий в настоящее время стала цифровизация государственных реестров.

Эстония начиная с 1990-х годов во внутренней политике сделала ставку на цифровизацию и развитие сети интернет. Правительство стремилось к тому, чтобы государственные службы работали максимально прозрачно, а

² Перспективные технологии *Big Data* в нефтяном инжиниринге: опыт компании «Газпромнефть» // <https://ntc.gazprom-neft.ru/research-and-development/papers/13596/>, дата обращения 10.12.2021.

их услуги были доступны и удобны каждому. Для того чтобы это реализовать, Эстония брала самые перспективные технологии из ИТ и старалась применить их в государственном секторе. Одной из таких была технология распределённого реестра (то, что позже стали называть «блокчейн»).

Первый проект с использованием блокчейна, *eHealth Foundation* (Фонд электронного здравоохранения Эстонии), реализовал совместно с компанией *Guardtime*. Идеей проекта было обеспечить сохранность, целостность и прозрачность медицинской информации граждан. К тому же требовалось исключить возможность изменения и безвозвратного удаления данных при хакерских атаках и сбоях в системе. В основу проекта легла *KSI (Keyless Signature Infrastructure)*. Это блокчейн-технология, обеспечивающая масштабные проверки целостности и подлинности данных без опоры на центральный узел. Благодаря связке *KSI* и *Oracle* изменения в истории болезни пациентов можно увидеть в режиме реального времени. *KSI* в данной системе служит не для хранения данных, а как система защиты информации. Каждый раз, когда данные пациента меняются, *KSI* проверяет правомерность изменений и создаёт новую электронную подпись в виде хеш-сумм. Это позволяет отслеживать все изменения и оперативно реагировать на различные сбои. Данный проект был реализован в 2008 г.

Успех данного проекта послужил началом масштабного применения блокчейна в Эстонии. Сегодня большинство госуслуг в Эстонии оказываются онлайн, а целостность данных обеспечивают блокчейн-технологии. Применение блокчейна сделало возможным создание электронных паспортов, что позволило сделать надёжную систему идентификации. Это послужило отправной точкой многим проектам, например проекту *Bitnation* *.

Американский разработчик программного обеспечения *Aricent*, бизнес-модель которого предполагает активное привлечение к работе над проектами субподрядчиков, реализовал проект по интеграции блокчейна с *GitHub*. В этом проекте с помощью умного договора были формализованы отношения с субподрядчиками. В электронном договоре были прописаны условия выполнения работы и различные неустойки. Так как регулирование отношений и назначение неустоек были возложены на беспристрастную систему, это мотивировало разработчиков выполнять работу точно в поставленные сроки. По заявлениям *Aricent*, благодаря системе удалось уменьшить время выполнения проектов на 10 % и увеличить прибыль на 15 %.

* *Bitnation* — это первая в мире компания, называющая себя «электронным государством», которая работает на технологической базе блокчейна. Компания предоставляет для своих клиентов услуги, которые классически осуществляет государство: удостоверение личности, нотариальные услуги, сервисы кредитной истории и страхования. С ноября 2015 г. Эстония стала первым государством, сотрудничающим с *Bitnation*, цель сотрудничества — перевод нотариальной системы страны на технологию блокчейн.

* * *

Как мы видим, применение данных технологий в различных сферах существенно повысило эффективность работы и позволило получить серьёзный экономический эффект. На сегодняшний день технологии из этой области развиваются очень успешно. Их развитие уже сейчас достигло следующего уровня, что позволит в ближайшее время строить более сложные и глобальные системы.

Глобальные рынки под действием цифровизации значительно изменились. Уже несколько лет мы видим мировой тренд по цифровизации экономики. Ожидается, что новые технологии позволят вывести на новый уровень управление национальной экономикой и добиться более эффективного распределения ресурсов.

Готовность стран к переходу на цифровую экономику определяется с помощью индекса сетевой готовности (*Networked Readiness Index*), составленного Всемирным банком. Индекс сетевой готовности стран — это комплексный показатель, характеризующий уровень развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и сетевой экономики в странах мира.

Индекс измеряет уровень развития ИКТ по 62 контрольным показателям, которые можно разделить на четыре основных направления [Индекс сетевой готовности..., 2021]:

- 1) технологии;
- 2) люди;
- 3) управление;
- 4) влияние.

На данный момент Россия занимает только 48-е место в рейтинге, что отражает её отставание от ведущих экономик мира. Лидирующие места в рейтинге занимают Швеция, Дания, Сингапур и Нидерланды, США расположились на восьмом месте.

В рейтинге экономических и инновационных результатов использования цифровых технологий Россия находится на 38-м месте. В данном списке ведущие места занимают Финляндия, Швейцария, Швеция, Израиль.

Причиной значительного отставания нашей страны, по заявлению Всемирного банка, являются значительные пробелы в законодательстве для развития цифровой экономики. Ввиду низкого уровня использования новых ИТ-технологий в бизнесе в стране сформировалась достаточно неблагоприятная ситуация для ведения бизнеса с использованием внедрённых инноваций.

Именно значительное отставание в применении цифровых технологий бизнесом от государственных органов и населения, по мнению Всемирного банка, является самым негативным фактором в российской экономике.

Harvard Business Review опубликовал в январе 2021 г. рейтинг «Цифровые страны мира — 2020» и отнёс Россию к группе «перспективных стран» в области развития цифровых систем [*Which Economies...*, 2020].

Рейтинг 90 экономик мира составлен на основании 160 индикаторов, отслеживающих 4 главных фактора: предложение, спрос, институты и инновации.

Для составления рейтинга использованы общедоступные и коммерческие данные из более чем 45 массивов информации, а также анализ, проведённый *Digital Planet* Школы Флэтчера.

В рейтинге экономики оцениваются по двум показателям: текущее состояние цифровизации в стране и её скорость, измеренная как прирост баллов рейтинга с 2008 по 2019 г.

Среди стран-лидеров особенно выделяются три страны: Южная Корея, Сингапур и Гонконг. США занимает 2-е место после Сингапура, что говорит о выдающемся росте цифровизации экономики такого размера и сложности.

Harvard Business Review предположил, что на выдающиеся успехи стран-лидеров наиболее серьёзно повлияли шесть приоритетов в политике:

- 1) поддержка введения цифровых потребительских инструментов (интернет-торговля, цифровые платежи, развлечения и т. д.);
- 2) привлечение, обучение и удержание ИТ-кадров;
- 3) поддержка цифровых стартапов;
- 4) обеспечение быстрого и общедоступного как наземного, так и мобильного доступа в интернет;
- 5) специализация на экспорте цифровых товаров, услуг и медиа;
- 6) координированный процесс по созданию инноваций: университеты, бизнес и создание ответственных за цифровизацию министерств.

Среди перспективных стран особенно выделяется Китай. На его развитие в первую очередь влияют быстрорастущий спрос и большое количество инноваций. Ещё два заметных участника, занявшие третье и четвёртое места, — Индонезия и Индия. Несмотря на внушительную территорию, за 12 лет они добились значительного успеха.

На основании анализа установлено, что прорывные экономики концентрируются на следующих задачах:

- улучшение мобильного интернета;
 - укрепление институциональной среды и развитие цифрового законодательства;
 - поддержка инвестиций в цифровые предприятия, финансирование цифровых НИОКР, обучение ИТ-кадров;
 - меры по сокращению неравенства в доступе к цифровым ресурсам, по классовым, этническим, гендерным и географическим признакам.
- Как мы можем видеть, одним из ключевых пунктов, послуживших цифровому развитию стран-лидеров, стало создание благоприятных условий для ведения цифрового бизнеса.

В 2019 г. *Harvard Business Review* опубликовал рейтинг 42 стран «Благоприятность условий ведения цифрового бизнеса». Рейтинг основан на

результатах исследования проекта *Digital Planet* при университете Тафтса [*Ranking 42 Countries...*, 2019].

По результатам данных исследований, Россия сильно отстаёт по готовности к цифровой экономике и цифровизации от стран-лидеров. Во многом это продиктовано слабой цифровизацией бизнеса, недостаточным вниманием к подготовке и удержанию ИТ-кадров, созданию рабочих мест и отсутствием глобальной координированной программы по цифровизации. Однако в государственном секторе в последнее время цифровизация идёт на неплохом уровне, уровень пользования цифровыми сервисами среди населения также достаточно высок. Многие исследования относят Россию к перспективным странам.

* * *

Для того чтобы улучшить положение, нужно направить основные силы на реализацию государственных программ (так как роль государства в бизнесе и социальной жизни очень высока), улучшить программы подготовки ИТ-кадров, популяризировать цифровизацию бизнеса и обеспечить активное развитие беспроводных сетей, особенно в регионах.

Развитие технологий машинного обучения, алгоритмов работы с *Big Data* и блокчейном, а также развитие сети интернет дали возможности для полного перехода на цифровые деньги.

Соглашение о начале разработок национальных цифровых валют *CBDC* (*Central Bank Digital Currency*) было подписано ещё в 2017 г. абсолютным большинством стран³.

Цифровая валюта центрального банка — это средство платежа, расчётная единица и накопитель стоимости. Безопасность её идентификации обеспечивается компьютерным шифрованием. Она является частью денежной массы, так же как и физическая валюта, и уровень ответственности за выпуск цифровой валюты ровно такой же.

CBDC может храниться и передаваться всеми видами цифровых платёжных систем и услуг. Однако коммерческие организации гораздо меньше участвуют в поддержке транзакций. В новой модели коммерческие организации не обеспечивают хранение и подтверждение переводов, что может привести к потере ценности их посреднической роли. Создание универсальных счетов в центральном банке для абсолютно всех граждан является одним из центральных предложений по внедрению цифровой валюты.

Для внедрения *CBDC* Всемирным банком были предложены три основные модели:

1. С доступом для финансовых учреждений (*Model FI*)

³ CBDC – Цифровая валюта центрального банка // <https://cbdc.ru/>, дата обращения 10.12.2021.

При использовании этой модели доступ к валюте имеют только банки и небанковские кредитные организации (НКО). Цифровая валюта создаёт для них мгновенные дешёвые, а главное — безопасные платежи. Роль центрального банка при использовании модели сохраняется.

2. Доступ для всей экономики (*Model EW*)

Эта модель предполагает доступ к цифровой валюте не только банками и НКО, но компаниями и предприятиями. Однако некрупные агенты для покупки валюты не смогут напрямую взаимодействовать с ЦБ. С этой целью создаётся биржа *CBDC* и инфраструктура пользовательских интерфейсов для транзакций, поддерживаемая третьими сторонами.

3. Доступ для финансовых институтов плюс ограниченный доступ к банкам при поддержке *CBDC (Model FI+)*

Данная модель предполагает для всех банков и НКО отсутствие доступа к *CBDC*. Минимум одно НКО занимает позицию безопасного банка (*Narrow Bank*), предоставляя финансовый актив компаниям и предприятиям. Профиль риска избранного НКО не зависит от риска, связанного с финансовой деятельностью учреждения и его заёмщиками, соответственно приём и оплата депозитов данного НКО не будут связаны с посредничеством для обеспечения работы *CBDC*.

Важно отметить, что *CBDC* не является криптовалютой, поскольку не соответствует её основным признакам: децентрализованность, изменение условий выпуска путём голосования, ответвление (форк) и свободная купля-продажа.

Преимущества и недостатки введения единой цифровой валюты отражены в таблице.

Преимущества <i>CBDC</i>	Недостатки <i>CBDC</i>
Ускорение и снижение стоимости транзакций	Исчезновение традиционной банковской системы
Повышение безопасности банков и электронных платёжных систем	Потеря конкурентного смысла среди электронных платёжных систем
Стабилизация кредитных рисков	Возложение всех обязанностей на центральный банк и государство
Упрощение трансграничных переводов	Приостановление привычной деятельности организаций вследствие повышения глубины проникновения стандартов <i>AML/KYC</i> в их деятельность
Снижение количества теневых операций	
Полное исчезновение наличных средств	

В 2020 г. к активным дискуссиям привели новости о начале обширного тестирования Китаем собственной *CBDC*.

К разработкам цифрового юаня были подключены самые популярные в КНР операторы платёжных систем – *Alipay* и *WeChat*.

В октябре 2019 г. председатель КНР поручил правительству обеспечить лидерство Китая в сфере блокчейн-технологий и внедрения решений на их основе в реальную экономику.

Уже в декабре 2019 г. официальные лица заявили о готовности цифрового юаня к тестированию.

В мае 2020 г. Народный банк Китая в рамках пилотной программы ввёл в четырёх городах национальную криптовалюту *DCEP*. 29 августа в течение короткого времени гражданам этих городов стала доступна ссылка для регистрации и скачивания электронного кошелька *DCEP*, после чего доступ к установке кошелька был закрыт. В рамках тестирования было предложено четыре уровня электронного кошелька с различным лимитом баланса (500, 300, 50, 10 тыс. юаней). Уровень кошелька определялся исходя из официального дохода и статуса. В настоящее время данная программа тестирования цифрового юаня завершена. По тому, как она была организована, можно сделать определённые выводы.

Нет сомнения, что кошелёк через определённое время будет запущен. Похоже, что Китай окончательно взял курс на отказ от наличных денег в ближайшее время.

На данный момент информации о том, каким будет цифровой юань, практически нет. Известно, что запуск второго этапа крупномасштабного тестирования запланирован на 2022 г., к открытию зимних Олимпийских игр в Пекине.

В мировой политике обсуждается возможность того, что цифровая версия юаня может помочь Ирану и другим странам легче избегать санкций США и облегчит перевод денежных средств.

Член совета директоров ФРС США Лаэль Брейнард в августе 2020 г. сообщила, что Федеральная резервная система совместно с Массачусетским технологическим институтом и Федеральным резервным банком Бостона изучают, как повлияют введение цифрового доллара и использование технологий блокчейн на мировую финансовую систему. Для того чтобы протестировать *CBDC*, разрабатываются специальные блокчейн-платформы⁴.

Брейнард отметила, что пандемия *COVID-19* напомнила о важности формирования стабильной платёжной инфраструктуры, доступной каждому жителю страны. В начале пандемии представители Демократической партии США планировали представить законопроект, который включал положения о *CBDC*. По этому положению цифровой доллар

⁴ В ФРС США призвали ускорить разработку цифрового доллара // <https://www.rbc.ru/supto/news/6107da429a79477d58a3e6db>, дата обращения 10.12.2021.

мог бы использоваться для проведения социальных выплат, стимулируя экономику.

В России с 2017 г. также ведутся активные работы по введению цифрового рубля. На данный момент известно, что первоначально система будет основана на платформе *Ethereum*⁵. Цифровой рубль будет распространяться с помощью ключевых банков страны. Взаимодействие с цифровым рублём будет организовано с помощью электронного кошелька в виде приложения. Возможно, что дополнительно будут использоваться пластиковые карты (вопрос в данный момент прорабатывается). Цифровые рубли будут возможно использовать как с доступом в интернет, так и офлайн. Возможности использования цифрового рубля офлайн будут основаны на предварительной резервации (создании специальной записи в смартфоне или другом устройстве), однако чёткого представления об этом пока нет.

Первоначально цифровой рубль будет использоваться с остальными формами рубля и свободно конвертироваться из одной формы в другую. Однако представители Сбербанка предлагают перевести все цифровые деньги в формат цифрового рубля.

В России существуют три основных вида рубля:

- 1) наличные;
- 2) средства на счетах коммерческих банков (записи на именном счёте);
- 3) безналичные деньги, выпущенные ЦБ (счета коммерческих банков в Центральном банке).

Цифровая валюта в том виде, который предлагает Всемирный банк, теоретически способна одинаково хорошо заменить средства на счетах коммерческих банков и безналичные деньги, выпущенные ЦБ. Тем более под конвертацию и содержание двух систем понадобится содержать больше инфраструктуры, что сделает экономику менее эффективной и дорогой.

В теории цифровая валюта с помощью специальных систем, основанных на машинном обучении, даст возможность в реальном времени видеть все процессы в экономике и ситуации в отдельных отраслях. Это позволит лучше управлять инфляцией и эффективнее управлять бюджетными средствами, а также снизит издержки на поддержание экономики путём уменьшения количества посредников, связанных с платежами и распространением денежных средств. Ожидается, что цифровая валюта сделает систему платежей более прозрачной, что увеличит налогооблагаемую базу и значительно снизит долю теневой экономики.

⁵ Банк России выпустит прототип цифрового рубля в начале 2022 года // <https://www.rbc.ru/crypto/news/618a82449a7947363f7add5e#:~:text=, дата обращения 10.12.2021.>

Список литературы

Устойчивое развитие предприятия, региона, общества: инновационные подходы к обеспечению: Моногр., 2014 / Под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. О. В. Прокопенко. Польша: *Drukarnia i Studio Graficzne Omnidium*. 474 с.

Chakravorti B., Bhalla A., Chaturvedi R. Sh., 2020. Which Economies Showed the Most Digital Progress in 2020? // <https://hbr.org/2020/12/which-economies-showed-the-most-digital-progress-in-2020>, дата обращения 10.12.2021.

Chakravorti B., Chaturvedi R. Sh., 2019. Ranking 42 Countries by Ease of Doing Digital Business // <https://hbr.org/2019/09/ranking-42-countries-by-ease-of-doing-digital-business>, дата обращения 10.12.2021.

CBDC – Цифровая валюта центрального банка // <https://cbdc.ru/>, дата обращения 10.12.2021.

Банк России выпустит прототип цифрового рубля в начале 2022 г. // [https://www.rbc.ru/crypto/news/618a82449a7947363f7add5e#:~:text=](https://www.rbc.ru/crypto/news/618a82449a7947363f7add5e#:~:text=,), дата обращения 10.12.2021.

В ФРС США призвали ускорить разработку цифрового доллара // <https://www.rbc.ru/crypto/news/6107da429a79477d58a3e6d6>, дата обращения 10.12.2021.

Индекс сетевой готовности / Networked Readiness Index, 2021 // <https://gtmarket.ru/ratings/networked-readiness-index>, дата обращения 10.12.2021.

Перспективные технологии *big data* в нефтяном инжиниринге: опыт компании «Газпромнефть» // <https://ntc.gazprom-neft.ru/research-and-development/papers/13596/>, дата обращения 10.12.2021.

MUDROVA Svetlana V.,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Political Economy and History of Economic Science.

Address: 36, Stremyanny lane, Moscow, 117997, Russian Federation

E-mail: Mudrova.sv@rea.ru

SPIN-code: 7714-3400

ORCID: 0000-0002-3907-5371

INNOVATIVE ACTIVITY IN THE MODERN RUSSIAN ECONOMY

DOI: 10.48137/2687-0703_2021_16_4_132

Received: 15.12.2021.

For citation: *Mudrova S. V.*, 2021. Innovative Activity in the Modern Russian Economy. – *Geoeconomics of Energetics*. № 4 (16). P.132-147. DOI: 10.48137/2687-0703_2021_16_4_132

The research was supported by RFBR of RF grant, the agreement on the project No. 20-010-00608.

Keywords: innovation, modern economy, digital economy, digital currency, machine learning, Big Data, blockchain.

Abstract:

The article considers approaches to the functioning and development of the economy in the conditions of innovation activity. The idea of integration and globalization in the conditions of innovative development and digitalization is given. The article provides a basic description of the concepts of machine learning, Big Data and blockchain. The author describes the specifics of the use of new IT technologies in the Russian and foreign fuel and energy complex. The process of digitalization of the Russian economy and the development of digital currency is investigated.

References

Sustainable development of an enterprise, region, society: innovative approaches to ensuring: Monograph, 2014 / Under the general editorship of Doctor of Economics, Professor O. V. Prokopenko. Poland: Drukarnia i StudioGraficzneOmnidium. 474 p. (In Russ.)

Chakravorti B., Bhalla A., Chaturvedi R. Sh., 2020. Which Economies Showed the Most Digital Progress in 2020? // <https://hbr.org/2020/12/which-economies-showed-the-most-digital-progress-in-2020>, accessed 10.12.2021. (In Eng.)

Chakravorti B., Chaturvedi R. Sh., 2019. Ranking 42 Countries by Ease of Doing Digital Business // <https://hbr.org/2019/09/ranking-42-countries-by-ease-of-doing-digital-business>, data accessed 10.12.2021. (In Eng.)

CBDC – Digital currency of the central bank // <https://cbdc.ru/>, accessed 10.12.2021. (In Russ.)

The Bank of Russia will release a prototype of the digital ruble in early 2022 // <https://www.rbc.ru/crypto/news/618a82449a7947363f7add5e#:~:text=>, accessed 10.12.2021. (In Russ.)

The US Federal Reserve urged to accelerate the development of the digital dollar // <https://www.rbc.ru/crypto/news/6107da429a79477d58a3e6d6>, accessed 10.12.2021. (In Russ.)

Networked Readiness Index, 2021 // <https://gtmarket.ru/ratings/networked-readiness-index>, accessed 10.12.2021. (In Russ.)

Promising big data technologies in oil engineering: the experience of Gazpromneft // <https://ntc.gazprom-neft.ru/research-and-development/papers/13596/>, accessed 10.12.2021. (In Russ.)

Gulchehra NIGMATULLAYEVA

CONCEPTUAL DEVELOPMENT OF ELECTRIC ENERGY OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN: PROBLEMS AND PROSPECTS

Received: 18.11.2021.

For citation: *Nigmatullayeva G. N.*, 2021. Conceptual Development of Electric Energy of The Republic of Uzbekistan: Problems and Prospects. – *Geoeconomics of Energetics*. № 4 (16). P.148-158. DOI: 10.48137/2687-0703_2021_16_4_148

In the conditions of global competition, those countries that have been able to create a developed infrastructure and institutions for the development, commercialization and implementation of innovations have an advantage. Nowadays, at the time when all countries, even though in different degrees, are experiencing the consequences of the financial and economic crisis, it is clear that ones will outcome the current situation with the least losses who will timely take measures on re-equipment of production and develop new technologies, which ensures the production of competitive products with the lowest costs. One of the most important measures to overcome the consequences of the financial and economic crisis is the accelerated innovative development of the fuel and energy complex. This direction has been and remains a priority in the policy of the Republic of Uzbekistan. The energy sector of Uzbekistan is the basic branch of the national economy of the Republic and, having significant production and scientific potential, has a significant impact on the development of the entire national economic complex. Continuous electrification has created an opportunity for the development of industrial and social infrastructure of cities and rural areas of Uzbekistan, the formation of industry, construction industry. Currently, taking into account the self-sufficiency of the republic, measures are being taken to meet its needs in the medium and long term with the necessary high-quality energy resources on the basis of sustainable innovative development of the industry.

NIGMATULLAYEVA Gulchehra N., PhD doctoral student o Economics of Industries Department, TSUE, Tashkent. **Address:** 49, Islam Karimov str., Tashkent, 100066, Republic of Uzbekistan. **E-mail:** nigmatullayeva.gulchekhra@mail.ru

Keywords: electric power industry, thermal power plants, hydroelectric power plants, renewable sources, modernization, development strategy, generation, consumption, energy consumption, energy structure, energy security.

The article touches upon the role of the energy sector in the development of the economy of the Republic of Uzbekistan. Data on the use and generation of electricity throughout the republic are presented. The detailed classification of the producing electricity is disclosed in full. There are announced the problems and ways to solve them in the near future.

Introduction

The electric power industry of Uzbekistan is the basic branch of the economy, has significant potential, and strongly influences the development of the market economy. In accordance with the decree of the President of the country, in order to radically improve the organizational and legal foundations of public administration in the electric power industry it should be based on advanced foreign experience, modern innovative ideas, developments and technologies. In addition to it, the strategy should be in accordance with the tasks defined by the action strategy for the five priority areas of development of the Republic of Uzbekistan in 2017-2021. Today, a consistent demonopolization of energy industries is being carried out; measures are being taken to accelerate the development and financial stability of the electric power industry. Because of development of industry and economic growth, an increase in population, industrialization, raising living standards, Uzbekistan needs to increase electricity generation, thereby ensuring energy security in the country.

Currently, the available generating capacity of the republic is 12,9 GW, of which: TPP – 11 thousand. MW or 84,7%; HPP – 1,85 thousand. MW or 14,3 %; Block stations and isolated stations – more than 133 MW or 1 %.

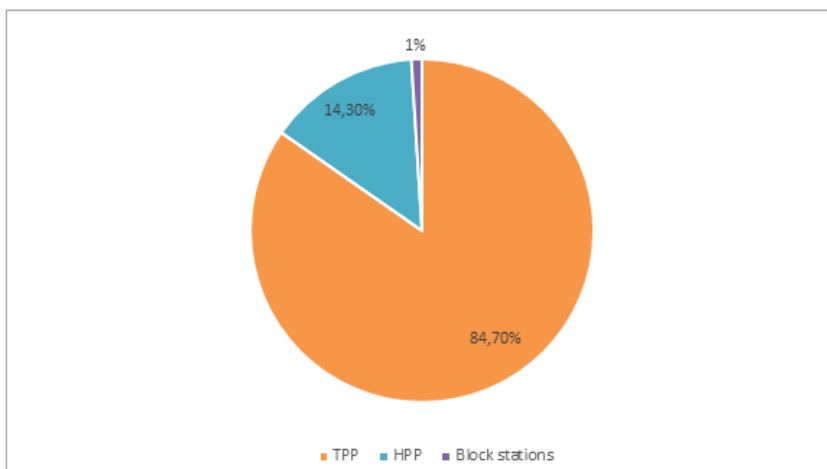

Fig. 1. Structure of electric energy generation

Source: Designed by the author based on the Concept of providing the Republic of Uzbekistan with electric energy for 2020-2030

The main source of generation is 11 thermal power plants, including 3 thermal power plants. The capacity of modern energy-efficient power units is 2,825 MW, or 25,6 % of the total capacity of thermal power plants [The concept of providing the Republic of Uzbekistan].

In 2019, 89,6 % of the total electricity generated within the republic was generated by thermal power plants. At the same time, the total capacity of power units operating during the maximum load hours of the unified electric power system amounted to 8,6 thousand MW.

Hydropower includes 42 HPPs, including 12 large ones with a total capacity of 1,68 GW (90.8 % of the total capacity of HPPs), 28 MPPS with a total capacity of 0.25 GW (13.5 %) and 2 micro HPPs with a total capacity of 0,5 MW. 30 hydroelectric power plants with a capacity of 532 MW are operating along the watercourse (4 large ones – 317 MW and 26 MGES – 215 MW). There are 10 hydroelectric power stations with a total capacity of 1.4 GW at the reservoirs. The utilization rate of the republic's hydropotential is 27 %.

One of the main problems at present is that significant physical and moral deterioration of production capacities does not always allow us to compete with foreign manufacturers, even in the domestic market. This problem also exists for fuel and energy companies. Hence, there is a need to develop and implement an effective innovation policy at the enterprises of the fuel and energy complex of the Republic of Uzbekistan, the main task of which is to create such a system that will allow the intellectual and scientific and technical potential of this industry to be used in production in the nearest possible future [Allayeva, 2014].

At the same time, the economy of Uzbekistan is very energy-intensive by international standards. However, some countries as Western Europe, The USA, Japan and Korea are in average 4-5 times more energy-intensive compared to Uzbekistan. Among the group of CIS countries, Uzbekistan has the highest value of this indicator. The energy intensity of Uzbekistan's GDP exceeds the current value of this indicator in Russia – by 80%, Kazakhstan – by 70%, Ukraine – by 20%. This is due to the use of technologically outdated equipment, a high share of fuel and energy resources in the country's exports, relatively low prices for electricity and some types of fuel, an inadequate accounting system for the production and consumption of electricity and energy resources, etc. The country's leaders understand this problem and in order to reduce the energy intensity of the economy, ensure the rational and efficient use of non-reproducible hydrocarbon resources in Uzbekistan, the «Strategy for further Development and reform of the electric power industry of the Republic of Uzbekistan» was adopted, approved by the Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated March 27, 2019.

Reducing the energy intensity of the economy is the main task of Uzbekistan's energy policy, without which the energy sector will inevitably restrain the socio-economic development of the country [Priorities of industrial development..., 2010].

The key problem is a decrease in hydrocarbon fuel reserves, a large emission of greenhouse gases into the atmosphere, an increase in electricity consumption and its shortage in the near future.

The main factors contributing to the growth of electricity consumption:

- economic growth (GDP is expected to increase by 1.9 times by 2030);
- improving the standard of living of the population, leading to an increase in the use of electricity-consuming equipment;
- the growth of the country's population to 37.4 million people, according to the United Nations, with a simultaneous increase in the level of urbanization;
- elimination of unsatisfied demand, estimated at about 10 %.

In the period from 2012 to 2019, there was an increase in the percentage of electricity production at an average of 2,6 per year. However, the demand for electric energy was not fully met, the deficit amounted to 9,4 % of the demand [President resolution № 4249..., 2019].

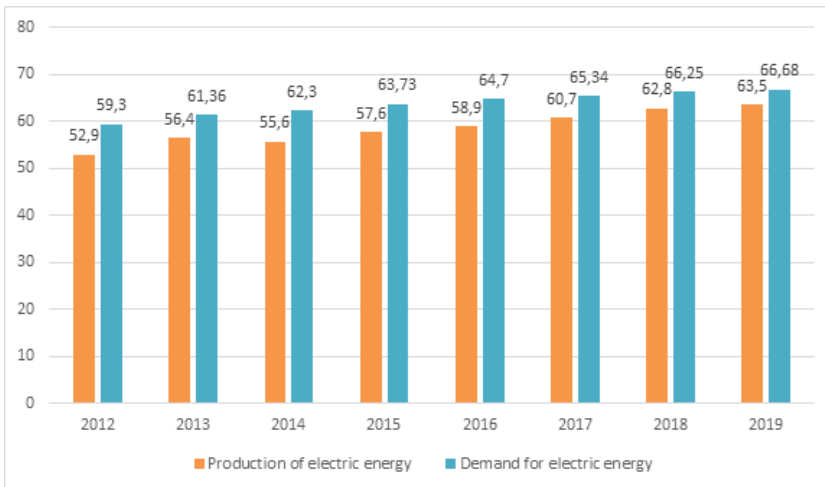

Fig. 2. Actual dynamics of production and demand for electric energy in the period 2012-2019, billion kWh

Source: Designed by the author based on the Concept of providing the Republic of Uzbekistan with electric energy for 2020-2030

The main goal of the energy policy of the Republic of Uzbekistan is to meet the growing demand for electric energy at competitive prices and to ensure the dynamic development of the electric power industry of the Republic of Uzbekistan through modernization and reconstruction of existing power plants, construction of new generating capacities based on highly efficient energy production technologies, improvement of the electricity metering system, diversification of fuel and energy resources with the development of renewable energy sources [National goals and objectives].

The main ways to solve the tasks are the following steps:

1. Modernization and construction of new electric power facilities necessary to ensure the effective functioning of the domestic market, improvement of the electric energy accounting system and dispatch management through the introduction of advanced information and communication technologies.

The main objectives of the technical policy are:

– the introduction of new equipment and technologies to solve large-scale program tasks for the development of the electric power industry, ensuring reliable operation of the entire energy system of Uzbekistan, balanced by the regions of the republic, the structure of highly efficient, environmentally friendly generating capacities of thermal, hydraulic power and renewable energy sources:

– overcoming the trend of physical and moral aging of fixed assets and the complete withdrawal of obsolete equipment by the end of the period. It can be done by an increase in the commissioning of new generating capacities, the scale of work on the reconstruction and technical re-equipment of existing power plants based on the use of advanced technologies and technical solutions;

– reducing the specific consumption and increasing the efficiency of fuel use by increasing the generation of electricity on thermal consumption and, in this regard, creating the necessary regulatory framework that promotes combined generation of electricity and heat;

– improving the reliability and manageability of the unified energy system through the use of new highly efficient equipment and technologies in new construction, technical re-equipment and reconstruction of generation facilities, power grid facilities, the creation of peak capacities and highly maneuverable power units, the creation of an economically sound reserve of capacities;

– implementation in the development of new developed systems of decentralized and local electricity and heat supply based on the use of renewable energy sources, solar heaters, heat pumps, gasification technologies, including from local resources, industrial waste and household waste, followed by the use of synthesis gas and other promising breakthrough technologies;

– improving the technical level of the electric power industry based on the widespread use of superconducting equipment, advanced power semiconductor devices, microprocessor and computer technology in electrical networks and power plants;

– development of information and telecommunication infrastructure and centralized technological management;

– bringing the environmental characteristics of the electric power industry in line with progressive foreign requirements, including the tightening of national norms and standards of the environmental impact of energy.

2. Increasing the efficiency and rational use of electric energy at all stages of the technological process on the basis of energy-saving technologies and optimization of generating capacities.

The implementation of measures to optimize systems with an electric drive must be carried out in two stages. The first step is to optimize the entire system that uses the motor as a whole (e.g., cooling, utilization of thermal energy, heating, etc.). In the second stage

- optimization of motor included in the system, based on newly defined power requirements using one or more methods in accordance with the terms of applicability.

Optimization of the power supply system can be carried out by the following methods: the use of transformers with increased efficiency or a reduced level of losses, the placement of equipment requiring high current as close as possible to power sources, ensuring sufficient cable diameter in order to reduce losses.

3. Ensuring diversification in the electric power and thermal power industry by increasing the share of renewable energy sources with the creation of mechanisms for investment projects of renewable energy sources on the terms of public-private partnership, improving state policy in the field of development of renewable energy sources and demonstration of investment projects for the development of renewable energy sources;

4. Formation of a comfortable, legal, administrative investment environment and a wholesale electricity market to attract long-term, primarily foreign direct investment.

To increase the investment potential of the energy complex, it is necessary:

- to create a system of state funds through which it will be possible to provide financial support to energy enterprises at early stages of development on a competitive basis;

- to implement foreign best practices in the field of investments in innovations of the energy complex;

- to attract foreign experts in the field of innovation and energy to Uzbekistan;

- to carry out legislative harmonization of relations between the federal center and the regions in the field of regulation of investment in innovative development of the energy sector;

- to create special economic zones for the development of innovations in the energy sector, which can become a catalyst for the process of investment attractiveness of innovative development of Uzbekistan's energy sector.

5. Increasing cross-border trade and strengthening regional cooperation through the restoration and modernization of power transmission lines connected to the energy systems of neighboring countries.

In order to succeed in the task of strengthening of the regional cooperation, it is necessary to ensure that the following steps are completed:

- harmonization of the national legislations of neighboring states in the field of pricing and state regulation of natural monopoly activities in the electric power industry;

- organization of management of the interstate electric grid infrastructure, taking into account the principles of ensuring non-discriminatory and free access to it;

- development of uniform pricing principles for natural monopoly services provided on the common electricity market, to implement mechanisms of tariff and antimonopoly regulation on the common electricity market.

At the initial stage, the creation of a common electric power market can be realized by organizing one or more joint trading platforms with a limited number of par-

ticipants from each country, where bilateral fixed-term contracts will be concluded, as well as exchange trading is carried out. At this stage, the volumes of electricity sold within the framework of the common market will be insignificant (cross-border trade in surplus electricity that has not found sale on national markets. Considering the supply of those markets to the territory of other countries participating in the common market, taking into account the cost of interstate transmission, will be economically feasible). As a long-term goal, it is necessary to consider the creation of a single electricity market in Central Asian countries, which will ensure a real increase in competition as a result of integration, optimization of equipment utilization and minimization of the cost of electricity for end users.

In the Concept of providing the Republic of Uzbekistan with electric energy for 2020-2030, the directions of development of the country's electric power industry for the medium and long term are determined, **indicators of fluctuations in the power generation capacity in 2019-2030 are calculated.**

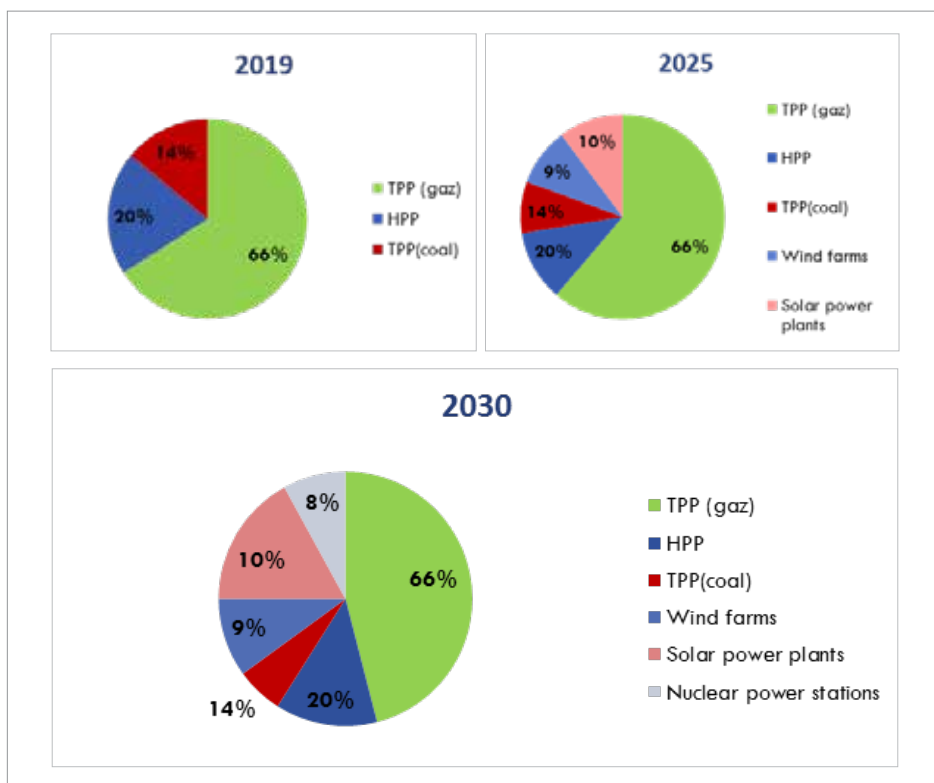

Fig. 3. Indicators of fluctuations in the power generation capacity in 2019-2030 years¹

¹ Designed by the author, but based on the data of the «Concept of providing the Republic of Uzbekistan with electric energy for 2020-2030»

Based on these diagrams, we can say that the diversification of the generation of the electric power industry will increase quite significantly in 2025-2030. As it can be seen the best world experience in the development of renewable and nuclear energy in countries such as Germany, Russia, the Netherlands, China and Spain is being studied.

Conclusion

The electric power industry of Uzbekistan is the basic branch of the national economy of the Republic and, having significant production and scientific and technical potential, has a significant impact on the development of the entire national economic complex.

Changing the traditional to new applications of electricity is becoming the main means of positive impact of the electric power industry on socio-economic development everywhere in the coming century. And this is of particular importance for Uzbekistan, where overcoming the low efficiency of electricity use in traditional areas will allow them to develop intensively with a moderate increase in electricity consumption, and its main increase should be due to the development of high technologies of the so-called new economy. Only with such a restructuring of the sphere of electricity use will the greatest positive contribution of the electric power industry to the revival of Uzbekistan be ensured.

The implementation of a complex of measures will stimulate the accelerated development of innovative energy in the Republic of Uzbekistan, which in turn will contribute to the sustainable development of not only the fuel and energy complex of the republic, but also the national economy of the country [Uvraimov, 2013]. By diversifying the generation of electric power by increasing the share of renewable energy sources and the development of nuclear energy, Uzbekistan will be able to ensure energy security in the future.

References

President resolution № 4249 27.03.2019. The strategy for further development and reform of the electric power industry of the Republic of Uzbekistan // <https://lex.uz/docs/4257085>, accessed 20.10.2021. (In Russ.)

The concept of providing the Republic of Uzbekistan with electric energy for 2020-2030 // <https://minenergy.uz/ru/lists/view/77>, accessed 20.10.2021. (In Russ.)

National goals and objectives of sustainable development for the period up to 2030 // <https://mineconomy.uz/ru/category/term/3>, accessed 20.10.2021. (In Russ.)

Priorities of industrial development in the Republic of Uzbekistan in 2011-2015: Resolution of President I. Karimov dated December 15, 2010. // Collection of legislation of the Republic of Uzbekistan. No 50. P. 472; 2011. No 50. P. 512. (In Russ.)

Allayeva G.J., 2014. Energy saving as a factor of increasing efficiency in the introduction of innovative technologies at fuel and energy complex enterprises // Problems of energy and resource saving. No. 14. P. 212-215. (In Russ.)

Uvraimov I.A., 2013. Overview of key trends in the global and Central Asian oil and gas market // Uzbek Journal of Oil and Gas. Special edition Tashkent. May. P. 28-35. (In Russ.)

НИГМАТУЛЛАЕВА Гулчехра Нуруллаевна,

аспирант кафедры «Экономика отраслей», Ташкентский
государственный университет

Адрес: Республика Узбекистан, г. Ташкент, 100066, ул. Ислама
Каримова, д. 49.

E-mail: nigmatullayeva.gulchekhra@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

DOI: 10.48137/2687-0703_2021_16_4_148

Дата поступления в редакцию: 18.11.2021.

Для цитирования: *Нигматуллаева Г. Н.*, 2021. Концептуальное развитие электрической энергии Республики Узбекистан: проблемы и перспективы. – Геоэкономика энергетики. № 4 (16). С. 148-158. DOI: 10.48137/2687-0703_2021_16_4_148

Ключевые слова: электроэнергетика, ТЭС, ГЭС, возобновляемые источники, модернизация, стратегия развития, генерация, потребление, энергопотребление, энергоструктура, энергетическая безопасность.

Аннотация

В условиях глобальной мировой конкуренции преимущество имеют те страны, которые смогли создать развитую инфраструктуру и институты по разработке, коммерциализации и внедрению инноваций. В настоящее время, когда все страны, хотя и в разной мере, испытывают последствия финансово-экономического кризиса, понятно, что из сложившейся ситуации с наименьшими потерями выйдут те из них, в которых своевременно будут приняты меры по перевооружению производства и освоению новых технологий, обеспечению за счёт этого выпуска конкурентоспособной продукции с наименьшими издержками. Одной из важнейших мер по преодолению последствий финансово-экономического кризиса является ускоренное инновационное развитие топливно-энергетического комплекса. Это направление было и остаётся приоритетным в политике Республики Узбекистан. Энергетика Узбекистана является базовой отраслью народного хозяйства республики и, обладая значительным производственным и научно-техническим потенциалом, оказывает весомое воздействие на развитие всего народно-хозяйственного комплекса. Сплошная электрификация создала возможность развития производственной и социальной инфраструктуры городов и сельских районов Узбекистана, становления промышленности, стройиндустрии. В настоящее время, учитывая самообеспеченность республики, принимаются меры для среднесрочного и долгосрочного удовлетворения её потребностей необходимыми качественными энергоресурсами на основе устойчивого инновационного развития отрасли.

В статье затронута роль энергетического сектора в развитии экономики Республики Узбекистан. Представлены данные об использовании и генерировании электроэнергии по всей республике. Подробно раскрыта детальная классификация добываемой электроэнергии. Озвучены проблемы и пути их решения в ближайшей перспективе.

Список литературы

Постановление Президента Республики Узбекистан ПП-4249 27.03.2019 «О стратегии дальнейшего развития и реформирования электроэнергетической отрасли Республики Узбекистан» // <https://lex.uz/docs/4257085>, дата обращения 20.10.2021.

Национальные цели и задачи устойчивого развития на период до 2030 года // <https://mineconomy.uz/ru/category/term/3>, дата обращения 20.10.2021.

О приоритетах развития промышленности в Республике Узбекистан в 2011–2015 годах: Постановление Президента И. Каримова от 15 декабря 2010 года. // Собрание законодательства Республики Узбекистан. № 50. С. 472, 512.

Аллаева Г. Ж., 2014. Энергосбережение как фактор повышения эффективности при внедрении инновационных технологий на предприятиях ТЭК // Проблемы энерго- и ресурсосбережения. № 4. С. 212–215.

Концепция обеспечения Республики Узбекистан электрической энергией на 2020–2030 годы // <https://minenergy.uz/ru/lists/view/77>, дата обращения 20.10.2021.

Увраимов И. А., 2013. Обзор ключевых трендов на мировом и центральноазиатском нефтегазовом рынке // Узбекский журнал нефти и газа. Спецвыпуск. Ташкент. Май. С. 28–35.

Сергей САЛУН
Анна УЖАКИНА

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ИРАНА И ИТАЛИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Дата поступления в редакцию: 5.11.2021.

Для цитирования: Салун С. Н., Ужакина А. А., 2021. Экономические отношения Ирана и Италии на современном этапе. – Геоэкономика энергетики. № 4 (16). С. 159-182. DOI: 10.48137/2687-0703_2021_16_4_159

В статье рассматриваются экономические отношения Итальянской Республики и Исламской Республики Иран, оцениваются факторы, влияющие на развитие этих отношений, и их значение для каждой из стран. Как показывают авторы, особое влияние на двусторонние отношения оказывает фактор членства Италии в Евросоюзе, а также санкционный режим, инициированный в отношении Ирана Соединёнными Штатами Америки и поддержанный Брюсселем. Однако, даже несмотря на трудную международную ситуацию, последние два десятилетия Италия стабильно входит в тройку главных европейских партнёров Ирана. В статье подробно рассматривается структура экспорта и импорта Италии в Иран и наоборот, а также оценивается инвестиционный аспект взаимного сотрудничества. Авторы делают вывод о том, что, несмотря на все неблагоприятные факторы, обе страны стремятся к диалогу и стараются сохранить экономические отношения везде, где для этого предоставляется возможность, и что в дальнейшем эти отношения могут быть очень перспективны – но только при условии значительного смягчения санкционного режима и антииранской политики США.

САЛУН Сергей Николаевич, к. т. н., доцент кафедры К-7 «Педагогика, психология, право, история и философия», Мытищинский филиал МГТУ им. Н.Э. Баумана. Адрес: Российская Федерация, г. Мытищи, Московская обл., 141005, ул. 1-я Институтская, д. 1. E-mail: caf-pedagog@mgul.ac.ru

УЖАКИНА Анна Андреевна, студентка Российского университета транспорта. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 127055, ул. Новосущёвская, д. 26а. E-mail: annsnakes@gmail.com

Ключевые слова: Иран, Италия, санкции, двустороннее сотрудничество, ЕС, экономика Италии, экономика Ирана, СВПД.

Экономические отношения Италии и Ирана на современном этапе

В 2020 г. исполнилось 160 лет с момента установления дипломатических отношений между Италией и Ираном — странами, которые, несмотря на множество культурных различий и достаточную территориальную удалённость, с давних пор занимали важное место во внешней политике друг друга.

Отношения между Италией и Ираном не соответствуют традиционным концептуальным определениям, обычно используемым специалистами в области международных отношений. Итальянским исследователем Джакомо Бого даже был введён для их характеристики специальный термин «особая связь» — *Special Liaison* [Bogo, 2018]. Италия и Исламская Республика Иран (ИРИ) не являются союзниками, более того, они принадлежат к разным международным блокам и расходятся во мнениях по целому ряду внешнеполитических вопросов. Тем не менее их отношения были отмечены непрекращающимся взаимным интересом. Тот факт, что Италия является западной страной, более того, одним из государств — основателей ЕС и членом НАТО, никогда не приводил к разрыву отношений Рима с Тегераном, даже когда со стороны Запада в отношении Исламской Республики вводились многочисленные санкции, а антизападная риторика была выгодна ИРИ для решения внутриполитических задач.

Влияние фактора ЕС на развитие двусторонних экономических отношений

Заключение в 1992 г. Маастрихтского договора, ознаменовавшего создание Евросоюза, привело к частичной передаче суверенитета Италии и других стран-членов наднациональным органам власти. Принимая во внимание тесную взаимосвязь Европы и Соединённых Штатов Америки — как в рамках двусторонних отношений, так и в рамках блока НАТО, — общий вектор экономической политики Италии в отношении Ирана с этого момента стал в особой степени зависеть от обще-европейской политической линии по данному вопросу. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть фактор членства Италии в Евросоюзе и его влияние на развитие двусторонних отношений. Для того чтобы наглядно проследить эту взаимосвязь, автор решил сравнить динамику объёма торговли товарами ЕС с Ираном и динамику того же показателя у Италии (рис. 1). При этом данные кризисных 2020–2021 гг. не учитывались ввиду их нерепрезентативности для обозначения общих трендов.

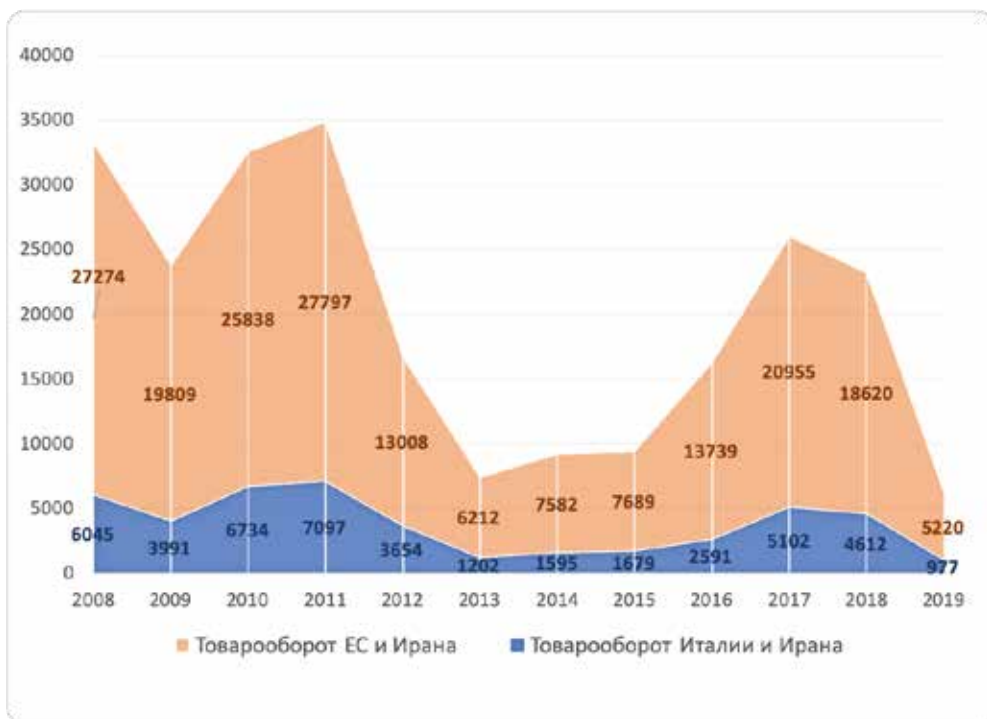

Рис. 1. Зависимость товарооборота Италии и Ирана от товарооборота ЕС и Ирана в 2008–2019 гг., млн евро

*Источник: Составлено автором по данным *Camera di Commercio e Industria Italo-Iraniana, Info Mercati Esteri u European Commission*

Стоит отметить, что под термином «товарооборот ЕС» в данной работе подразумевается товарооборот стран – членов союза. Визуально оценив характер изменения объёма торговли за каждый год (рис. 1), можно заключить прямо пропорциональный характер зависимости выбранных показателей. Несмотря на то что колебания в объёме торговли Италии с Ираном не всегда совпадают в процентном отношении с колебаниями в объёме торговли ЕС с ИРИ (табл. 1), за все 12 лет (с 2008 по 2019 г.) направление линии тренда, характеризующей товарооборот Италии и Ирана, всегда соответствовало направлению линии тренда, отражающей товарооборот Ирана и Евросоюза. Это означает, что за выбранный период Италия ни разу не укрепляла торговые отношения с ИРИ, если равнонаправленную политику не проводил Евросоюз, а годы увеличения товарооборота страны с Исламской Республикой непременно совпадают с годами увеличения того же показателя для ЕС.

Ежегодные изменения товарооборота Италии и Ирана и товарооборота ЕС и Ирана в 2008–2019 гг.

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
ТО Италии и Ирана, млн евро	6045	3991	6734	7097	3654	1202	1595	1679	2591	5102	4612	977
Изменение в процентах к предыдущему году		-34	+40,7	+5,1	-48,5	-67,1	+24,6	+5	+35,2	+49,2	-10,6	-79
ТО ЕС и Ирана, млн евро	27 274	19 809	25 838	27 797	13 008	6212	7582	7689	13 739	20 955	18 620	5220
Изменение в процентах к предыдущему году		-27,4	+23,3	+7	-53,2	-52,2	+18,1	+1,4	+44	+34,4	-12,5	-72
Разница в процентах, изменения		6,6	17,4	1,9	4,7	14,9	6,6	3,6	8,8	14,8	1,9	7

**Источник: составлено авторами по данным Camera di Commercio e Industria Italo-Iraniana, Info Mercati Esteri и European Commission*

По данным таблицы видно, что темпы роста или падения объёма торговли Италии с Ираном и Евросоюза с этой же страной не совпадают полностью. При максимальном различии почти в более чем 17 % в 2010 г. и минимальном около 2 % в 2011 и 2018 гг. в среднем значения отклоняются приблизительно на 8 %. Однако эти отклонения представляются незначительными для определения общей тенденции. Соответственно, выраженная гипотеза о сильной зависимости Италии в вопросах проведения двусторонней политики с Исламской Республикой от Евросоюза подтверждается. Несмотря на незначительные колебания, направление изменения объёма торговли с Ираном – положительное или отрицательное – совпадает для ЕС и Италии в 100 % случаев.

Таким образом, анализ приведённых выше графика и таблицы позволяет сделать вывод, что объём торговли Италии с Ираном находится в прямо пропорциональной зависимости от объёма торговли ЕС с этой страной.

Фактор санкционного режима в двусторонних отношениях Италии и Ирана

Одной из основных причин и предпосылок вышеупомянутой тенденции, несомненно, являются санкции, вводимые в отношении Ирана. Впервые санкции против Ирана были введены США ещё в 1979 г., и с тех пор давление на ИРИ лишь нарастало: очередные ограничительные меры вводились Америкой в 1984, 1995 (*Executive Order 12957*), 1996 (*ISA*), 2012 гг. Помимо этого, уже в XXI в. Совет Безопасности ООН принял 9 резолюций, препятствующих полноценному сотрудничеству с Ираном (ограничивающих водное сообщение с республикой, предоставление финансовых услуг, открытие банковских филиалов и т. д.). Основной причиной этого является подозрение мировой общественности о разработке Ираном ядерного оружия.

Под угрозой введения со стороны США в 2012 г. вторичных санкций, направленных против компаний и стран, которые ведут коммерческую деятельность с Ираном, ЕС принял американскую политику. Вплоть до настоящего момента данные санкции являются тяжелейшими из всех, что ЕС за историю своего существования накладывал на какую-либо страну. Все иранские банки были отключены от системы *SWIFT*, что значительно осложнило проведение любых финансовых операций ИРИ с Европой.

Вследствие принятия в 2015 г. СВПД*, предусматривающего допуск специалистов МАГАТЭ в ИРИ для наблюдения за работами в ядерной отрасли, ООН сняла все свои санкции. Такого же хода со стороны США и ЕС не последовало, однако увеличение торговли европейцев с Ираном в этот период очевидно (рис. 2).

Рис. 2. Торговля ЕС и США с Ираном (2012–2017 гг.)

*Источник: *The Economist*, 2018

* Совместный всеобъемлющий план действий – политическое соглашение между Ираном и группой государств, известных как «5 + 1», относительно ядерной программы Ирана.

По данным графика видно, что после заключения ядерной сделки торговля ЕС с Ираном увеличилась почти в два раза. Уже в 2016 г. президент Ирана Хасан Рухани посетил Италию с официальным визитом, в ходе которого помимо семи официальных соглашений было подписано и десять коммерческих на общую сумму около 17 млрд евро. Одним из основных стало соглашение между итальянской компанией *Saipem* и иранской *National Gas Company* на общую сумму около 5 млрд долл.

После одностороннего выхода США из СВПД в 2018 г. и ужесточения санкций (в ноябре того же года санкционный список Америки пополнился на 700 новых единиц, среди них физические лица, компании, водный и авиатранспорт и т. д.) в чёрный список попали авиакомпания *Iran Air*, Организация по атомной энергии Ирана, 14 крупнейших банков и ещё более 50 других финансовых организаций ИРИ¹. Евросоюз в целом попытался компенсировать провал ядерной сделки путём создания особого механизма расчётов с Исламской Республикой в обход уже существующих (и рискованных вторичными санкциями) западных финансовых механизмов. Для этого были предприняты попытки создать специальную систему взаимных расчётов *INSTEX* [Didili, 2019], однако она так и не была приведена в действие.

С критикой антииранской политики администрации президента Дональда Трампа выступила в 2018 г. итальянка Федерика Могерини, занимавшая должность Верховного представителя Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности. На брифинге с министром иностранных дел Новой Зеландии Уинстоном Питерсом она оспорила санкции США в отношении Ирана, заявив, что ЕС поощряет малые и средние предприятия к увеличению торговли с Ираном и в Иране в рамках того, что для ЕС является «приоритетом безопасности»², однако на деле это не принесло ощутимых результатов. Италия вошла в список семи стран, которым давалась полугодовая отсрочка до начала применения вторичных санкций, но, осознавая временный характер этой уступки, итальянские компании почти сразу начали приостановление многих своих контрактов и вывоз капитала. Так, не нашло своего воплощения финансовое соглашение между Ираном и Италией³, заключённое ещё в январе 2018 г. *Invitalia Global Investment*, итальянская государственная инвестиционная компания, должна была открыть кредит двум иранским банкам для финансирования итальянских коммерческих проектов в Исламской Республике. Общая стоимость сдел-

¹ США опубликовали список санкций против Ирана // <https://ria.ru/20181105/1532152625.html>, дата обращения 23.09.2021.

² EU foreign policy chief calls on firms to defy Trump over Iran // <https://www.theguardian.com/world/2018/aug/07/eu-foreign-policy-chief-calls-on-firms-to-defy-trump-over-iran>, дата обращения 23.09.2021.

³ Italy and Iran to sign 5.0 billion euro investment agreement: Treasury source // <https://www.reuters.com/article/us-italy-iran-investments-idUKKBN1EZ0Q1>, дата обращения 23.09.2021.

ки оценивалась в 5 млрд евро, что сделало её самым крупным финансовым соглашением Ирана с какой-либо из европейских стран⁴.

Однако в результате ужесточения санкционного режима достигнутый на бумаге успех не смог воплотиться на практике. Режим международных санкций привёл к прекращению поддержки предприятий со стороны *SACE* и *SIMEST*, важнейших кредитных организаций Италии. В основной своей части европейский бизнес в Иране вёлся легально, и компании, получающие большую часть своего дохода из США, решили уступить требованиям Америки, опасаясь вторичных санкций со стороны Вашингтона. Казначейство США препятствует оплате сделок с Ираном в долларах, в результате чего итальянские банки почти прекратили проведение финансовых операций между странами, за исключением небольшого ряда товаров гуманитарного назначения, не затронутых санкциями: лекарств, продовольствия и сельскохозяйственной продукции. Даже те компании, которые работают в не затронутых санкциями секторах, сталкиваются с трудностями в осуществлении взаимных расчётов.

«Им приходится полагаться на те немногочисленные итальянские банки, которые соглашаются на проведение операций с Ираном, например *Banca Popolare di Sondrio*, но даже при этом существует большая неопределённость», — добавляет Аннализа Пертегелла⁵.

Международная итальянская компания *Danieli*, которая является третьим по величине поставщиком оборудования и установок для металлообрабатывающей промышленности в мире, после введения американских санкций была вынуждена закрыть свой филиал в Тегеране. С такими же трудностями столкнулись и многие другие компании⁶, представленные в иранской столице: *Ansaldo Energia*, *Fata*, *Contship*, *Edison*, *Eni*, *Italtel*, *FS Group*, *Pininfarina**.

⁴ Iran-Italy 5b credit agreement represents Europe's decisiveness in expanding Iranian ties // <https://www.tehrantimes.com/news/420253/Iran-Italy-5b-credit-agreement-represents-Europe-s-decisiveness>, дата обращения 23.09.2021.

⁵ Iran, gli italiani sul filo di rasoio // <https://www.panorama.it/news/iran-embargo-sanzioni-azienda-italia>, дата обращения 23.09.2021.

⁶ Там же.

* *Ansaldo Energia* — крупнейшая компания в Италии и одна из ведущих в мире по поставке, установке и обслуживанию оборудования и компонентов для производства электроэнергии, а также инновационных технологий в энергетическом секторе.

* *Fata* — группа компаний, работающая в области проектирования и строительства промышленных установок; недавно была приобретена холдингом *Danieli*.

* *Contship* — компания, специализирующаяся на морских контейнерных терминалах и интермодальных перевозках.

* *Edison* — итальянская компания, осуществляющая деятельность в секторах поставок, производства и продажи электроэнергии, газа и сырой нефти, полностью контролируемая французским концерном *Électricité de France*.

* *Eni* — крупнейшая итальянская нефтегазовая компания.

* *Italtel* — компания, занимающаяся телекоммуникациями.

* *FS Group* — компания, работающая в секторе железнодорожного транспорта.

* *Pininfarina* — компания, занимающаяся выпуском электроавтомобилей класса люкс.

В ноябре 2019 г. Италия объявила запрет на полёты второго основного иранского игрока в сфере авиасообщения – компании *Mahan Air*⁷. При этом можно сказать, что итальянцы всё-таки стремятся удержать на плаву хорошие отношения с ИРИ, иногда – даже в обход санкций. Так, несмотря на отказ в полётах *Mahan Air*, в том же месяце было согласовано возобновление регулярного сообщения Рим – Тегеран, обеспечиваемого находящейся под санкциями авиакомпанией *Iran Air*. Первые рейсы состоялись уже 3 февраля 2020 года. В сентябре посол Италии в Иране Джузеппе Перроне выразил готовность своей страны развивать взаимное сотрудничество с Ираном, подчеркнув, что особую заинтересованность в этом проявляет итальянский частный сектор.

В совокупности санкции США и ЕС против Ирана на данный момент запрещают экспорт в Иран атомной, ракетной и значительной части военной продукции, прямых иностранных инвестиций в нефтегазовую и нефтехимическую промышленность Ирана, проведение финансовых транзакций с ИРИ, экспорт продукции тонкой нефтепереработки, а также любые контакты с Корпусом стражей Исламской революции (КСИР), иранскими банками и страховыми компаниями и т. д.

Таким образом, области сотрудничества Ирана и Италии на данный момент значительно ограничены, и общие объёмы торговли между странами находятся в очень большой зависимости от политической конъюнктуры, решений Евросоюза и санкций со стороны США. Несмотря на попытки обеих стран сотрудничать в обход санкций или в областях, ими не затронутых, широкомасштабного успеха в данном направлении пока достигнуто не было.

Торгово-экономические отношения на современном этапе

Несмотря на санкции США, итальянские компании по-прежнему готовы участвовать в торговле с Ираном. Подобного мнения придерживается также председатель Ирано-итальянской объединённой торговой палаты Ахмад Пурфаллах, который в конце июля 2020 г. в ходе итало-иранского онлайн-бизнес-форума подчеркнул, что, несмотря на давление со стороны США, малые и средние итальянские предприятия не разорвали свои связи с Ираном и Италия по-прежнему занимает первое место среди европейских торговых партнёров Ирана. По мнению бывшего посла Италии в Иране Мауро Кончаторе, в иранском правительстве даже «вдохновляются» итальянской моделью малого и среднего бизнеса ввиду «врождённой склонности иранского народа к предпринимательской деятельности», выработав-

⁷ Italy to ban flights by Iran's Mahan Air from mid-December // <https://www.reuters.com/article/us-usa-iran-sanctions-italy/italy-to-ban-flights-by-irans-mahan-air-from-mid-december-idUSKBN1XC0FV>, дата обращения 23.09.2021.

шейся в результате тысячелетнего нахождения на перекрёстке важнейших мировых торговых путей. Это одна из многих черт, которые сближают итальянцев и иранцев на социокультурном уровне и служат основой взаимной симпатии и многолетнего плодотворного сотрудничества.

«Когда санкции были сняты с экономики Ирана, более 1000 коммерческих фирм и более 300 компаний из Италии приехали в Иран», – продолжил Пурфаллах⁸.

Он также отметил, что итальянские компании всё ещё ищут пути укрепления экономических связей с Ираном, добавив, что каждый месяц в среднем четыре-пять итальянских компаний посещают Иран для проведения торговых переговоров.

В настоящий момент предприятия малого и среднего бизнеса, несмотря на трудности с последующим обналичиванием дохода, всё равно торгуют товарами, которые не попадают в разрешённые категории.

Валерио Рудже, адвокат, старший юрист филиала юридической компании *Rudl & Partner* в Тегеране, один из авторов информационного портала *ISPI*, отметил: «Некоторые банки работают и за пределами официально разрешённых практик, но они делают это в том случае, если об этом их просят клиенты, которым они просто не могут отказать⁹».

Правила применения санкций очень сложные, и в целом имеется возможность найти обходные пути для ведения взаимовыгодной торговли, в том числе через Турцию, ОАЭ и даже Россию. Многие иранские банки, несмотря на то что они находятся в чёрном списке, также находят способы обойти санкции.

Директор *ICE* в Тегеране Аугусто ди Джачинто заявил, что в инвестициях, безусловно, наблюдается спад, поскольку компании в своём выборе склоняются к более привлекательным в краткосрочной перспективе рынкам. Но подобная ситуация даёт малым и средним компаниям возможность заполнить пустоту, оставленную крупным бизнесом. На повестке дня обеих сторон – увеличение взаимной торговли до 13 млрд долл., однако подобный показатель вряд ли достижим: до введения санкций экспорт Ирана в Италию составлял около 7 млрд евро, однако санкции сократили эту цифру до менее чем 1,8 млрд евро.

Теперь следует детально рассмотреть основные экономические показатели двусторонних отношений и с аналитической точки зрения оценить их текущее состояние и перспективность.

⁸ Iran-Italy Business Forum held online // <https://www.tehrantimes.com/news/454847/Iran-Italy-Business-Forum-held-online>, дата обращения 23.09.2021.

⁹ Iran, gli italiani sul filo di rasoio // <https://www.panorama.it/news/iran-embargo-sanzioni-aziende-italia>, дата обращения 23.09.2021.

* Агентство по продвижению за рубежом и интернационализации итальянских предприятий.

Основные показатели экспорта Италии в Иран

В 2017 г., по данным *Eurostat*, Италия была главным европейским партнёром Ирана (рис. 3). По экспорту Италия занимала второе место после Германии, по импорту – второе после Франции, а по общему объёму торговли – первое¹⁰.

Рис. 3. Основные европейские партнёры Ирана в 2017 г.

*Источник: переведено авторами по материалам ISPI [Perteghella A., Corda T., 2018]

На рисунке 3 показаны доли различных европейских стран в торговле ЕС с Ираном. Однако, по данным Организации содействия торговле Ирана, Италия за отчётный период 2017–2018 гг. (1396 г. по иранскому календарю, 21 марта 2017 г. – 21 марта 2018 г.) занимала четвёртое место из числа стран ЕС – экспортёров в Иран с общей долей в импорте Ирана приблизительно 3,4 %. Экспорт Германии, Франции, Нидерландов в Иран в иранских источниках превысил тот же показатель для Италии (табл. 2). При выявлении причины этих различий во внимание следует принимать разные расчётные периоды (в иранской годовой статистике не включаются январь, февраль и половина марта текущего года, но добавляются те же месяцы за следующий год), которые не могут не влиять на итоговый результат, а также различные методики подсчёта.

¹⁰ Dossier Iran. Interscambio UE-Iran e Italia-Iran // <http://www.cciit.it/docs/Dossier%20Iran%20Interscambio%20UE-IR%20ITA-IR%202017.pdf>, дата обращения 23.09.2021.

Анализ источников обеих стран позволяет усреднить оценку роли Италии в импорте Ирана, поставив её всё-таки не на 1-е, как утверждает *Eurostat*, но скорее на 2–3-е место среди стран – членов Евросоюза, занимающихся экспортом в Иран.

Согласно данным Организации содействия торговле Ирана за 1397 г. по иранскому календарю (21 марта 2018 г. – 21 марта 2019 г.), Италия заняла 10-е место среди всех экспортёров в Иран и 3-е – из стран ЕС (в документе её опережают Германия и Нидерланды) (см. табл. 2).

Таблица 2

Основные страны – экспортёры в Иран в 1396–1397 гг. по иранскому календарю (2017–2019 гг. по григорианскому), млн долл.

Страна	Экспорт в Иран, 1396 (2017–2018)	Экспорт в Иран, 1397 (2018–2019)	Процент от совокупного импорта Ирана, 1397	Изменение, %
Китай	13 236	10 315	24,2	–22
ОАЭ	10 059	6567	15,4	35
Турция	3222	2617	6,1	–19
Индия	2258	2595	6,1	15
Германия	3094	2472	5,8	–20
Швейцария	2160	2105	4,9	–3
Республика Корея	3719	2050	4,8	–45
Россия	728	1343	3,2	85
Нидерланды	1440	1159	2,7	–19
Италия	1437	1145	2,7	–20

*Источник: переведено и составлено авторами по *Iran Trade Development Organization*

В выбранный период уже можно отметить падение экспорта из Италии (на 20 %) и сокращение его доли в общем импорте Ирана (до 2,7 с 3,4 % за предыдущий расчётный период). Это во многом напрямую обусловлено выходом США из ядерной сделки с Ираном и наложением в ноябре 2018 г. очередного пакета санкций, косвенно затрагивающих большинство акторов, так или иначе ведущих дела с Ираном. Завершение шестимесячной отсрочки, предоставленной Соединёнными Штатами Италии и ряду других стран для вывода капиталов из Ирана и выхода из двусторонних проектов с этой страной, как раз пришлось на конец 2018 – начало 2019 г., что, по мнению авторов, и сказалось на падении экспорта – пока хоть и не маленьком, но ещё достаточно умеренном по сравнению с обвалом 2019–2020 гг. Интересно также отметить, что экспорт всех стран – членов ЕС, входящих по этому показателю в топ-10 партнёров, снизился почти одинаково – примерно на 20 %.

В 2019 г. падение объёмов экспорта Италии в Иран только набирало обороты. Так, по данным электронного ресурса Министерства иностранных дел Италии¹¹, в период с января по июль 2018 и 2019 гг. объём экспорта снизился уже практически в 2 раза – с 953 млн евро в 2018 г. до всего 441,5 млн евро в 2019 г.

При этом, согласно данным из итальянских официальных источников на начало 2021 г., в относительном выражении позиция Италии как экспортёра в Иран за 2017–2020 гг. изменялась не слишком радикально (табл. 3).

Таблица 3

Место Италии среди прочих экспортёров в Иран и её доля на иранском рынке (2017–2020 гг.)

2017		2018		2019		2020 (январь – август)	
Позиция, №	Доля, %	Позиция, №	Доля, %	Позиция, №	Доля, %	Позиция, №	Доля, %
9	2,8	9	2,8	9	2	7	2,1

*Источник: переведено и составлено авторами по *Iran – Scheda di sintesi*

Ознакомившись с вышеприведёнными данными, можно сделать вывод, что за последние 4–5 лет положение Италии как экспортёра в Исламскую Республику Иран было достаточно стабильным.

При этом, однако, для самой Италии экспорт в Иран не является ключевым направлением внешнеторговой деятельности (табл. 4).

Таблица 4

Место Ирана в совокупном итальянском экспорте (2017–2020 гг.)

2017		2018		2019		2020 (январь – июль)	
Позиция, №	Доля, %	Позиция, №	Доля, %	Позиция, №	Доля, %	Позиция, №	%
43	0,39	47	0,36	64	0,17	68	0,13

*Источник: переведено и составлено авторами по *Iran – Scheda di sintesi*

Как можно заметить, за 2017–2020 гг. для Итальянской Республики роль Ирана как импортёра итальянской продукции неуклонно уменьшалась. Это было, несомненно, продиктовано внешними обстоятельствами – санкциями и общим экономическим кризисом, который обрушился на мир в результате распространения коронавирусной инфекции.

¹¹ Iran – Scambi Commerciali // http://www.infomercatiesteri.it/scambi_commerciali.php?id_paesi=104, дата обращения 23.09.2021.

Помимо стоимостных и процентных показателей товарного экспорта Италии в Иран следует также рассмотреть его структуру. Министерство иностранных дел Италии в соответствии с классификацией экономической деятельности КПЕС-2008 предоставило за период с января по октябрь 2019 г. данные, отражённые в таблице 5.

Таблица 5

Основные статьи итальянского экспорта в Иран (январь – октябрь 2019 г.)

Категория товаров	Млн евро	Процент от совокупного экспорта в Иран
Машины и оборудование общего назначения	120,4	17,6
Машины и оборудование общего назначения прочие	113,4	16,6
Оборудование специального назначения прочее	102,6	15
Препараты лекарственные и материалы, применяемые в медицинских целях	34,4	5
Инструменты и оборудование медицинские	28,1	4,1
Вещества химические основные, удобрения химические и азотные, пластмассы и синтетический каучук в первичных формах	27,6	4

**Источник: переведено и составлено авторами по Il Ministero degli Esteri*

Из приведённых выше данных видно, что в структуре итальянского экспорта в Иран преобладают машины и оборудование общего назначения (двигатели внутреннего сгорания, турбины, насосы, компрессоры и др.)¹² и товары, связанные с медицинской сферой: лекарственные препараты, применяемые в медицинских целях материалы, медицинское (в том числе стоматологическое) оборудование (протезы, линзы и т. д.) и инструменты. Завершает шестёрку лидеров продукция общей химии – удобрения химические и азотные, пластмассы и синтетический каучук в первичных формах.

Помимо вышеперечисленных категорий, Италия, несомненно, экспортирует товары традиционных отраслей – сектора «Сделано в Италии», которыми так славится во всём мире [Овакимян, 2018]: пищевую продукцию

¹² The effect of corona and sanctions on Iran-Italy economic relations and areas of cooperation between the two countries //, дата обращения 23.09.2021.

(сыры, оливковое масло, сладости [*European Commission, 2017*]), продукцию текстильной промышленности, мебель (например, *FederlegnoArredo*)^{*}. Однако в данных секторах, опять же в связи с санкционным режимом, наблюдается спад: экспорт пищевой продукции с 2017 по 2018 г. сократился на 39 %, одежды – на 63 %, мебели – на 33 %¹³.

Налицо отсутствие в экспортной структуре продукции высокотехнологичных отраслей промышленности, обычно обладающих большей добавленной стоимостью. Тем не менее для Италии это представляется хорошей возможностью сбывать продукцию, которая уже стала недостаточно конкурентоспособной для европейского рынка, но тем не менее производство которой продолжает обеспечивать занятость населения в определённых областях страны.

Основные показатели экспорта Ирана в Италию

Поговорив об итальянском экспорте, следует перейти и к направлениям иранского экспорта и роли Италии в нем (табл. 6):

Таблица 6

Основные страны – импортёры из Ирана в 1396–1397 гг. по иранскому календарю (2017–2019 гг. по григорианскому), млн долл.

Страна	Импорт из Ирана, 1396 (2017–2018)	Импорт из Ирана, 1397 (2018–2019)	Доля в совокупном экспорте Ирана, 1397 (2019)	Изменение, %
Китай	9012	9218	20,8	2
Ирак	6555	8961	20,2	37
ОАЭ	6771	5955	13,4	–12
Афганистан	2785	2927	6,6	15
Республика Корея	4386	2568	5,8	–41
Россия	292	281	0,6	–4
Италия	423	276	0,6	–35

^{*}Источник: переведено и составлено авторами по *Iran Trade Development Organization*

¹³ *Iran – Scambi Commerciali* // http://www.infomercatiesteri.it/scambi_commerciali.php?id_paesi=104, дата обращения 23.09.2021.

^{*} Организация, с 1945 г. объединяет представителей мебельной отрасли в Италии, в 2017 г. проводила специальную *B2B*-миссию, в рамках которой представители итальянского мебельного бизнеса встретились с иранскими коллегами в Тегеране.

Bilateral cooperation between Iran and Italy // <http://www.tpo.ir/uploads/europe/g-italia-4.pdf>, дата обращения 23.09.2021.

Из таблицы видно, что, несмотря на достаточно скромные объёмы импорта из Ирана – в абсолютном значении всего 276 млн долл., или меньше 1 % от общего экспорта из Исламской Республики, – Италия здесь уверенно занимает первое место среди стран ЕС – партнёров Ирана. Она же является и первой западной страной в списке, что позволяет говорить о большой роли Италии для налаживания Ираном мостов с Европой – прежде важнейшим партнёром ИРИ (раньше в совокупности страны Европы занимали 1–2-е места и в импорте, и в экспорте Ирана). Здесь важным представляется оценить значение для Италии Ирана как экспортёра и его динамику. Согласно статистике Министерства иностранных дел Италии [*Il Ministero degli Esteri...*, 2020], в 2017 г. Иран занимал 27-е место в структуре импорта Италии, в 2018-м – 30-е, а за период с января по октябрь 2019-го резко опустился на рекордное 91-е место.

Роль Ирана как импортёра для Италии традиционно была ещё менее значительной: в 2018 г. ИРИ занимала 47-е, а в 2019-м – 64-е место среди всех импортёров из Италии по доле в совокупном экспорте Итальянской Республики. Однако в связи с катастрофическим падением экспорта в Иран, превысившим падение импорта из этой страны, в прошлом году это соотношение изменилось. Иран занимает теперь более важную позицию именно в структуре экспорта Италии – 64-е место против 91-го в импорте на 2019 г. или 68-е место против 94-го, если обратиться к статистическим данным за январь–июль 2020 г. Хотя если давать объективную оценку тому, как в такой ситуации может продолжаться развитие коммерческих отношений, вывод достаточно удручающий. Пока на Западе не произойдёт потепления в отношении к Исламской Республике, развитие невозможно. В таких условиях, которые существуют сейчас, поддерживать двусторонние экономические отношения крайне сложно.

Говоря о товарной структуре, то Италия в первую очередь импортирует из Ирана минеральную продукцию (при этом по самой доходной статье иранского экспорта – нефтяной продукции – цифры стремятся к нулю из-за санкций, хотя ранее Италия была активным покупателем дешёвой иранской нефти. Так, например, итальянская нефтегазовая компания *Eni* даже отказалась принимать купленную у нигерийской *Oando PLC* партию нефти, заподозрив, что сырьё имеет иранское происхождение¹⁴, а это, в свою очередь, грозит компании вторичными санкциями со стороны США), металлургическую и некоторую химическую продукцию.

¹⁴ *Eni* заподозрила в иранском происхождении нефти от нигерийского перевозчика // <https://oilcapital.ru/news/companies/21-06-2019/eni-zapodozrila-v-iranskom-proishozhdenii-neft-ot-nigeriyskogo-perevozchika>, дата обращения 23.09.2021.

**Основные статьи итальянского импорта из Ирана
(январь–октябрь 2019 г.)**

Категория товаров	Млн евро	Процент от совокупного экспорта в Иран
Продукты чёрной металлургии	49,7	36,9
Вещества химические основные, пластмассы и синтетический каучук	21,8	16,2
Изделия металлические готовые прочие (тара, проволока, цепи, пружины, крепёжные изделия и т. п.)	16,8	12,5
Продукты многолетних культур (пряности, фрукты тропические и субтропические и т. п.)	8,5	6,3
Мясо переработанное и консервированное и мясные продукты	7	5,2
Камень, песок, глина	6,4	4,8

**Источник: переведено и составлено авторами по Scheda sintetica – Iran. Il Ministero degli Esteri*

Немаловажное место в итальянском импорте из Ирана (табл. 7) занимает пищевая продукция (мясо и мясопродукты), пряности и прочие продукты многолетних культур, по производству которых Иран в течение многих лет является мировым лидером (1-е место по производству шафрана и граната, 1–2-е места по производству фисташек, 2-е место по производству фиников и абрикосов, 3-е место по производству миндаля, киви, черешни, грецкого ореха).

Оценив структуру итало-иранских торговых отношений, можно отметить, что они в основном состоят из импорта продукции добывающих и традиционных отраслей для Италии и импорта продукции машиностроения и традиционных отраслей для Ирана. Для экономики Ирана непосредственно торговые отношения с Италией являются намного более важными, чем для Италии – торговые отношения с Ираном.

Инвестиционные проекты Италии в Иране

К 2019 г. совокупные накопленные ПИИ Италии в Иране составляли 1,4 млрд евро, ПИИ Ирана в Италии – всего 0,063 млрд евро, почти в 23 раза меньше. Ввиду наличия такого большого перевеса в инвестиционном сотрудничестве двух стран автор счёл важным уделить особое внимание именно итальянским инвестициям в иранскую экономику.

Принятие иранскими властями шестого пятилетнего плана на 2016–2021 гг., предусматривающего внедрение стратегии развития и роста, основанной на растущей открытости к принципам рыночной экономики, устранении субсидий, искажающих конкуренцию, и улучшение государственной системы с целью рационализации и повышения эффективности бюрократических процессов, способствовало росту инвестиционной привлекательности страны.

В сфере инвестиционных проектов экономический интерес Италии значительно повышается. Объёмный внутренний рынок (население Ирана – больше 80 млн человек), потребность в качественной транспортной и иной инфраструктуре, огромные запасы газа и нефти (2-е и 4-е места в мире соответственно) являются определяющими факторами этой заинтересованности.

Приток чистых инвестиций Италии в Иран в 2018 г. сократился на 143 млн евро [*Il Ministero degli Esteri...*, 2020], сложившаяся ситуация негативно повлияла на представителей бизнеса обеих стран, но для Италии в какой-то степени удар был даже сильнее. Дело в том, что даже при учёте сокращения притока ПЗИ Италии в Иран накопленные ПЗИ составили на 2018 г. 1,3 млрд евро, тогда как накопленные прямые инвестиции Ирана в итальянскую экономику были в 20 раз меньше и составили всего около 60 млн евро [*Il Ministero degli Esteri...*, 2020].

Со стороны Италии, *во-первых*, провалились многомиллионные сделки по инвестициям итальянских компаний в Иране (например, ситуация с *Invitalia Global Investment* в начале 2018 г.).

Во-вторых, многочисленные предприятия малого и среднего бизнеса в Италии после заключения ядерной сделки – Совместного всеобъемлющего плана действий – в 2015 г. стали надеяться и рассчитывать на выход на иранский рынок.

Американское новостное агентство *New York Times* даже опубликовало статью, посвящённую проблеме иранских санкций для Италии «в лицах»¹⁵. *Gruppo Ventura* из Калабрии, занимающаяся прокладкой железнодорожного полотна, собиралась расширить свою деятельность и заняться прокладкой дорог в Иране. В марте 2017 г. она уже заключила контракт на постройку участка железной дороги в районе Тегерана на 2,3 млн долл. Джорджо Меникони, владелец небольшого кожевенного производства, решил закрепить свой товарный знак в Иране и заключить контакты с местными посредниками, чтобы в дальнейшем выйти на азиатский рынок. Эти и многие другие проекты были вынужденно прекращены.

¹⁵ Italy's Economy Was Humming Nicely. Then Came Trump // <https://www.nytimes.com/2018/06/22/business/italy-economy-trade-war-iran-sanctions.html>, дата обращения 23.09.2021.

Согласно итальянскому новостному агентству *Il Sole 24 Ore*, убыток для итало-иранских отношений, нанесённый санкциями против Ирана, составил 30 млрд евро [Cavestri, 2018]. *Ansaldo Energia* должна была построить газодобывающую установку на Южном Парсе (а это крупнейшее нефтегазовое месторождение в мире), *Maire Tecnimont* подписала соглашение о технических консультациях на нефтехимическом заводе «Ибн-Сина» в Хамадане, а также протокол о намерениях с *Persian Gulf Petrochemical Industries Company* общей стоимостью 1 млрд долл. *Ferrovie dello Stato Italiane* – компания государственных железных дорог Италии – заключила договор о постройке железнодорожной линии Арак – Кум на сумму 1,2 млрд долл., а также планировала строить скоростную железнодорожную линию Тегеран – Кум – Исфahan. Уже не раз упоминавшаяся авиакомпания *Iran Air* сделала заказ на покупку авиатранспорта компаний *Airbus* и *ATR* (последняя на 50 процентов принадлежит *Leonardo* – одному из самых крупных машиностроительных холдингов в Италии) на сумму 38 млрд долл.

Однако стремление итальянцев и иранцев восстановить активную торговлю сохранилось и во время пандемии: 22 июля 2020 г. при поддержке европейской компании *Ambrosetti* и Торговой палаты Тегерана состоялся бизнес-форум «Экономические отношения между Италией и Ираном в современном контексте: нефтяной сектор, роль *EMS*, поддержка ЕС», в котором приняли участие более 800 предпринимателей и профессионалов из Италии и Ирана. В ходе встречи состоялось несколько сотен виртуальных *B2B*-встреч*. 20 ноября 2020 г., например, итальянское посольство в Иране совместно с Итало-иранской торговой палатой организовало вебинар по теме «Иранский рынок: ограничения и возможности. Методы поддержки малого и среднего бизнеса». В мероприятии приняли участие около 130 представителей¹⁶ итальянских СМП, что является несомненным подтверждением заинтересованности предпринимательских кругов Италии в выходе на иранский рынок.

Таким образом, можно сказать, что у итало-иранского сотрудничества есть колоссальные перспективы во многих сферах, и это подтверждается множеством инициатив, предпринятых по данному вопросу до ужесточения антииранских санкций в 2018 г., и постоянным стремлением итальянской и иранской сторон найти выход из сложившейся ситуации. Если бы не внешнее политическое давление, страны бы активно наращивали обороты торговли и взаимных инвестиций.

¹⁶ Iran-Italy Business Forum held online // <https://www.tehrantimes.com/news/454847/Iran-Italy-Business-Forum-held-online>, дата обращения 23.09.2021.

*От англ. *business-to-business* («бизнес для бизнеса») – встречи, на которых сделки обсуждаются между представителями бизнеса.

Заключение

В заключение данной работы можно сделать несколько основных выводов. Несмотря на многочисленные негативные факторы, Италия и Иран всё равно в течение десятилетий продолжают стремиться к развитию сотрудничества во многих сферах.

Огромную роль в итало-иранских отношениях играют отношения обеих стран с Евросоюзом и США. Из-за тяжёлого санкционного режима возможности сотрудничества Ирана и Италии на данный момент значительно ограничены. По сравнению с 2017 г. товарооборот значительно упал, а место Италии в импорте и экспорте Ирана (и наоборот) снизилось и продолжает снижаться.

В структуре экспорта Италии в Иран преобладает продукция машиностроения и традиционных отраслей, высокотехнологичная продукция практически отсутствует. Для Италии это выгодно, так как она может сбывать продукцию, уже не конкурентоспособную на европейском рынке. Иран же получает товары более высокого качества, чем произведённые внутри страны. В структуре экспорта ИРИ в Итальянскую Республику преобладает продукция добывающих отраслей и пищевой промышленности. Несмотря на то что в целом экономика Ирана в значительной части держится на экспорте нефти, данная статья не является ключевой в отношениях с Италией из-за действующих санкций. В целом Италия традиционно является для Ирана более важным торговым партнёром, чем Исламская Республика для Италии, однако инвестиционные проекты в Иране представляются европейцам очень выгодными и нашли бы своё воплощение, если бы не ужесточение санкционного режима. Инвестиционная привлекательность Ирана обуславливается прежде всего наличием широкого внутреннего рынка и доступа к энергоресурсам. Для итальянцев особый интерес представляют сферы инфраструктурного строительства. Несмотря на все неблагоприятные факторы, обе страны стремятся к диалогу и стараются сохранить экономические отношения везде, где для этого представляется возможность.

Оценивая дальнейшую перспективу развития итало-иранских экономических отношений, автор данной работы видит два сценария.

Первый – возможное потепление в отношениях, увеличение объёмов двусторонней торговли и улучшение инвестиционного климата в Иране, что может быть связано с изменением политики США по вопросу иранских санкций.

Такого развития событий теоретически можно ожидать после поражения на выборах Дональда Трампа, чьё президентство было ознаменовано крайне радикальными антииранскими заявлениями и ужесточением санкций, и прихода к власти традиционно более «миролюбивых» демократов. Однако, несмотря на заявления президента США Джо Байдена о готовности вновь сесть за стол переговоров с Ираном, бомбардировка проиранских подраз-

делений на территории Сирии в феврале 2021 года, через месяц после его вступления в должность, является тревожным сигналом.

Второй – сохранение статус-кво и малых объёмов инвестиций и двусторонней торговли (или даже дальнейший спад последних) ввиду сохранения жёсткого санкционного режима и давления на страны ЕС со стороны США.

Конечно, для двусторонних отношений Италии и Ирана благоприятнее первый прогноз, однако автор не возьмётся определить процент вероятности его осуществления.

Особенно следует отметить, что итало-иранские отношения на современном этапе, несмотря на все сложности и препятствия, продолжают плодотворно и устойчиво развиваться в политической, экономической и социокультурной сферах, и, скорее всего, эта тенденция не будет нарушена ни в ближайшем, ни в далёком будущем.

Список литературы

Овакимян М. С., 2018. Экономика Италии: Учеб. пособие. М.: Изд-во МГИМО. 248 с.

Bogo G., 2018. The ‘Special Liaison’ between Italy and Iran: economic, cultural and political affinities // <https://studenttheses.universiteitleiden.nl/handle/1887/65397>, дата обращения 23.09.2021.

Cavestri L., 2018. La rottura di Trump con l’Iran mette a rischio 30 miliardi per l’Italia // <https://www.ilsole24ore.com/art/la-rottura-trump-l-iran-mette-rischio-30-miliardi-l-italia-AEPymjIE>, дата обращения 23.09.2021.

Didili Z., 2019. Six European nations join INSTEX mechanism for trade with Iran // <https://www.neweurope.eu/article/six-european-nations-join-instex-mechanism-for-trade-with-iran/>, дата обращения 23.09.2021.

Perteghella A., Corda T., 2018. Nuova strategia USA verso l’Iran: quali rischi per l’Italia? // <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/nuova-strategia-usa-verso-liran-quali-rischi-litalia-20598>, дата обращения 23.09.2021.

European Commission, 2017. Food and Beverage Market Entry Handbook: Iran. P. 162 // https://ec.europa.eu/chafea/agri/sites/default/files/market-entry-handbook-iran_en.pdf, дата обращения 23.09.2021.

European Commission, 2021. European Union, Trade in goods with Iran // https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/details_iran_en.pdf, дата обращения 23.09.2021.

Il Ministero degli Esteri, 2020. Scheda sintetica – Iran // https://www.esteri.it/mae/images/stories/commercio_internazionale/osservatorio_commercio_internazionale/schede_paese/asia/indicatori_iran_24_01_2020.pdf, дата обращения 23.09.2021.

США опубликовали список санкций против Ирана // <https://ria.ru/20181105/1532152625.html>, дата обращения 23.09.2021.

Eni заподозрила в иранском происхождении нефть от нигерийского перевозчика // <https://oilcapital.ru/news/companies/21-06-2019/eni-zapodozrila-v-iranskom-proishozhdenii-neft-ot-nigeriyskogo-perevozchika>, дата обращения 23.09.2021.

American sanctions will make it hard to revive the Iranian nuclear deal // <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2018/05/12/american-sanctions-will-make-it-hard-to-revive-the-iranian-nuclear-deal>, дата обращения 23.09.2021.

Dossier Iran. Interscambio UE-Iran e Italia-Iran // [http://www.cciit.it/docs/Dossier 20Iran 20Interscambio 20UE-IR 20ITA-IR 202017.pdf](http://www.cciit.it/docs/Dossier%20Iran%20Interscambio%20UE-IR%20ITA-IR%202017.pdf), дата обращения 23.09.2021.

EU foreign policy chief calls on firms to defy Trump over Iran // <https://www.theguardian.com/world/2018/aug/07/eu-foreign-policy-chief-calls-on-firms-to-defy-trump-over-iran>, дата обращения 23.09.2021.

Iran – Scambi Commerciali // http://www.infomercatiesteri.it/scambi_commerciali.php?id_paesi=104, дата обращения 23.09.2021.

Iran – Scheda di sintesi // https://www.infomercatiesteri.it/public/osservatorio/schede-sintesi/iran_104.pdf, дата обращения 23.09.2021.

Iran-EU Trade Down 71,5 % // <https://financialtribune.com/articles/domestic-economy/102183/iran-eu-trade-down-715>, дата обращения 23.09.2021.

Iran-Italy Business Forum held online // <https://www.tehrantimes.com/news/454847/Iran-Italy-Business-Forum-held-online>, дата обращения 23.09.2021.

Iran-Italy €5b credit agreement represents Europe's decisiveness in expanding Iranian ties // <https://www.tehrantimes.com/news/420253/Iran-Italy-5b-credit-agreement-represents-Europe-s-decisiveness>, дата обращения 23.09.2021.

Iran, gli italiani sul filo di rasoio // <https://www.panorama.it/news/iran-embargo-sanzioni-aziende-italia>, дата обращения 23.09.2021.

Italy and Iran to sign 5.0 billion euro investment agreement: Treasury source // <https://www.reuters.com/article/us-italy-iran-investments-idUKKBN1EZ0Q1>, дата обращения 23.09.2021.

Italy to ban flights by Iran's Mahan Air from mid-December // <https://www.reuters.com/article/us-usa-iran-sanctions-italy/italy-to-ban-flights-by-irans-mahan-air-from-mid-december-idUSKBN1XC0FV>, дата обращения 23.09.2021.

Italy's Economy Was Humming Nicely. Then Came Trump // <https://www.nytimes.com/2018/06/22/business/italy-economy-trade-war-iran-sanctions.html>, дата обращения 23.09.2021.

Bilateral cooperation between Iran and Italy // <http://www.tpo.ir/uploads/europe/g-italia-4.pdf>, дата обращения 23.09.2021. (На перс.)

Iran Trade Development Organization – Report on the performance of the country's foreign trade in the year 1397 // https://www.economic.mfa.ir/files/ecodep/news-pics/1138728440_139802161603.pdf, дата обращения 23.09.2021. (На перс.)

The effect of corona and sanctions on Iran-Italy economic relations and areas of cooperation between the two countries // <https://economic.mfa.ir/portal/news-view/598067/>, дата обращения 23.09.2021. (На перс.)

SALUN Sergey N.,

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department K7 "Pedagogy, Psychology, Law, history and Philosophy", Mytischki Branch of Bauman Moscow State Technical University.

Address: 1, 1st Institutskaya str., Mytischki, Moscow region, 141005, Russian Federation

E-mail: caf-pedagog@mgul.ac.ru

UZHAKINA Anna A.,

Student of the Russian University of Transport (MIIT).

Address: 26a, Novosushchevskaya str., Moscow, 127055, Russian Federation

E-mail: annsnakes@gmail.com

ITALY'S CURRENT ECONOMIC RELATIONS WITH IRAN

DOI: 10.48137/2687-0703_2021_16_4_159

Received: 5.11.2021.

For citation: Salun S. N., Uzhakina A. A., 2021. Italy's Current Economic Relations with Iran. – Geoeconomics of Energetics. № 4 (16). P. 159-182. DOI: 10.48137/2687-0703_2021_16_4_159

Keywords: Iran, Italy, sanctions, bilateral cooperation, EU, Italian economy, Iranian economy, JCPOA.

Abstract

The article examines economic relations between the Republic of Italy and the Islamic Republic of Iran, assessing the factors influencing the development of these relations and their significance for each country. As the author shows, bilateral relations are particularly influenced by Italy's membership in the European Union, as well as the sanctions regime initiated against Iran by the United States and supported by Brussels. However, even despite the difficult international situation, for the past two decades Italy has consistently ranked among Iran's top three European partners. The article examines in detail the structure of Italy's exports and imports to Iran and vice versa, and provides an outline of major recent Italian investment projects in Iran. The author concludes that, despite all unfavourable factors, both countries seek dialogue and try to maintain economic relations wherever possible. Bilateral cooperation may be very promising in the future – but only given that the sanctions against Iran are significantly eased.

References

Ovakimyan M., 2018. The Economy of Italy. Moscow: MGIMO Publ., 248 p. (In Russ.)

Bogo G., 2018. The 'Special Liaison' between Italy and Iran: economic, cultural and political affinities // <https://studenttheses.universiteitleiden.nl/handle/1887/65397>, accessed 23.09.2021. (In Eng.)

Cavestri L., 2018. Trump's break with Iran puts Italy at risk of 30 bn // <https://www.ilsole24ore.com/art/la-rottura-trump-l-iran-mette-rischio-30-miliardi-l-italia-AEPymjIE>, accessed 23.09.2021. (In Ital.)

Didili Z., 2019. Six European nations join INSTEX mechanism for trade with Iran // <https://www.neweurope.eu/article/six-european-nations-join-instex-mechanism-for-trade-with-iran/>, accessed 23.09.2021. (In Eng.)

Perteghella A., Corda T., 2018. New US strategy towards Iran: what are the risks for Italy? // <https://www.ispionline.it/it/publicazione/nuova-strategia-usa-verso-liran-quali-rischi-litalia-20598>, accessed 23.09.2021. (In Ital.)

European Commission, 2017. Food and Beverage Market Entry Handbook: Iran. P. 162 // https://ec.europa.eu/chafea/agri/sites/default/files/market-entry-handbook-iran_en.pdf, accessed 23.09.2021. (In Eng.)

European Commission. European Union, Trade in goods with Iran // https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/details_iran_en.pdf, accessed 23.09.2021. (In Eng.)

Il Ministero degli Esteri. Fact sheet – Iran // https://www.esteri.it/mae/images/stories/commercio_internazionale/osservatorio_commercio_internazionale/schede_paese/asia/indicatori_iran_24_01_2020.pdf, accessed 23.09.2021. (In Ital.)

US releases list of sanctions against Iran // <https://ria.ru/20181105/1532152625.html>, accessed 23.09.2021. (In Russ.)

Eni was suspected of the Iranian origin of oil from a Nigerian carrier // <https://oil-capital.ru/news/companies/21-06-2019/eni-zapodozrila-v-iranskom-proishozhdenii-neft-ot-nigeriyskogo-perevozchika>, accessed 23.09.2021. (In Russ.)

American sanctions will make it hard to revive the Iranian nuclear deal // <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2018/05/12/american-sanctions-will-make-it-hard-to-revive-the-iranian-nuclear-deal>, accessed 23.09.2021. (In Eng.)

Dossier Iran. EU-Iran and Italy-Iran trade // [http://www.cciit.it/docs/Dossier 20Iran 20Interscambio 20UE-IR 20ITA-IR 202017.pdf](http://www.cciit.it/docs/Dossier%20Iran%20Interscambio%20UE-IR%20ITA-IR%202017.pdf), accessed 23.09.2021. (In Ital.)

EU foreign policy chief calls on firms to defy Trump over Iran // <https://www.theguardian.com/world/2018/aug/07/eu-foreign-policy-chief-calls-on-firms-to-defy-trump-over-iran>, accessed 23.09.2021. (In Eng.)

Iran – Trade // http://www.infomercatiesteri.it/scambi_commerciali.php?id_pae-si=104, accessed 23.09.2021. (In Ital.)

Iran – Factsheet // https://www.infomercatiesteri.it/public/osservatorio/schede-sintesi/iran_104.pdf, accessed 23.09.2021. (In Ital.)

Iran-EU Trade Down 71.5 % // <https://financialtribune.com/articles/domestic-economy/102183/iran-eu-trade-down-715>, accessed 23.09.2021. (In Eng.)

Iran-Italy Business Forum held online // <https://www.tehrantimes.com/news/454847/Iran-Italy-Business-Forum-held-online>, accessed 23.09.2021. (In Eng.)

Iran-Italy €5b credit agreement represents Europe's decisiveness in expanding Iranian ties // <https://www.tehrantimes.com/news/420253/Iran-Italy-5b-credit-agreement-represents-Europe-s-decisiveness>, дата обращения 23.09.2021. (In Eng.)

Iran, Italians on the brink // <https://www.panorama.it/news/iran-embargo-sanzioni-aziende-italia>, accessed 23.09.2021. (In Ital.)

Italy and Iran to sign €5.0 billion investment agreement: Treasury source // <https://www.reuters.com/article/us-italy-iran-investments-idUKKBN1EZ0Q1>, accessed 23.09.2021. (In Eng.)

Italy to ban flights by Iran's Mahan Air from mid-December // <https://www.reuters.com/article/us-usa-iran-sanctions-italy/italy-to-ban-flights-by-irans-mahan-air-from-mid-december-idUSKBN1XC0FV>, accessed 23.09.2021. (In Eng.)

Italy's Economy Was Humming Nicely. Then Came Trump // <https://www.nytimes.com/2018/06/22/business/italy-economy-trade-war-iran-sanctions.html>, accessed 23.09.2021. (In Eng.)

Bilateral cooperation between Iran and Italy // <http://www.tpo.ir/uploads/europe/g-italia-4.pdf>, accessed 23.09.2021. (In Pers.)

Iran Trade Development Organization - Report on the performance of the country's foreign trade in the year 1397 // https://www.economic.mfa.ir/files/ecodep/news-pics/1138728440_139802161603.pdf, accessed 23.09.2021. (In Pers.)

The effect of corona and sanctions on Iran-Italy economic relations and areas of cooperation between the two countries // <https://economic.mfa.ir/portal/news-view/598067/>, accessed 23.09.2021. (In Pers.)

CONTENTS

EDITORIAL	4
ENERGY POLICY	
E. KUZMINA. <i>Nuclear Power in Central Asia</i>	6
GEOPOLITICS AND ENERGY MARKETS	
T. MANASERYAN. <i>Prospects for Reducing Common Threats to Economic Security in Post-Soviet Countries Through Harmonized Economic Diplomacy</i>	22
O. BORISOVA, D. VYSHEGORODTSEV, <i>Nord Stream 2: Conceptual Research Approaches, Risks and National Interests of The Participating Countries</i>	44
EURASIAN INTEGRATION AND COMMON MARKETS	
S. ZHILTSOV. <i>EAEU Contemporary Development: Results and New Challenges</i>	70
K. RAKHIMOV, A. AZIZOVA. <i>Prospects for Multi-Speed Integration in the EAEU</i>	95
WORLD ECONOMIC RELATIONS AND ACADEMIC RESEARCH	
R. DZARASOV. <i>Position in the Global Market as a Factor of Economic Development of Russia</i>	109
S. MUDROVA. <i>Innovative Activity in The Modern Russian Economy</i> . . .	120
SPECIAL OPINION	
G. NIGMATULLAYEVA. <i>Conceptual Development of Electric Energy of The Republic of Uzbekistan: Problems and Prospects</i>	148
YOUNG RESEARCHER	
S. SALUN, A. UZHAKINA. <i>Italy's Current Economic Relations with Iran</i>	159

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имён, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится заимствований, нарушающих чьи-либо авторские права, и данных, не подлежащих открытой публикации. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Редакция не ведёт переписку с авторами. Рукописи не возвращаются.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Геоэкономика энергетики» обязательна.

Научно-аналитический журнал «Геоэкономика энергетики»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-75848
выдано 13 июня 2019 года

Возрастная категория: 16+

Подписной индекс 33321 на полугодие
в интернет-каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

ISSN 2687-0703

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ГЕОЭКОНОМИКА ЭНЕРГЕТИКИ»
№ 4 (16) 2021

Издательство Института стран СНГ
Адрес издательства и редакции: г. Москва, ул. Б. Полянка, дом 7/10, стр. 3
Телефоны: (499) 799-81-49, (499) 799-81-62
E-mail: info@geoenergy-journal.ru
Сайт: <http://geoenergy-journal.ru>

Подписано в печать 30.12.2021
Формат 70×100 1/16. Печать офсетная.
Тираж по заказу.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «ПРИНТИКА».
109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 91, корп. 1, пом. 11, к. 2, оф. 14-5.

